

итет"
евер"

Е911

Ефименко ПС

Завелоцкая чуда

722938

ЗАВОЛОЦКАЯ ЧУДЬ

СОСТАВИЛЪ

**Дѣйствительный Членъ Архангельскаго Губернскаго
Статистическаго Комитета и Членъ-Сотрудникъ
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества**

П. С. ЕФИМЕНКО.

ИЗД. АРХАНГЕЛЬСКАГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА.

Архангельскъ.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1869 г.

722938

902.4

1956

2002

Архангельская
Областная
Библиотека

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеб. №№	№№ списка и порядковый	1946 г.
13						13	169	

1672

ЗАВОЛОЩКАЯ ЧУДЬ.

Предметъ, которому посвящена настоящая статья, уже неоднократно обращалъ на себя вниманіе ученыхъ. Такъ, подъ выставленнымъ заглавіемъ напечатано было двѣ статьи: первая извѣстнымъ финнологомъ Кастрепомъ въ Гельсингфорской финской газетѣ *Suomi* за 1844 г., вторая докторомъ Эйхвальдомъ въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества.

Къ сожалѣнію, пишущему эти строки не представилось возможности познакомиться съ изслѣдованіями того и другаго ученаго; ему извѣстны только, изъ второстепенныхъ источниковъ, нѣкоторые, впрочемъ, главные результаты ихъ изысканій.

Тому же предмету, и вообще изученію жизни финскихъ племенъ, нѣкогда обитавшихъ на Сѣверѣ, а потомъ исчезнувшихъ, посвящаетъ свои труды, уже болѣе десяти лѣтъ, финскій ученый Д.П. Европеусъ, который напечаталъ и еще готовитъ къ изданію нѣсколько специальныхъ изслѣдованій по этой части. Важные научные выводы его на счетъ Чуди, съ которыми я знакомъ, какъ изъ нѣкоторыхъ его печатныхъ статей, такъ еще болѣе изъ его писемъ ко мнѣ, выведены имъ изъ научнаго разбора нерусскихъ названій мѣстностей и проливаютъ яркій свѣтъ на этотъ темный предметъ.

Почему же я, имѣя въ виду подобныя спеціальныя изслѣдованія и безъ надлежащей подготовки, берусь за тотъ же предметъ; не будетъ ли трудъ мой лишнимъ? Можетъ быть спросить иной читатель,

✓ Я берусь за перо вовсе не съ цѣлью писать ученый трактатъ; я имѣю намѣреніе сообщить только народныя преданія, существующія о Чуди въ Архангельской губерніи и разбросанныя въ разныхъ рукописныхъ и печатныхъ источникахъ, привести указанія нѣкоторыхъ историческихъ памятниковъ, относящихся сюда же, познакомить съ результатами изысканій упомянутыхъ выше и иныхъ ученыхъ и, наконецъ, сдѣлать изъ всего сообщеннаго нѣсколько общихъ выводовъ. Думаю, что народныя преданія и указанія на памятники исчезающаго народа представляютъ интересъ и для ученыхъ специалистовъ, а свѣдѣніе изысканій разныхъ ученыхъ не будетъ лишнимъ для тѣхъ изъ читателей, которые вовсе не знакомы съ выводами специалистовъ. Если же мнѣ удастся на столько возбудить интересъ въ читателяхъ къ настоящему предмету, что это вызоветъ новыя сообщенія фактовъ и указаній, въ родѣ приводимыхъ въ началѣ статьи, то я вполне достигъ своей цѣли,

Прежде всего является вопросъ: живётъ ли въ настоящее время въ Архангельской губерніи Чудь, какъ особое племя. Вопросъ этотъ для жителей здѣшней губерніи покажется страннымъ: всѣмъ здѣсь извѣстно, что въ настоящее время Чуди, какъ особеннаго народа, нѣтъ ни одного человека въ Архангельской губерніи. Между тѣмъ въ разнаго рода географическо-статистическихъ сочиненіяхъ

нѣхъ о нашемъ краѣ не въ рѣдкость встрѣтите увѣренія въ противномъ. Вотъ напр. г. Козловъ, авторъ Географическо-статистическаго описанія Архангельской губерніи, надобно замѣтить, самъ посѣщавшій нашъ край, сообщаетъ, что здѣсь живутъ изъ инородцевъ: Самоѣды, Лопари, Корелы, Зыряне и Чудь (стр. 113). «Что касается Чуди, пишетъ онъ, то свѣдѣній о численномъ составѣ этого племени нѣтъ никакихъ. Чудь не составляетъ отдѣльно или большою семьею живущаго племени, но живетъ среди русскихъ, въ уѣздахъ Архангельскомъ, Пинежскомъ итакже Холмогорскомъ (114 стр.)» Въ Географическо-статистическомъ Словарѣ, издаваемомъ Географическимъ Обществомъ сказано почти тоже «Преобладающую массу населенія Архангельской губерніи образуютъ русскіе и преимущественно потомки древнихъ Новгородцевъ. Изъ неславянскихъ племенъ *упрѣдм* слѣдующія: 1) Лопари... 2) Корелы... 3.) *Заолоцкая Чудь*..... Чудь въ настоящее время такъ смѣшалась съ русскимъ населеніемъ въ уѣздахъ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Пинежскомъ, что не можетъ быть исчислена отдѣльно отъ великороссійскаго племени.» (Т. 1 стр. 139). Увѣренность въ существованіе Чуди въ здѣшнемъ краѣ до того распространена печатными сочиненіями, что упомянутый выше ученый изслѣдователь Финскихъ языковъ Европеусъ просилъ меня составить для него краткій словарь чудскаго языка и высказывалъ мысль о необходимости отправить сюда знатока для изслѣдованія чудскаго нарѣчія, подобно тому, какъ онъ самъ нѣкогда путешествовалъ по Олонецкой и Новгородской губерніи съ цѣлью изученія языка Чуди, дѣйствительно живущей тамъ въ небольшомъ количествѣ. Эти неопровержимыя свѣдѣнія о теперешнемъ пребываніи осо-

баго народа Чуди въ Архангельской губерніи имѣють своимъ источникомъ изданіе Центрального Статистическаго Комитета «Списки населенныхъ мѣстъ Архангельской губерніи».

На заявленіе мое, помѣщенное въ 94-мъ № С Петербургскихъ Вѣдомостей за 1867 годъ, о несуществованіи Чуди въ Архангельской губерніи, вопреки показаніямъ «Списковъ населенныхъ мѣстъ», редакторъ послѣдняго изданія г. Е. Огородниковъ возражалъ (№ 100 тѣхъ же Вѣд.), что въ Спискахъ нѣтъ положительнаго указанія о пребываніи Чуди въ Архангельской губерніи, что свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, основанныя на показаніяхъ мѣстныхъ священниковъ, имѣють силу только однихъ предположеній и что, слѣдовательно, и въ книгѣ, (т. е. въ Спискахъ насел. мѣстъ) и въ дѣйствительности оказываются остатки народа, который, утративъ языкъ, сохранилъ память о своемъ племенномъ происхожденіи не только въ преданіяхъ, а въ другихъ племенныхъ признакахъ.» Но если бы это было такъ на самомъ дѣлѣ, то какимъ бы образомъ упомянутыя выше лица, заимствовавшія почти буквально свои свѣдѣнія о племенахъ Архангельской губерніи изъ Списковъ насел. мѣстъ придали бы имъ смыслъ положительнаго заявленія о существованіи Чуди въ здѣшнемъ краѣ?! Не смотря на отрѣченіе г. Огородникова отъ опубликованныхъ имъ извѣстій на счетъ Чуди, все таки нельзя не привести здѣсь этихъ свѣдѣній, какъ они помѣщены въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ, во 1-хъ потому, что они указываютъ въ какихъ именно мѣстахъ сохранились болѣе живыя преданія о пребываніи Чуди; во 2-хъ для того, чтобы самъ читатель убѣдился въ томъ, есть ли въ словахъ редактора

Упомянутаго изданія положительное заявленіе о существованіи въ нашей мѣстности Чуди или нѣтъ.

Послѣ историческихъ замѣчаній о племенахъ, населявшихъ крайній Сѣверъ, съ того времени, какъ онъ сдѣлался извѣстнымъ русскимъ, редакторъ Списковъ населенныхъ мѣстъ говоритъ, что «этнографическій составъ Архангельской губерніи почти безъ измѣненія остается въ томъ же видѣ и въ настоящее время. Ее населяютъ Русскіе, Лопари, Корелы, Чудь, Зыряне и Самоѣды» (стр. XV). Затѣмъ дѣлаетъ указанія на мѣста разселенія Русскихъ или отдѣльно, «или въ смѣшеніи съ Корелами и Чудью,» на основаніи отмѣтокъ, сдѣланныхъ мѣстнымъ духовенствомъ, которыя «приобрѣтаютъ полную степень вѣроятности и могутъ послужить въ рукахъ этнографа драгоценнымъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ этнографическихъ изслѣдованій.» По этимъ указаніямъ Чудь въ смѣшеніи съ Русскими живетъ: въ Архангельскомъ уѣздѣ въ первомъ станѣ, по правой сторонѣ Сѣверной Двины въ селеніяхъ и деревняхъ: Бобровской, Емельяновской, Степановской, Савинской, Циновецкой, Филимоновской, Уваровской, Самычевской, Петрушевской, Дурасовской 1-й, Чухаревской, Кондратьевской, Александровской, Елецовской, Дурасовской 2-й, Устьлындовскомъ, Нефедьевской, Бурмачевской, Олодовской, Митрофановской, Чухчинской, Патракѣвской, и Ивайловской. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ: въ первомъ станѣ, по берегамъ р. Двины и частію при рр. Бояръ-Курѣ и Куростровкѣ, въ деревняхъ: Анпиной горѣ, Рогачевской, Тихановской, Матвѣевской, Мараковской, Перхуровской, Петровской, Даниловской, Косиновской, Трехиновской, Боярской, Андриановской, и селахъ Верхнематигорскомъ,

Емецкомъ; во второмъ станѣ, по слѣдующимъ рѣкамъ: по р. Емцѣ, въ деревняхъ: Шильцовой, Кожевской горѣ, Хвосты, Корчевской, Юрсобицкой, Горончаровской, Сухаревой, Запольѣ и Осередской; по р. Сѣверной Двинѣ, въ деревняхъ: Андріановской; Березникѣ, Заозерской, Филиповской, Пердуновской, Карзевской, Терехихѣ, Ощеповой, Горкѣ, Терентьевой и Нижнемъ Концѣ, а также частію по р. Ваймугѣ и при озерѣ Кульминѣ въ деревняхъ: Бросачевской, Кульминской, Кязмежской. Въ Пинежскомъ уѣздѣ, по рр. Немнугѣ и Пинегѣ, въ деревняхъ: Верхнеконской и Валтегорской. Послѣ этого въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ сдѣлано добавленіе: «Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, впрочемъ, замѣчена, по спискамъ приходскихъ священниковъ, Чудь, живущая отдѣльными селеніями, внизъ по теченію р. Бояръ-Курыи, въ деревняхъ: Анциферовской, Вахрамьевской, Расходовской, Березнической, Обуховской, Нижнематигорской, Демидовской, Тюмшенской 1 и 2. Если это замѣчаніе вѣрно, то нельзя не обратить вниманія на ту странность, что мѣстности, населенныя исключительно Чудскимъ племенемъ, носятъ совершенно русскія названія, (стр. XV—XVII). Вотъ эта-то послѣдняя оговорка и дала возможность г. Огородникову утверждать, что въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ нѣтъ положительнаго заявленія о существованіи Чуди въ Архангельской губерніи, какъ самостоятельнаго народа, сохранившаго свои племенные особенности и свой собственный языкъ. Между тѣмъ, какъ самъ читатель видитъ, настоящимъ замѣчаніемъ вовсе не отрицается того, что Чуди въ настоящее время нѣтъ въ Архангельской губерніи и не утверждается того, чтобы она утратила свое собственное нарѣчіе. Если бы сос-

тавитель книги предполагалъ фактъ обрусѣнія здѣшной Чуди, тогда бы онъ заявилъ объ этомъ положительно, какъ заявлено имъ объ обрусѣніи Кореловъ нѣкоторыхъ деревень Онежскаго уѣзда.

Опредѣлить и узнать, что это былъ за народъ Чудь, къ какому изъ финскихъ племенъ онъ принадлежалъ, какъ далеки были границы его распространенія и каковъ былъ образъ жизни его, для науки возможно, даже очень приблизительно. Но для этого надобно много поработать: собрать все то, что онъ оставилъ по себѣ въ преданіяхъ народа, въ обликѣ, обычаяхъ и языкѣ здѣшнихъ крестьянъ, въ разнаго рода вещественныхъ памятникахъ, а главное, при помощи подробнаго списка населенныхъ и ненаселенныхъ мѣстностей. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи здѣсь весьма мало дѣлается, по недостатку людей понимающихъ научное значеніе подобныхъ трудовъ. Прямѣромъ равнодушія къ научнымъ вопросамъ можетъ служить тотъ фактъ, что на мои Вопросы о Чудяхъ съ подробной программой, помѣщенные въ 18 № Губернскихъ Вѣдомостей за 1867 г., не получено ни одного отвѣта, кромѣ только отъ тѣхъ лицъ, къ которымъ я обращался съ особенной письменной просьбой. По части собранія народныхъ преданій о Чудяхъ и объ оставленныхъ ею вещественныхъ слѣдахъ, правда, кое—что сдѣлано, какъ увидимъ ниже, но за то изслѣдованія или открытія разнаго рода матеріальныхъ памятниковъ: чудскихъ могилъ, кладбищъ, череповъ, кладовъ, орудій не посчастливилось вовсе; этимъ дѣломъ до сихъ поръ у насъ никто не занимался. Надобно полагать, что пробѣлъ этотъ замѣнится у насъ составленіемъ списковъ нерусскихъ названій мѣстностей. Составивъ сборникъ

нерусскихъ названій мѣстностей, мы будемъ имѣть обстоятельный словарь языка этого народа. А какъ языкъ народа служить выраженіемъ всѣхъ его понятій, то специалистъ—ислѣдователь, имѣющій въ своихъ рукахъ словарь чужаго народа, можетъ познакомиться не только съ внѣшней стороной народной жизни, съ его бытомъ, но и съ совокупностью всѣхъ его понятій, на сколько они отразились въ названіяхъ; однимъ словомъ вступить въ область духовной жизни невѣдомаго народа. Такой живой словарь, разбросанный на огромномъ пространствѣ имѣетъ свое преимущество передъ книжнымъ словаремъ, именно въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить и указателемъ географическаго распространенія каждаго, исчезнущаго или живаго еще племени и передвиженій его въ разное время, слѣдовательно заключаетъ въ себѣ и частичку исторіи. Важность собранія нерусскихъ названій мѣстностей нѣкоторые изъ любителей науки понимали уже давно. Такъ Крестянинъ въ своей Исторіи г. Холмогаръ высказалъ мысль: «знать посторонній языкъ, изъ котораго извлечены и присвоены въ російскій языкъ имена нашихъ селеній, рѣкъ и урочищъ, необходимо, ибо симъ способомъ открывается намъ тотъ самый древній народъ, который занималъ Двинскую нашу землю прежде Славянъ великоновгородскихъ, овладѣвшихъ потомъ сею землею и ея жительствомъ» (стр. 2.)

Къ сожалѣнію, къ осуществленію такой полезной мысли, высказанной еще въ прошедшемъ столѣтіи, стали стремиться только въ позднѣйшее время и то не многіе. Хотя учёные Шегренъ и Кастренъ обращали вниманіе на мѣстные названія нерусскаго происхожденія въ Сѣверной и Сре-

дней Россіи, но специальныхъ изслѣдованій не сдѣлали, и только въ настоящее время финнологъ Д. П. Европеусъ, какъ мы сказали уже, посвятилъ свои многолѣтніе труды этому предмету, которые общають принести для науки богатые результаты. Нашъ Статистическій Комитетъ также способствуетъ этимъ важнымъ трудамъ составленіемъ списка русскихъ и нерусскихъ названій мѣстностей, въ дополненіе къ списку населенныхъ мѣстъ.

Вотъ все, что я считалъ необходимымъ сказать, отчасти даже повторяя переданное въ статьѣ «Вопросы о Чуди» и въ докладѣ моемъ Статистическому Комитету 10 Мая 1867 года (Арханг. Губ. Вѣдом. 1867 года № 83), прежде нежели приступить къ сообщенію народныхъ преданій о Чуди. Нижеслѣдующія преданія, которыя я располагаю по уѣздамъ, собраны и взяты мною изъ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за всѣ годы ихъ существованія, изъ изданій Статистическаго Комитета, и другихъ печатныхъ сочиненій и статей о губерніи, рукописныхъ описаній сельскихъ приходовъ, составленныхъ для Статистическаго Комитета мѣстными священниками и свѣдѣній лично полученныхъ мною отъ нѣкоторыхъ лицъ, какъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

По народнымъ преданіямъ, существующимъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, тамошніе коренные обитатели, Чудь, защищая отчаянно свою землю отъ вторженій Новгородцевъ, ни за что не хотѣли покориться пришельцамъ. Услышавъ и узнавъ о пришествіи Новгородцевъ, туземцы во всякомъ возвышенномъ и удобномъ мѣстѣ строили крѣпости и оттуда съ остервененіемъ защищались отъ

пришельцевъ. Однакоже, имъ трудно было противостоятъ стремленію Новгородцевъ и они должны были уступать одно мѣсто за другимъ. При явной неудачѣ отпора, нѣкоторые изъ Чуди бѣжали въ лѣса, другіе добровольно умерщвляли себя копьями и луками, иные со всѣмъ своимъ имѣніемъ погребались живыми въ глубокихъ рвахъ, а нѣкоторые оставались въ своихъ мѣстахъ. Закапывалась въ землю Чудь, по преданію, такимъ способомъ: выкапывали ямы, ставили по угламъ столбики, дѣлали надъ ними крыши, на кладывали на крыши камни и землю, потомъ сходили въ ямы съ имуществомъ и, подрубивъ подставки, погибала.

Чудскихъ крѣпостей въ Шенкурскомъ уѣздѣ весьма много. Такъ въ Заостровскомъ приходѣ мѣсто, гдѣ Чудь, по преданію, защищалась отъ своихъ непріятелей, находится въ 5-ти верстахъ и называется чудскимъ городкомъ. Городокъ стоитъ на высокомъ угорѣ; подъ нимъ съ одной стороны течетъ рѣчка Нюма, а съ другой глубокий ручей, впадающій въ Нюму; отъ плоскости мѣста онъ обнесенъ валомъ выше сажени. Точно такая же крѣпость находится и въ Топецкомъ приходѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоятъ церкви. (Пам. Кн. Арханг. Губ. на 1864 г. стр. 1-я). Въ Троицкомъ приходѣ Чудь вмѣстѣ съ Новгородцами вошла въ составъ Троицкой боярщины. (Тамъ же). С. Борокъ также имѣлъ свою крѣпость (Арханг. Губ. Вѣд. 1868 г. № 24).

По теченію рѣки Устья, впадающей въ Вагу, на правой сторонѣ ея, въ Благовѣщенскомъ приходѣ, напротивъ устья Кокшеньги, между двумя ручьями, на возвышенной горѣ, проживавшая Чудь оставила по себѣ признаки: валъ кругомъ

сопки, (кургана) какъ бы родъ крѣпости, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ямы, сходныя съ погребамъ. При разработкѣ той сопки подъ хлѣбопашество крестьяне въ недавнее время находили бугры глины. Изъ этого заключаютъ, что на тѣхъ мѣстахъ были чудскія печи. Отъ тѣхъ населенцевъ чудскаго племени взята была въ деревню Михалевскую дѣвица въ супружество за крестьянина Черепанова. Дѣвица эта была мужественна, имѣла необыкновенную силу въ сравненіи съ прочими дѣвками. Потомство же ея уже ни чѣмъ не отличалось отъ новыхъ ея земляковъ. (Нарядъ Благовѣщ. Приказа 1847 года о доставл. Управл. Арханг. Удѣл. Конторѣ этнографич. свѣдѣній.)

Ниже рѣки Устья въ Вагу впадаетъ съ лѣвой стороны Пуя. Вдоль по теченію Пуи, на 30-ти верстномъ пространствѣ, расположенъ Пуйскій приходъ. Первые населенцы его, по устному преданію, были также чудскаго племени. Еще и нынѣ въ берегахъ рѣки Пуи указываютъ мѣста, служившія кладбищемъ для Чуди. Одно изъ такихъ мѣстъ усвоило за собой названіе *Могильника*. Существованіе чудскихъ кладбищъ доказывается высынающимися изъ береговъ рѣки человѣческими костями. Есть еще одна гористая мѣстность, называемая *Паново*; тутъ будто бы жили прежде чудскіе паны, т. е. главные чудскіе начальники. *Паново* имѣетъ видъ искусственнаго крѣпостнаго вала, расположеннаго на гористомъ мѣстѣ и примыкающаго съ одной стороны къ рѣкѣ, а со всѣхъ прочихъ округленнаго правильнымъ полукругомъ, въ срединѣ коего низменная площадь. Смежно съ Пановымъ лежатъ другія двѣ точно такія же гористыя съ своими площадями мѣстности, представляющіяся въ совершенно пра-

вильной симметріи одно съ другимъ. Носится въ народѣ преданіе, будто всѣ эти гористыя округлости сдѣланы искусственно и изъ за нихъ, подъ ихъ прикрытіемъ, при уничтоженіи чудскихъ племенъ Новгородскими, производилась съ той и другой стороны ожесточенная перестрѣлка изъ огнестрѣльныхъ орудій. (Опис. Шуйскаго прих. св. Меодіева).

Райбольскій приходъ, расположенный по Вагъ, въ 5 верстахъ отъ Шенкурска, и существующій уже около пяти сотъ лѣтъ, также первоначально, какъ и вся важская страна, населенъ былъ Чудью, которая въ послѣдствіи смѣшалась съ пришельцами изъ Новгорода, приняла христіанство и исполнѣ обрусѣла. (Рукоп. оп. пр.)

Мѣстность сзанаго Шенкурска, называвшагося до 1300 г. Шеньгъ—Курье, отъ рѣки Шеньги, впадающей въ Вагу, возлѣ города въ 7 верстахъ, издревле составляла чудское поселеніе, донинѣ извѣстное въ памяти народа подъ именемъ чудскаго городища. (Арханг. Губериск. Вѣдом. 1846 года № 14). Городище было расположено на горѣ; съ западной стороны его протекала Шеньга, а съ лѣвой Большой ручей, дѣлавшіе гору неприступною; съ южной и восточной стороны былъ выкопанъ ровъ (Арханг. Губериск. Вѣдом. 1850 года № 11). На мѣстѣ городища, еще во время Пошмана, были видны земляные валы, и тайные выходы, проходившіе къ рѣчкѣ Большому ручью и къ Вагъ, которая нынѣ течетъ на мѣстѣ рѣки Шеньги. (Описаніе Арханг. Губер. Пошмана 1302 года, стр. 88).

Близъ рѣки Мехренги, впадающей въ Емцу въ Холмогорскомъ уѣздѣ, на стоверстномъ почти въ окружности пространствѣ, раскинутъ Церковническій приходъ, вмѣщающій въ себѣ 41 селеніе и 1500 душъ жителей. Приходъ этотъ извѣстный въ древности подъ именемъ Мехренгскаго стана, со всѣхъ сторонъ окруженъ, на дальнее разстояніе, дремучими лѣсами, непроходимыми болотами и тучубами. Крестьяне, живущіе тамъ, причисляютъ себя, по происхожденію, къ двумъ племенамъ: одни къ чудскому, другіе къ новгородскому. Въ рукописномъ описаніи церковническаго прихода свящ. Зуева сказано:» По всей вѣроятности, первые насельники прихода были чудскаго племени и бѣжавшіе къ нимъ, во время бывшихъ неурядицъ между удѣльными князьями, новгородцы. Каковыя насельники, по своему смѣлому и предпримчивому праву, отвагѣ и удалству, жили разбоемъ и грабежемъ, нападая на окрестныхъ жителей, чему, впрочемъ, благоприятствовало и самое мѣстоположеніе. По условіямъ мѣстности здѣшній приходъ могъ служить, и дѣйствительно былъ, по сказанію мѣстныхъ старожилловъ, самымъ безопаснымъ притономъ шаекъ разбойничьихъ; что, впрочемъ, съ достовѣрностью можно подтвердить кладбищами, удаленными отъ жилищъ, въ дремучіе лѣса; каковыхъ кладбищъ, вверхъ по протекающей здѣшній приходъ рѣчкѣ Шордѣ, и по настоящее время находится около пяти и всѣ они устроены на довольно высокихъ пригоркахъ, изъ которыхъ въ весеннее время, нерѣдко вымываетъ водою черепа и кости человѣческія. Чудское происхожденіе мѣстнаго населенія подтверждается лицами изъ здѣшнихъ старожилловъ, ведущими родъ свой прямо отъ Чудскаго племени.»

Переходимъ въ Холмогорскій уѣздъ. Въ 30 верстахъ отъ с. Моржегоръ, близъ деревни Черозеро, на опушкѣ лѣса находятся ямы съ остатками бревенъ. Народъ говоритъ, что въ нихъ закапывалась Чудь. Тамъ есть еще озеро называемое «Разбойное.» Около этого озера по словамъ народа жили разбойники; въ озеро ведетъ оставшаяся отъ нихъ лѣстница и есть въ глубинѣ его кладъ. Последнее изъ этихъ свѣдѣнй, доставленныхъ мнѣ лѣснымъ кондукторомъ Янкевичемъ, подтверждается церковными записями Рязановской деревни, лежащей верстахъ въ 12-ти отъ указаннаго мѣста. По записямъ разбойники въ старину дѣйствительно нападали на Рязановскую деревню, грабили народъ и однажды даже сожгли приходскаго священника.

Хаврогорское село, лежащее на правомъ берегу Двины, противъ с. Емецка и состоящее изъ 32-хъ деревень, первыми обитателями своими имѣло, по преданію, бѣглыхъ и бродягъ новгородскихъ; они пришли въ XIV и XV вѣкахъ и избрали себѣ для жительства Хаврогоры, какъ мѣсто зарѣчное, гористое, лѣсное, прилежащее къ большимъ ручьямъ и дремучимъ лѣсамъ, а потому удобное къ укрывательству. Они занимались звѣриной и рыбной ловлей и чинили разбой въ лѣсистыхъ ручьяхъ и грабили суда, плывшія по Двинѣ въ Холмогоры. Кромѣ бѣглыхъ Новгородцевъ, жили здѣсь еще и собственно туземные обитатели, Чудь; они были идолопоклонники, жили особо отъ Новгородцевъ, удаляясь всегда отъ нихъ. Преданіе указываетъ и самое мѣстожителство чудскаго племени; именно близъ *святаго Колодца*, находящагося въ полуверстѣ отъ церкви, на ровной долиинѣ; у нихъ не было пеклыхъ пе-

чей, глиняныхъ, а простыя каменки, каковыя, нынѣ имѣются въ крестьянскихъ баняхъ. Кромѣ сего, указываютъ и на кладбище дикаго народа, жившаго въ древности на Двинѣ въ Хаврогорскомъ приходѣ, ниже церкви, въ 3-хъ верстахъ, близъ деревни Корзовыхъ, находящейся возлѣ Двины, за ручьемъ. Тамъ высыпаются изъ горы человѣческія кости необыкновенной противъ нынѣшняго народа величины (*). Но кто изъ жителей Хаврогоръ принадлежитъ къ которому нибудь изъ упомянутыхъ племенъ, положительно отличить нельзя, по причинѣ ихъ смѣшенія; однако же можно предполагать нѣкоторое различіе потомковъ того и другаго племени въ языкѣ и характерѣ ихъ. Одни изъ нихъ, вѣроятно принадлежащіе къ коренному славянскому племени, удерживаютъ славянское окончаніе словъ, что особенно замѣтно въ употребленіи двойственнаго числа и пр. Они же, въ отличіе отъ чудскаго поколѣнія, предприимчивы, склонны къ занятію ремеслами и способны на все полезное. Другіе не на столько рѣшительны и съ нѣкотораго рода причудливостями, почему ихъ называютъ, по принятой поговоркѣ, Чудами. (Рукоп. опис. приход. священ. Павловскаго).

(*) Примѣч. По свидѣніямъ, собраннымъ мною отъ мѣстнаго священника Розанова, оказывается, что около св. Колодца нѣтъ уже признаковъ существованія Чуди, а около Теремисскаго ручья, впадающаго въ Двину, возлѣ деревни Корзовыхъ дѣйствительно видно что было кладбище: мѣсто это высокій мысъ, нынѣ смытый водою, носитъ названіе *могилишка*. Священникъ Розановъ полагаетъ, что кладбище это скорѣе было Новгородскимъ, а не Чудскимъ и что на немъ стояла часовня, нынѣ перенесенная въ Часовенскую деревню. Костей же теперь вовсе не высыпаетъ изъ береговъ мыса. П. Е.

Лежащее рядомъ съ Хаврогорами, на правомъ же берегу Двины и по рѣкѣ Пингишѣ, Пингишенское село также сохранило остатки вещественныхъ памятниковъ, которые показываютъ, что пингишенскіе берега были населены въ глубокой древности. Эти признаки: каменная насыпь надъ могилой въ пустынномъ мѣстѣ, въ Ушковскомъ ручѣ. Могила завалена мелкимъ булыжнымъ камнемъ, на верху же ея былъ наваленъ огромный камень. Крестьяне, полагая, что въ этомъ мѣстѣ есть кладъ, въ недавнее время своротили верхній огромный камень, повыврывали изъ подъ него булыжникъ, и, должно быть, уставъ надъ бесполезной работой, оставили. Могила эта напоминаетъ языческую тризну. Кромѣ сего, въ 3½ верстахъ отъ Пингишенскаго погоста, въ Боровиковской деревнѣ, за рѣкой Пингиши, примѣтны подобныя насыпи песчаныя; изъ нихъ нынѣ вымываются человѣческія остовы (Р. оп. пр.).

Къ мѣстности, занимаемой д. Ратовымъ Наволокомъ, при Ваймугѣ, впадающей въ Емцу, по преданію, пришли изъ за волока Новгородцы и напали на мѣстную Чудь или Лопъ, жившую по берегамъ Лопозера. Чудины бѣжали отъ нихъ на высокую гору, находящуюся за озеромъ и стали на ней защищаться отъ пришельцевъ, сбрасывая на нихъ съ вершины горы камень; другихъ средствъ обороны они не имѣли и не знали. Такое происшествіе дало названіе деревнѣ, стоящей на горѣ, *Бросачихи*. Разумѣется, что подобнаго рода защита не могла быть продолжительна, тѣмъ болѣе, что Новгородцы заняли вблизи ихъ другую, не менѣе высокую, гору, также надъ озеромъ, и на ней укрѣпились или огородились. Мѣстность эту сосѣдніе жители деревни Задворской понынѣ

зовугъ Городкомъ. У подошвы /ей лежатъ Задворское озеро; за нимъ тянется Сотинъ боръ, за лѣсомъ опять озеро, а далѣе рѣка Емца. Новгородцы побили и пограбили окрестную Чудь или Лопъ, но въ свою очередь были вытѣснены изъ городка Двинянами и удалились внизъ по рѣкѣ въ Орлецы. (Арханг. Губернск. Вѣдом. 1860 г. № 45).

122.938 По преданію, Ракульскій приходъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ Двины, (первый на Двинѣ) населенъ былъ чудскими племенами, гдѣ и поныѣ существуетъ одинъ домъ по фамиліи Чудиновыхъ, а прежде еще была фамилія Чюхчиныхъ. (Р. ош. пр.)

Что касается до уѣзнаго города Холмогоръ и его окрестностей, то и здѣсь преданіе указываетъ на Чудъ, какъ на первыхъ обитателей. Говорятъ, будто бы одно семейство чудскаго племени разселилось въ окрестностяхъ Холмогоръ. На Матигорахъ жила мать, на Куростровѣ—Куръ—отецъ, въ Курьѣ—Курья дочь, въ Ухтостровѣ—Ухтъ сынъ, въ Чухченемѣ—Чухъ другой сынъ. Всѣ они, будто бы, перекликивались, если что пужно было дѣлать сообща, напримѣръ сойтись въ баню. (Сообщ. П. А. Ивановъ).

Въ одной изъ частей г. Холмогоръ, среди низменной плоскости, заливаемой ежегодно водою, возвышается искусственная насыпь, на которой нынѣ построены соборъ и монастырь. Эта насыпь, называемая городкомъ, приписывается преданіемъ Чуди.

Противъ Холмогоръ, за рѣкой Курополкой, рукавъ Двины, раскинута еловая роща, или ельникъ. Упомянутая роща въ глазахъ народа, а преимущественно раскольниковъ, имѣетъ священное значеніе. Въ ней никто не осмѣливается рубить деревья; а старовѣры, до послѣдняго времени, хоронили близъ нея своихъ собратьевъ, какъ на мѣстѣ священномъ. По словамъ Кистрена, до сихъ поръ еще сохранились преданія о сокровищахъ славнаго въ исторіи Біарміи города. Но намъ не приходилось слышать такихъ преданій, но извѣстно только то, что въ ельникъ, какъ говоритъ народъ, живетъ духъ Скарбникъ, или Казначей, который оберегаетъ зарытыя тамъ клады и сокровища. (*)

Село Койдокурья, Архангельскаго уѣзда, какъ говорятъ крестьяне, получило свое названіе отъ перваго поселившагося въ тамошней мѣстности Чудина по прозванію Койда, или Койка. Откуда собственно пришелъ Койда, и когда поселился—преданіе умалчиваетъ; но оно сообщаетъ, что поколѣніе Койды было мужественно, великоросло и чрезвычай-

(*) Есть преданіе, будто бы деревня Побойще въ Курейскомъ селеніи, въ 8 верстахъ ниже Холмогоръ, получила свое названіе отъ битвы происшедшей на томъ мѣстѣ у Новгородцевъ съ Чудью. (Опис. приход. свящ. Таратина). Г. Базилевскій въ Историко—статистическомъ описаніи холмогорскаго уѣзда (Арханг. Губернск. Вѣдом. 1851 г. № 22), говоритъ, что на мѣстѣ деревни Побойще, по народному преданію, была битва Чуди съ Норвежцами въ XI вѣкѣ, послѣ того, какъ послѣдніе ограбили кладбище Чуди и похитили украшеніе Финскаго бога Юмалы.

чайно сильно. Члены его поколѣнія могли разговаривать между собою на 6-ти верстномъ разстояніи, или имѣть перекличку. Одинъ изъ тѣхъ Чудиновъ былъ столь силенъ, что однажды, когда онъ вышелъ по утру изъ воротъ и затѣмъ чихнулъ, то своимъ чохомъ до того испугалъ барана, что тотъ бросился въ огородъ и убится до смерти. По истеченіи нѣкотораго времени мѣстность Койдокурская сдѣлалась извѣстна другимъ, и сюда съ разныхъ сторонъ стали стекаться Чудь, Новгородцы и Поморяне и начали расселяться деревнями, и затѣмъ каждая деревня получила свое названіе отъ перваго поселившагося жителя или по другимъ причинамъ (Р. оп. пр.)

На Зимнемъ берегу также жила Чудь. Ею основано селеніе Зимня Золотица. До сихъ поръ на правомъ берегу рѣки Золотицы, впадающей въ море, по выше деревни, есть мѣстность, называемая Чудская лма. На этомъ именно мѣстѣ первоначально поселилась и жила Чудь. Показываютъ и мѣсто Чудскаго кладбища на лѣвомъ берегу рѣки, повыше Савина ручья. Нынѣшніе жители Золотицы, однако, считаютъ себя потомками Новгородцевъ, которые будто бы бѣжали туда, во время перемѣны вѣры. (Р. оп. Зимняго берега священника Розанова).

Обращаясь на западъ, встрѣчаемся съ подобнымъ же преданіемъ и въ Лисестровскомъ селеніи, которое лежитъ на двинскомъ островѣ Лисестровѣ, въ 10 верстахъ отъ Архангельска. Названіе Лисестрова произошло отъ кореннаго жителя, чудины Листа. Этотъ Листъ жилъ на островѣ, въ родѣ намѣстника или піуна, и собиралъ хлѣбные и денежныя доходы. До сихъ поръ еще

осталась въ народѣ поговорка о невѣжественности Чуди: *Што это за Чудь такая.?*!

Лѣтній берегъ, если можно вѣрить преданію, также занятъ былъ Чудью. По преданію, некогда солянныя варницы принадлежали нѣкогда этому народу. На святой горѣ, народъ указываетъ кладбище сохранившее названіе Чудскаго. (А. Г. В. 1848 г. № 6).

Въ Онежскомъ уѣздѣ преданія указываютъ на берега р. Онеги, какъ на обитаемыя издревле бѣлоглазою Чудью; таковы приходы Турчасовскій, Біальскій, Чекуевскій, Ванзенскій, Городецкій и друг. (Арх. Губ. Вѣд. 1839 г. № 11.)

Послѣдній приходъ названъ Городецкимъ отъ села городка, которое прежде называлось «Городокъ Рагонома» (Арх. Губ. Вѣд. 1849 г. № 40). Село Городокъ расположено на правомъ берегу Онеги, на которой возвышалась гора Ильинская. По словамъ церковной памятной книги, Ильинская гора была велика, на всѣ стороны поката и высока; на ней погребались умершіе, стояла церковь и было поде, разсѣвомъ на мѣшекъ ячменя; съ той горы, пономарь жившій за рѣкой, могъ свободно кидать ключи на свой берегъ. Нынѣ же рѣка Онега стала шириной до 180 сажень. Гора вся почти осыпалась превратилась въ рѣку, за исключеніемъ частицы восточной стороны горы. Тѣла умершихъ видны были во вр. составленія Памятной книги, кости лежали по берегу о край воды. Нынѣ же ни гробовъ не видно, ни костей. — Рассказываютъ, что на той горѣ православные оборонялись и сражались съ Чудью, нападавшей на нихъ; для чего спускали на нихъ бревна.

Сторожилы утверждают, что самое древнее кладбище городка Рагонымы было за деревней Филипповской, на мѣстѣ холмисто—возвышенномъ, до селъ называемомъ *могилиникомъ* (Р. оп. пр.)

Существованіе Чуди въ Кемскомъ уѣздѣ, по свѣдѣніямъ доставленнымъ мнѣ свящ. Терентьевымъ, подтверждается живымъ преданіемъ, указывающимъ на одно старинное кладбище при сел. Кандалашкѣ какъ на чудское (*). Св. Терентьевъ думаетъ, что едва-ли не всѣ жители Терскаго берега до Поноя, за исключеніемъ примѣси новгородской, происходятъ отъ чудскаго поколѣнія, если судить по ихъ рѣчи и физіономіи; но о существованіи Чуди въ Лопской землѣ или между Лопарями преданій онъ не слышалъ. Мнѣ приходилось гдѣ то читать, но гдѣ именно не упомяну, что по рассказамъ Поморцевъ, Чудь имѣла красивый цвѣтъ кожи и что она скрылась отъ Новгородцевъ на Новую Землю и нынѣ тамъ пребываетъ въ недоступныхъ мѣстахъ.

Въ Пинежскомъ у. между туземцами сохранилось преданіе, что по берегамъ р. Пинеги во многихъ мѣстахъ издавна жила Чудь. Такое преданіе, напр. есть во всей Кевролѣ, состоящей изъ погостовъ: Кеврольскаго, Шетогоръ, Покшеньги Карповой горы, Ваймуги, Чухченемы и Шардо-

(*) Кладбище это изслѣдовано мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ Комповскимъ, который представилъ описаніе и планъ кладбища, а также черепа, добытые въ немъ, въ антропологическое отдѣленіе Общества Любителей Естествознанія при Московскомъ университетѣ, за что и удостоенъ отъ общества серебряной медали. П. Е.

немы, раскинутыхъ на 20-ти верстномъ разстояніи. И здѣсь Чудь строила крѣпости для защиты отъ Новгородцевъ. Одна изъ крѣпостей находится въ Ваймужскомъ приходѣ и называется Городищемъ. Подъ симъ именемъ тамъ извѣстны развалины старинныхъ укрѣпленій и возвышенія природныя или искусственныя, ознаменованныя какою либо древнею битвою. Ваймужское городище ничто иное, какъ естественный высокій пригорокъ при р. Пинегѣ, съ задней стороны нѣскольکو покатыи и опушенный лѣсомъ, а съ боковъ обведенный высохшими ручьями. Здѣсь, какъ говоритъ преданіе, Чудь пускала стрѣлы въ Новгородцевъ, которые были на другой сторонѣ рѣки. Въ народѣ до сихъ поръ разсказывается о кладахъ, скрытыхъ въ разныхъ мѣстахъ побѣжденными туземцами. Одно изъ такихъ мѣстъ находится въ лѣсу, на горѣ рядомъ съ Шардонемскимъ селеніемъ. Здѣсь Чудь скрывала свое имущество отъ непріятелей; здѣсь же пограбала и своихъ покойниковъ съ частью ихъ богатствъ, каковыя могилы и дѣйств. довольно замѣтны. Народъ роетъ землю въ тѣхъ мѣстахъ въ надеждѣ овладѣть сокровищами и увѣряетъ, что при томъ бываетъ слышенъ какой то подземный звонъ. Удастся находить обломки стрѣлъ, копій и другія вещи. (Арх. Губ. Вѣд. 1865 г. № 26.)

Нѣкоторые крестьяне производятъ свои фамиліи отъ новгородскихъ предковъ, другіе отъ чудскихъ; напр. Чугаевы. (*) (Р. оп. пр.).

(*) Примѣч. редакціи. Въ селѣ Чаколѣ намъ показывали мѣстность подъ названіемъ городка, и разсказывали, что это Чудскій городокъ.

Ближе къ гор. Пинегѣ, въ 18 верстахъ, именно въ с. Юромѣ, на лѣвой сторонѣ р. Пинеги, близъ озера Холмовскаго есть такое преданіе. Старожилы говорятъ, что самое названіе Юрола дано селу Юромѣ. У Юра было два брата: Туръ и Окатъ. Туръ расселилъ Чумельское селеніе Юрольскаго прихода, въ Верхнемъ концѣ, который и понынѣ называется туровкинѣ, Окатъ — Окатовскую деревню въ Соляскомъ приходѣ (Р. Оп. пр.).

По рѣкѣ Пинегѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говорить г. Максимовъ въ «Годѣ на Сѣверѣ» (стр. 506), пугаютъ словомъ «Чудь» капризныхъ и пакси-выхъ ребятишекъ.

По рѣкѣ Мезени, въ мезенскомъ уѣздѣ, свидѣтельствуется тотъ же авторъ, показываютъ во множествѣ вещи, съ общимъ названіемъ чудскихъ: кольца, выкопанныя изъ земли монеты, и Максимовъ видѣлъ въ деревнѣ Березникѣ серебряныя серьги затѣйливой, хотя и аляповатой работы, носившія тоже названіе чудскихъ. По большому вѣроятію онѣ несравненно позднѣйшей работы, можетъ быть даже новгородскаго дѣла (507.)

Наиболѣе типическое преданіе о Чуди Максиму удалось встрѣтить въ деревнѣ Чучепалѣ, отъ села Койнаса въ 14 верстахъ, по рѣкѣ же Мезени, близко Вологодской губерніи. Новыше деревни, хотя и самая деревня лежитъ на довольно возвышенномъ мѣстѣ, по берегу Мезени, на высокой горѣ въ лиственничныхъ рощахъ преданіе предполагаетъ существованіе исчезнуваго чудскаго города. Новгородцы, расселяясь по

рѣкѣ, выбрали себѣ сосѣднее предгорье, какъ мѣсто удобное и живописное. Первые годы сосѣди жили въ миру, да строптивая была Чудь, не поддала подѣ новгородцевъ. Задумали люди свободные, торговые и корыстные избыть лихихъ бѣлоглазыхъ сосѣдей и для этого дождались зимы морозной и крѣпкой. Прямо противъ Чулскаго городка на рѣкѣ Мезени прорубили они ледъ поперекъ всей рѣки и сдѣлали такимъ способомъ широкую полынью. И погнали они Чудь изъ города въ ту сторону, гдѣ лежала полынья; провалилась вся Чудь отъ мала до велика, потонула. Стало то мѣсто рѣки по сей день называться *провалилымъ плесомъ* и прослыла деревушка *Чудьпалой* за тѣмъ, что тутъ послѣдняя Чудь пала. На высокой горѣ, гдѣ предно гагался Чудской городъ, указываютъ на высокій курганъ, какъ на послѣдний остатокъ, на послѣднюю намятку о погибшемъ народѣ. Досуживе люди раскапывали въ томъ мѣстѣ курганъ, но ничего, однако, не нашли тамъ.

Къ этимъ извѣстіямъ у Максимова прибавлено примѣчаніе, что есть еще и иное преданіе о Чудь, распространенное въ другихъ мѣстахъ Архангельской и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерніяхъ, будто Чудь въ землю ушла, подѣ землей пропала, живьемъ закопалась. Сдѣлала она это, но однимъ, оттого, что испугалась Ермака, по другимъ, оттого, что увидала бѣлую березу, внезапно появившуюся и означавшую владычество Бѣлаго царя (507).

Преданіе и въ Занечерскомъ краѣ указываетъ на пребываніе народа, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Близъ устья Печоры есть село Куя, состоящее изъ 5-ти деревень, Деревня Андехская и

Собственно Куйская населены потомками Чудн; остальные деревни новгородскаго происхожденія. Вблизи Андексской деревни, въ 15 верстахъ отъ церкви на-сѣверо западъ видны слѣды жилищъ Чудн. (*) (Р. оп. пр.)

Въ одномъ мѣстѣ на берегу рѣки Печоры покойный миссіонеръ, Архимандритъ Веніаминъ открылъ въ обрывѣ горы пещеру. Заключая по нѣкоторымъ признакамъ, онъ считаетъ ее чудскою. (Арханг. Губ. Вѣд. 1857 года № 12.)

Что берега р. Ижмы, текущей въ Печору, были обитаемы съ давняго времени, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Въ 13 верстахъ выше с.

(*) Судебный Слѣдователь Запечорскаго Края А. И. Мироновъ, писалъ мнѣ, что по словамъ крестьянина С. Ануфриева, изъ села Устьцыльмы у крестьянина Іова Папоца (уже умершаго) есть желѣзный топоръ, такой твердый, что нѣтъ возможности его точить. Этотъ топоръ выдаютъ за оставшійся отъ Чудн. Тотъ же крестьянинъ говоритъ, что иногда находятъ Каменные и другіе топоры и стрѣлы, оставшіеся отъ Чудн. По р. Тобышу, въ лѣсу, были гнилыя лачужки, какъ полагаетъ Ануфриевъ, Чудскія, и въ нихъ промышленники находили разныя вещи. О существованіи лачужекъ свидѣлствуютъ камни и остатки жилыхъ деревъ. На одномъ изъ мѣстъ, на которомъ находилась, чудская лачужка, братъ рассказчика лѣтъ 10 тому назадъ, построилъ промысловую избушку. Въ Пустозерской волости проживаютъ крестьяне Дитятевы, какъ говоритъ Ануф., роду Чудскаго. Про Чудъ существуетъ много рассказовъ въ Мохченской волости, гдѣ она будто бы прежде жила; говорятъ напр. что Чудцы обладали колдовствомъ: бросать бывало, на рѣку свое платье, слѣдутъ на него и переплывутъ на другую сторону.

Ижмы, возвышается сосновый боръ, въ которомъ иногда находятъ разныя желѣзные орудія. Заступы, топоры, копачи, копья и другія вещи, странная форма которыхъ доказываетъ, что онѣ принадлежали народу отдаленнаго племени. (*) Между туземцами Зырянами сохранилось свѣжее преданіе, что по берегамъ Ижмы издавна жила Чувь, что къ ней постепенно переселялись пермскія и вологодскія Зыряне, что эти два народа, слившись въ одинъ, въ послѣдствіи времени начали имѣть торговыя сношенія съ сосѣдними Самоѣдами, которые также въ свою очередь стали переселяться на берега р. Ижмы и привыкли къ охотничьей жизни туземцевъ до того, что и Самоѣды смѣшались съ ними. (Арханг. Губ. Вѣд. 1846 г. № 24).

У ижемскихъ Зырянъ сохранился прекрасный рассказъ о Чуди и о нападеніи на нихъ разбойника — колдуна *Ягъ—Морта* (лѣснаго челоуѣка). Вотъ этотъ рассказъ, передаваемый нами въ сжатомъ видѣ.

(*) Отъ Ижемскихъ Зырянъ Максимовъ слышалъ, что въ чудскихъ могилахъ, при устьѣ Ижмы съ Печорою, въ горѣ, находили, лѣтъ 20 тому назадъ, монеты и что с. Усть—Ижма есть *поганой курганъ*, на мѣстѣ котораго нѣкогда былъ чудскій городъ, что при раскопкѣ Кургана нашли копѣе. (Макс. стр. 412).

Примѣч. Въ 4-й части Путешествія акад. Лепехина въ 1772 г. на стр. 247-й сообщается со словъ мѣстнаго священника, что въ окрестностяхъ слободы Ижмы есть развалины земляныхъ старинныхъ Чудскихъ жилищъ; но время загладило способъ постройки оныхъ. П. Е.

Въ полуверстѣ отъ с. Ижмы, въ рѣку Ижму вливается быстрая и прозрачная рѣчка Куча, протекающая значительное пространство по пустыннымъ мѣстамъ. Одинъ берегъ Кучи возвышенъ, холмистъ, покрытъ густымъ лѣсомъ. Другой берегъ, со стороны селенія, — низменный, чистый и ровный, занятый нивами и огородами, между которыми выются проселочныя тропинки. Подлѣ одной изъ такихъ тропинокъ возвышается небольшой холмикъ или курганъ, покрытый разнымъ древеснымъ хламомъ. Всякій, кто только проходитъ мимо холмика, считаетъ себя обязаннымъ бросить на него камень, сукъ, палку, или что бы то ни было, и потомъ плюнуть. Объ этомъ холмикѣ разказываютъ, что около него запоздалые путники въ темныя осеннія ночи встрѣчали какихъ то ужасныхъ страшилищъ, бродящихъ около кургана, а курганъ обнимался синеватымъ пламенемъ; нередко слышались тамъ нечеловѣческія вопли и задыванія. — Въ эпоху отдаленной древности, когда еще на берегахъ Цечоры и Ижмы разсѣяно жили полудикія чудскія племена, и не зная хлѣбопашества, питались отъ промысла звѣрей и рыбъ, когда они еще поклонялись деревяннымъ и каменнымъ богамъ, въ дремучемъ лѣсу, окружающемъ одно изъ чудскихъ селеній, появился человѣкъ необыкновенный. Ростомъ онъ былъ не ниже сосны, по виду и по голосу дикій звѣрь. Лице, обросшее черною, какъ смола, бородою, глаза, залитые кровью и дико сверкающіе изъ подъ густыхъ бровей, косматая одежда изъ невыдѣланной мелѣжьей шкуры. Таковы примѣты этого человѣка, котораго туземцы называли Яг—мортомъ. Никто не зналъ ни роду, ни племени. Яг—морга, ни кто не вѣдалъ, откуда появился онъ между чудскими жилищами. Яг—морть ни съ

кѣмъ изъ туземцовъ не имѣтъ сообщенія; охъ жила въ глубинѣ лѣсныхъ трупобъ, разсѣянныхъ по берегамъ Кучи, и появлялся между людскими жилищами только для грабежа и убійствъ. Робкіе чужинцы избѣгали всякой съ нимъ встрѣчи. Одно имя Яг-морта наводило страхъ на окрестныхъ жителей. Женщины пугали имъ дѣтей своихъ, расшвар:

« Яг-мортъ высокъ, какъ добрая ель, Яг-мортъ черенъ, какъ печный уголь. Не плачь—замолкни; Яг-мортъ придетъ; станешь плакать—сѣсть. »

Яг-мортъ уводилъ, рѣзалъ скотъ, похищалъ женъ и дѣтей, часто, безъ всякой причины, убивалъ терпѣливаго и поперечнаго. Выведенные изъ терпѣнія злобѣйствами разбойника, Чужинцы старались всемірно погубить его; ловили его, какъ дикаго звѣря, строили засады, но ничего не помогло. Хитрости противъ поставлялъ онъ хитрость: открытая схватка была не по силамъ робкамъ туземцамъ. Размахъ вражескаго топора былъ ему ни почемъ; удары копій отражалъ онъ своею пащецею, а стрѣлы отскакивали отъ костяной груди его. Въ добавокъ Яг-мортъ слылъ въ народѣ великимъ волшебникомъ: въ водѣ не топулъ и въ огнѣ не горѣлъ. Скотскій падежъ, бездождіе, безведріе, и вообще всѣ физическія бѣдствія, и даже нѣкоторыя необыкновенныя явленія природы: помраченіе свѣтила, борьбу стихій Чудь приписывала волхвованіямъ его-же.

Разъ у одного изъ чудскихъ старшинъ внезапно исчезла единственная дочь—прекрасная Райда, краса всей Чуды. Родные и женихъ ея выходили въ окрестныя селенія, но не могли отыскать ее.

кликнули кличь, созвали народъ на совѣщаніе, и всѣ единогласно утвердили, что — весеннему цвѣту Райды нельзя такъ рано увянуть, что если она утерялась, такъ это непременно должно быть дѣломъ рукъ злаго Ягморта; онъ позавидовалъ цвѣтущей красѣ Райды; онъ похитилъ ее и увлекъ въ свою звѣриную берлогу... Но горе, намъ промолвили старики, нѣтъ суда на Ягморта; мы ничего не можемъ противъ могучаго чародѣя! Райда погибла!» Но такимъ рѣшительнымъ не удовольствовались молодой женихъ Райды и солдаты ея руки. Они снова кликнули кличь, собрали нѣсколько десятковъ самыхъ удалыхъ молодежь и порѣшили: во что бы то ни стало, отыскать жилище Яг-морта, схватить его живаго или мертзаго, погубить, сжечь окаяннаго чародѣя, хотя бы самимъ погибнуть!» Ратники, вооруженные стрѣлами, коньями, топорами, копоригами (родъ копача), вилами, отправились противъ злодѣя. Потерявъ нѣсколько сутокъ въ тщетныхъ поискахъ Яг-морта, они поднались на хитрость; за сѣливъ густомъ лѣсу, на угорѣ р. Ижмы, близъ тропинки, по которой обыкновенно проходятъ разбойники. Дождались; видятъ: Яг-мортъ переходитъ въ бродъ р. Ижму, прямо противъ того мѣста, гдѣ они притаились и, кажется, прямо идетъ на нихъ. Чудинцы поневолѣ должны были сдѣлаться храбрыми; окружили разбойника со всѣхъ сторонъ, — и завязалась ожесточенная битва. Ягмортъ долго, съ яростнымъ ожесточеніемъ отбивался отъ многочисленной толпы озлобленныхъ противниковъ; надица его разражалась смертно надъ головами Чудинцевъ, огромный топоръ сто упиался въ кровью. Онъ многихъ положилъ на мѣстѣ, но наконецъ самъ изнемогъ: усталось, раны о безсиліи его, онъ палъ на землю, обгорѣнную кро-

ныя своихъ побѣдителей. Торжествующія Чудинцы схватили Яг-морта, отсѣкли ему руки, но оставили живаго, грозили отрубить голову, если онъ не откроетъ имъ своего жилища, и обезсиленный великанъ-волшебникъ долженъ былъ покориться волѣ своихъ побѣдителей; онъ повелъ ихъ далѣе въ самую чащу лѣса, гдѣ въ высокому берегу р. Кучи выкопана была огромная пещера (мѣсто это теперь остается неизвѣстнымъ), служившая убѣжищемъ Яг-морта. Близъ устья пещеры, на большой грудѣ разнаго хлама и костей, лежалъ полуиставшій трупъ человѣческій. Это были обезображенные остатки прекрасной некогда Гайды, погибшей жертвой лютаго разбойника.... Въ глубинѣ пещеры Чудинцы нашли множество разной добычи, сложили все въ кучу и сожгли, а страшный приютъ Яг-морта засыпали землею, забросали камнями, заклали бревнами; потомъ привели обратно своего плѣнника на то мѣсто, гдѣ онъ попался имъ въ первый разъ, — отрубили ему голову, въ спину забили осиновый колъ, чтобы онъ не ожилъ, и трупъ его закопали въ землю, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится холмикъ, слышущій въ народѣ могилою Яг-морта. Но другому же сказанію, Яг-морта сожгли живаго, и пепелъ его зарыли въ землю. (Арх. Губ. Вѣд. 1848 года № 8).

Перенесемся теперь къ устью рѣки Коротайхи, самоѣдской Недейяга, вытекающей изъ озеръ Большеземельскаго хребта и впадающей въ Ледовитое море. Коротайха довольно велика и вмѣстѣ съ Югорскимъ шаромъ составляетъ главный сборный пунктъ, для звѣролововъ и рыболововъ. Въ десяти верстахъ отъ устья Коротайхи находятся восемь пещеръ, Самоѣды, Зыряне и Рус-

скіе увѣрены, что на томъ мѣстѣ жила Чудь, и эти пещеры служили ей жилищами. Самый возвышенный косогоръ на правой сторонѣ по теченію рѣки, на которомъ расположены пещеры, по самоѣдски издревле называется *Сырте-ся*, т.е. Чудская гора. Порядокъ ихъ слѣдующій:

Первая пещера, снизу, по теченію рѣки, имѣетъ въ длину три, а въ вышину одну сажень. Слѣдующая за ней длиною въ четыре съ половиною, шириною около трехъ, а вышиною въ одну сажень. Лежащая за ней пещера, простирающаяся въ длину на три, шириною въ двѣ и вышиною, какъ и первая двѣ, въ одну сажень, имѣетъ въ бокъ, на востокъ, отверстіе шириною въ два аршина. За нимъ, примѣтно, была кладовая, длиною и шириною въ двѣ сажени, а вышиною два аршина. Четвертая пещера имѣетъ въ длину пять, въ ширину три и въ вышину полторы сажени.

Всѣ четыре пещеры стоятъ по правой линіи подлѣ рѣки, въ разстояніи одной сажени одна отъ другой; лицевою стороною первая три на востокъ, а послѣдняя, угловая на юго-востокъ. Входъ у послѣдней на юго-западъ, шириной около двухъ аршинъ; у первыхъ трехъ дверей теперь нѣтъ, потому что берегъ, къ которому онѣ были обращены входомъ, такъ подмытъ, что стѣны пещеръ осыпались. Подлѣ четвертой пещеры гора заворотилась на востокъ; по этому и остальные пещеры лежатъ также въ линію на поворотѣ горы, въ слѣдующемъ видѣ:

Пятая по счету, пещера длиною пять, шириною три и высотой въ одну сажень; лицевая сто-

рона, а на юговостокъ, входъ на юго—западъ; шириною въ два аршина. Въ растояніи трехъ сажени отъ упомянутой лежитъ еще пещера, длиною въ пять, шириною въ двѣ съ половиною сажени, высотой въ два аршина. Направленіе ея тоже, что и предъ идущей, только изъ линіи выдалась она нѣсколько на юго—востокъ; входъ также съ юго—запада. Седьмая пещера, на одной прямой съ пятою, длиною и шириною въ двѣ сажени, высотой въ одну сажень, входъ съ юго—запада, шириною въ два арш. На юговостокъ отъ этого покоя отдѣляется стѣною, въ два аршина, другой точно такой же мѣры покой, стѣны косяго толщиною только въ одинъ аршинъ. По срединѣ этого покоя находится квадратная возвышенность, въ видѣ стола, мѣрою въ полтора аршина. Наконецъ послѣдняя, осьмая пещера, квадратная, длиною и шириною въ полторы сажени.

Всѣ исчисленныя пещеры земляныя; каменнаго или деревяннаго строенія нѣтъ и слѣдовъ. Внутри, подлѣ стѣнъ, примѣтна земля, составлявшая потолоки, или своды уже обрушившіеся; снаружи, стѣны, будучи занесены пескомъ, также мало примѣтны, и оконы въ нихъ нѣтъ (Арх. Губ. Вѣд. 1846 г, № 35).

Вотъ всѣ народныя преданія о Заволоцкой Чудѣ, какія только удалось мнѣ отыскать въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ. Изъ нихъ видно, что народная память заселяетъ этимъ древнимъ племенемъ почти все пространство Архангельской губерніи, отъ Кандалажской губы Бѣлаго моря до рѣки Коротанхи, за Бѣлынеземельской тундрой, Берега р. Коротанхи, устье Печеры, берега Ижмы и Мезени въ Мезенскомъ уѣздѣ. Пинеги и Немюги въ Пинежскомъ, прибрежья

Бѣлаго моря, извѣстныя подъ именемъ Зимняго и Лѣтняго берега, устьѣ Двины въ Архангельскомъ уѣздѣ, берега Онеги въ Онежскомъ, прибрежья Кандагажской губы въ Кемскомъ и наконецъ берега Двины въ Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ и впадающихъ въ нее рѣчекъ: Емцы, Мехреньги, Ваги и притоковъ послѣдней—вотъ, по преданіямъ, мѣстожителства Чуди. Замѣчательно, что въ Кемскомъ уѣздѣ наименѣе указаний на пребываніе Чуди, а въ Шенкурскомъ и Холмогорскомъ наиболѣе. Во многихъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ народомъ помѣщается Чудь, мѣстные жители до сихъ поръ отличаютъ потомковъ Чуди отъ потомковъ Новгородскихъ пришельцевъ, помнятъ какія именно семейства суть послѣдніе остатки выродившейся Чуди и указываютъ чьи предки изъ среды ихъ вступали въ родственную связь съ Чудью; какъ напр. въ Благовѣщенскомъ приходѣ, въ Ракулѣ и въ Пустоаерскѣ. Память народная также сохранила преданіе о первыхъ основателяхъ селеній изъ чуждаго племени, давшихъ тѣмъ селеніямъ свои имена: Куръ, Курья, Ухтъ, Чухъ, Койка, или Койда, Листъ, Юръ, Туръ и Окагъ. Чудью пугаютъ дѣтей и дразнятъ взрослыхъ,—по р. Пинегѣ, въ Хаврогорахъ и въ Лисестровѣ. Чудь съ одной стороны, въ окрестностяхъ г. Холмогоръ, въ Пустозерскѣ, Благовѣщенскомъ приходѣ и Койдокурѣ, рисуется племенемъ сильнымъ, могучимъ, преисполненнымъ богатырями и чародѣями, съ другой стороны слабосильнымъ, несъумѣвшимъ выдержать борьбы за существованіе съ Новгородцами и въ своихъ потомкахъ оставившимъ характеръ нерасторопности и неподвижности. При нападеніи (въ Хаврогорахъ) Новгородцевъ этотъ народъ оборонялся отчаянно и погибалъ въ борьбѣ съ ними или обрекалъ самъ себя на до-

свольную смерть, или, наконецъ, сдавался своимъ врагамъ и сѣдился рядомъ съ послѣдними. Что былъ за народъ эта Чудь, т. е. къ какому племени онъ принадлежалъ, какова его предъидущая исторія, мѣстные жители вовсе не знаютъ. Также мало имъ извѣстно о домашней и общественной жизни своихъ предковъ. Чудскаго племени. Но сохранившимся вещественнымъ памятникамъ, они знаютъ, что Чудь имѣла постоянныя жилища съ очагами; напр. въ с.с. Хаврогорахъ, Благовѣщенскомъ, въ Пустозерскѣ; жила, впрочемъ, и въ пещерахъ, именно на р. Коротанхъ; устраивала, для защиты отъ нападеній враговъ, городища, состоящія по большей части изъ искусственныхъ валовъ, расположенныхъ на возвышенныхъ берегахъ двухъ рѣкъ или изъ естественныхъ возвышенностей; напр. въ Шенкурскѣ, Холмогорахъ, Заостровскомъ приходѣ, Троицкомъ, Тонейкомъ, Борецкомъ, Благовѣщенскомъ, Ратнаволоцкомъ, Ильинскомъ, Ваймужскомъ и друг. Чудь хоронила своихъ покойниковъ съ частію ихъ богатствъ на кладбищахъ, расположенныхъ преимущественно на берегахъ рѣкъ и въ курганахъ, весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ. Первые указываются въ приходахъ: Церковническомъ, Пуйскомъ, Хаврогорскомъ, Ваймужскомъ, въ Зимней Золотицѣ, въ Непокѣ, у Кандаджской губѣ, въ с. Ильинскомъ и Шардонемскомъ; послѣдніе въ Хаврогорахъ, Койнась и Ижмѣ. Ей извѣстно было употребленіе желѣзнаго и отчасти каменнаго орудія: топоровъ, копачей, заступовъ и проч. Она защищалась стрѣлами, кольями и бросаніемъ камней и бревень съ возвышенныхъ мѣстъ. Народъ находитъ орудія и оружіе Чуди въ с. Ижмѣ, Устьцымѣ и Ваймурѣ. Преданія о Чуди извѣстны не однимъ русскимъ, но также Зырянамъ и Самоѣдамъ.

Надобно сказать, что приведенныя преданія о Чуди собирались случайно, между дѣломъ, и при томъ по большей части людьми, неимѣющими специальной подготовки; поэтому неудивительно, что многое упущено или изъ виду и неразвѣдано надлежащимъ образомъ. Слѣдовательно, нельзя утверждать, что при болѣе тщательныхъ изысканіяхъ и распросахъ не откроются болѣе живыя и болѣе точныя преданія объ исчезнувшемъ народѣ. Но и изложенныя уже свѣдѣнія представляютъ довольно богатый матеріалъ для будущихъ изслѣдователей; они, между прочимъ, послужатъ лучшимъ указателемъ для изслѣдователя, гдѣ именно слѣдуетъ производить изысканія.

Этимъ свѣдѣніямъ, какъ и всѣмъ вообще народными историческими преданіями, какъ бы они не были интересны сами по себѣ, нельзя пользоваться безъ предварительной проверки и оцѣнки ихъ; въ противномъ случаѣ можно легко впасть въ ошибку: новѣйшее принять за древнѣйшее; принадлежащее, положимъ, славянамъ принять за финское и пр.; въ особенности это возможно при собраніи народныхъ разсказовъ о разнаго рода вещественныхъ памятникахъ, такъ какъ народъ все мало-мальски отзывающееся древностію приписываетъ Чуди. Проверкой народныхъ преданій могутъ служить историческія извѣстія, заключающіяся въ лѣтописяхъ и запискахъ, научныя изслѣдованія самыхъ памятниковъ, изученіе мѣстнаго нарѣчія и названій мѣстностей. Въ подтвержденіе необходимости и возможности проверки народныхъ преданій, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ изложеннаго уже. Въ числѣ приведенныхъ выше преданій есть указаніе на то, что въ Цуйскомъ приходѣ, Шенкурскаго у. и Хаврогорскомъ.

Холмогорскаго, существуютъ чудскія кладбища и рядомъ съ нимъ рассказы о томъ, что тамъ, въ дремучихъ лѣсахъ, въ старину былъ притонъ разбойниковъ. Извѣстно, что даже въ прошломъ столѣтїи по Вагъ укрывались огромныя шайки разбойниковъ, противъ которыхъ высылались цѣлыя отряды солдатъ, вступавшія съ ними въ бой. Весьма можетъ быть, что эти кладбища сохраняютъ въ себѣ, остатки упомянутыхъ истребленныхъ разбойниковъ, а можетъ быть даже новгородскихъ ушкуйниковъ. Въ названїи городка *Паново* слышится отголосокъ преданїя о литовскихъ панахъ и малороссійскихъ бродягахъ, полжившихся въ здѣшней губерніи во время междоусобицы, разорявшихъ по пути села и имѣвшихъ стычки съ мѣстнымъ населеніемъ. (*)

Въ данныхъ случаяхъ окончательная провѣрка народныхъ преданій должна принадлежать антропологическимъ изслѣдованіямъ череповъ, оставшихся въ тѣхъ мѣстахъ. Такія изысканія покажутъ, какому племени принадлежатъ тѣ черепа: чудскому, русскому или польскому и, слѣдовательно, какой народъ похороненъ тамъ. Иногда для провѣрки преданій нужно, какъ мы сказали выше, обращаться къ помощи лингвистическихъ данныхъ. Ижемскіе Зыряне утверждаютъ, что они составляютъ смѣсь собственно Зырянъ съ Чудью и Самоѣдами; о чемъ мы говорили уже въ своемъ мѣстѣ. По увѣренію нѣкоторыхъ, такое преданіе подтверждается самимъ языкомъ тузем-

(*) Въ преданїяхъ крестьянъ Олонецкой губерніи весьма замѣтно смѣшеніе литовскихъ пановъ съ Чудью (См. Пам. Кн. Олон. Ст. Кош. за 1867 г. стр. 109, 112)

цель, который будто бы состоитъ изъ смѣшенія Зырянскаго и Самоѣдскаго нарѣчія и языка какого-то неизвѣстнаго племени, по всей вѣроятности Чуди. (*) Болѣе тщательное изслѣдованіе языка ижемскихъ зырянъ принесло бы полезныя результаты для разрѣшенія настоящаго вопроса.

Какъ легко впасть въ ошибку, при полномъ довѣрїи къ народнымъ преданіямъ, даже при поверхностной повѣркѣ ихъ, можно видѣть на слѣдующемъ случаѣ. Авторъ «Отрывка изъ путевыхъ замѣтокъ» помѣщеннаго въ 8 № Арх. Губ. Вѣд. за 1848 г., пишетъ о древности Ненокскаго посада, что она доказывается устными народными преданіями и существующими въ немъ соляными источниками или солеварницами. «Наши Новгородцы нуждались въ соли; ибо доставляли ее изъ мѣстъ слишкомъ отдаленныхъ и покупали ее дорогою цѣною; слѣдовательно имѣть въ рукахъ своихъ солеварницы для нихъ было слишкомъ выгодно. Но гдѣ шло дѣло объ интересѣ, тамъ Новгородцы не давали маху; мечъ вездѣ открывалъ имъ дорогу и Чудь платилась жизнью за свое добренькое. За неизмѣнимъ другихъ, неоспоримыхъ доказательствъ, можно, по необходимости, довольствоваться устными преданіями. Спросите же любого изъ жителей Ненокскаго посада: кому принадлежали въ древнее время ихъ солеварницы? И каждый вамъ отвѣтитъ: «Чуди». А въ доказательство сказаннаго поведетъ васъ на Святую гору, и тамъ укажетъ вамъ кладбище, еще до сего времени сохранившее названіе *Чудскаго*. На этомъ кладбищѣ вы найдете много надмогильныхъ камней, глубоко вросшихъ въ землю. Отрывая

(*) Арх. Губернск. Вѣдом. 1846 г. № 24.

эти камни действительно убедитесь, что они при-
надлежали могиламъ инноплеменнаго намъ народа,
потому— что на нѣкоторыхъ изъ этихъ камней,
хотя и не вполне, но довольно еще ясно сохрани-
лись именныя начертанія. Любопытно было бы
изслѣдовать это кладбище во всей подробности и
скопировать уцѣлѣвшія отъ времени надгробныя
надписи. Это можетъ быть послужило бы откры-
тіемъ, къ какому именно племени принадлежали
нѣкогда бывшіе тутъ народы. Но и не входя въ
историческія изысканія, по этимъ надписямъ мо-
жемъ съ достовѣрностію уже заключать, что
Чудь, занимавшая мѣсто нынѣшняго Невokesкаго
посада, имѣла извѣстную степень образованія».

Вскорѣ послѣ появленія этого извѣстія нашел-
ся такой любитель древности, г. Богославскій,
который взялъ на себя трудъ сдѣлать дальнѣй-
шія разслѣдованія. Наглядѣвшись на не совсѣмъ
привлекательную видопись посада, онъ началъ
искать чуждаго кладбища. «И вотъ, пишетъ онъ,
царапая лице и руки въ колючемъ кустарникѣ и
роясь въ землѣ, вы ищите надгробныхъ плитъ,
съ рѣшительнымъ намѣреніемъ, во что не ста-
нетъ, прочитатъ, или покрайней мѣрѣ, срисовать,
и довольно ясно еще сохранившіяся на нихъ письмен-
ныя начертанія». Наконецъ, вы действительно
находите плиту, другую, третью и, въ самокъ
дѣлѣ, видите на нихъ надписи: но всмотрѣвшись
внимательнѣе, очарованіе ваше, увы, исчезаетъ;
на полуразрушенныхъ и почернѣвшихъ отъ
времени камняхъ, ясно осматриваете осмысленнѣ-
ные кресты, подъ которыми читаете русскія над-
писи церковными буквами, въ родѣ слѣдующей:

Дѣта.....пра.....
.....но.....

.....А.....Прест.....
Божій...т...гдѣи
 Н.....ене.....мникъ.

Увлеченные древноманіею вы, однако же, не хоти-
 те одуматься, полагая, что отысканные вами
 памятники не тѣ, о которыхъ говорится въ *От-
 рынкахъ*, снова пускаетесь ломать кусты и отча-
 янно рыть землю. И воть, съ досадою и въ потѣ
 лица, вы, наконецъ, оставляете тщетный поискъ.
 Подозвавъ перваго прохожаго крестьянина, вы за-
 даете ему вопросъ о мѣстѣ нахожденія Чудскаго
 кладбища. Простодушный мужичекъ отвѣчаетъ:
 « да эво-ся, батюшка, ваше благородіе, оно ту-
 толка и есть. » — Да по милуй, любезный, это рус-
 ское, и, повидимому, не очень давнее кдадбище,
 а вовсе не чудское? — « Нѣтъ, ваша милость,
 чудское: вишь, тутъ, въ прежніе годы, все такая
 старовѣрская чудь жила; ее тутотки и кла-
 ли. » Дѣло, какъ выразился персидскій поэтъ,
*становится яснымъ и онъ принуждаетъ языкъ зу-
 бами молчанія* (Арх. Губ. Вѣд. 1849 г. № 44).

Въ доказательство того, какъ много свѣта могли
 бы пролить на жизнь и исторію первобытныхъ
 обитателей топографическія, геологическія и ан-
 тропологическія изысканія, сдѣлаемъ указаніе на
 попытку генераль-маіора Наренсова къ изсѣдо-
 ванію долины р. Онеги. По его мнѣнію, выведен-
 ному изъ личныхъ разсѣдованій, р. Онега обра-
 зовалась отъ прорыва водъ озеръ Лача и Воже.
 При такомъ прорывѣ, воды лежащихъ на пути
 болотъ также были увлечены общимъ теченіемъ,
 а мѣстъ, росшій на болотахъ, вслѣдствіе пониже-
 нія земли, уналъ и съ теченіемъ времени вновь
 покрылся слоемъ нанесенной изъ другихъ мѣстъ
 тундры, на когорой, въ свою очередь, образовался

пласть новой земли, довольно толстый.» На удобной къ обитанію землѣ, покрытой лѣсомъ, говорить Паренсовъ, остановились первые поселенцы. Но кто были первые обитатели тѣхъ мѣстъ, это не открыто, по краткости времени. Конечно, первоначально занялъ сіи мѣста бродячій народъ, котораго преданіе называетъ бѣлоглазою Чудью. Кто бы ни былъ, но должно быть очень древнѣйшій народъ, что свидѣтельствуютъ дни, подъ тундрой находящіеся. Кто нибудь долженъ же срубить деревья и срубить не безъ нужды, а на какое либо употребленіе. Въ послѣдствіи поселился другой, а можетъ быть, и третій народъ, какъ должно думать.» (Арх. Губ. Вѣд. 1839 года № 11).

Хотя свѣдѣнія сообщаемыя Паренсовымъ не разрѣшаютъ вопроса о народахъ обитавшихъ по долинѣ р. Онеги, но они доказываютъ возможность и даютъ способъ къ разрѣшенію этой задачи, чрезъ изслѣдованіе разновременныхъ напластованій земли и содержимыхъ въ нихъ органическихъ остатковъ. Весьма можетъ быть, что при дальнѣйшихъ поискахъ въ томъ мѣстѣ отыскились бы слѣды древнѣйшихъ обитателей Сѣвера и доставили бы весьма важныя данныя для науки. Известно, что въ Западной Европѣ, даже въ Скандинавіи, торфяныя болота доставили самыя обильныя факты къ опредѣленію нѣкоторыхъ періодовъ культуры первобытныхъ народовъ.

Повѣрляя народныя преданія о Чудѣ нѣкоторыми историческими данными, нельзя не видѣть въ нихъ значительной доли исторической истины, а потому нельзя не придавать имъ серьезнаго значенія. Вотъ примѣръ тому. Въ числѣ способовъ,

употреблявшихся чудскимъ племенемъ для защиты; во время борьбы съ Новгородцами, упоминается народомъ и тотъ, будто Чудь взбиралась на горы и оттуда бросала въ своихъ непріятелей бревна и камни. По лѣтописямъ же норвежскимъ видно, что въ 1316 и 1323 гг. когда Новгородцы опустошили Дронггеймскую область и когда, въ одинъ изъ этихъ походовъ, они отняли стало лесей у шведскихъ Лопарей, послѣдніе собрались близъ Каппивара на горѣ, облили ее водою въ жестокіе морозы, пустили оттуда множество бревенъ на Новгородцевъ и побили великое число людей. (Карамз. Ист. Г. Рос.)

Въ разсказахъ мѣстныхъ крестьянъ о силѣ, могуществѣ и чародѣйствѣ первобытныхъ обитателей Сѣвера слышатся отголоски древнѣйшихъ чудскихъ вѣрованій и преданій. Для того, чтобы придти къ такому заключенію достаточно указать на сходство этихъ разсказовъ о богатырствѣ Чуди съ характеромъ героевъ Калевалы, древней корельской поэмы: необыкновенно сильная и мужественная дѣвица изъ рода чудскаго, вышедшая замужъ за русскаго крестьянина, напоминаетъ дочерей сыновъ Калевы, которыя были такъ сильны, что въ своихъ передникахъ носили огромные камни и собирали ихъ въ груды, и изъ нихъ составляли потомъ цѣль горы. Въ Калевалѣ еще передается, что одна исполинская дѣва взяла на руки земледѣльца, пахавшаго поле, съ лошадыю и сохою, отнесла ихъ къ своей матери и сказала: маменька, посмотрите какого я нашла жука, рывшагося въ землѣ. » Мать возразила ей: отнеси ихъ на мѣсто; мы должны будемъ оставить эту землю и они здѣсь водворятся. Заключеніе разсказа вѣрно передаетъ сущность нашихъ народныхъ преданій о могуществѣ и богатырствѣ Чуди, уступившей мѣс-

то русскому населенію. Въ поморскомъ разсказѣ о пребываніи краснокожей Чуди на Новой Землѣ, въ видѣ невидимокъ, и въ самоѣдскомъ названіи обитателей пещеръ «*Сиртъ*» видѣтъ прямой переходъ отъ простыхъ преданій о Чуди къ древне-финско-самоѣдскому вѣрованію въ духовъ, обитавшихъ въ пещерахъ. Эти духи, принадлежавшіе къ разряду тѣхъ, которые владѣли и покровительствовали отдѣльнымъ предметамъ природы, по фински назывались *огненноглазые halia*, по лопарски *сайсоки*, а у Самоѣдовъ *сиртъе* (Зап. Геогр. Общ. 1864 г. № 2. Шаманство въ Сибири; стр. 49). Дальнѣйшія изысканія въ этомъ направленіи весьма желательны, такъ какъ отъ нихъ можно ожидать хорошихъ результатовъ въ вопросѣ о Чуди.

Исчезнувшій народъ, Чудь, оставилъ по себѣ память въ преданіяхъ населенія не одной Архангельской губерніи, но всего Сѣвера Россіи, до внутреннихъ губерній и даже въ Сибири. Такъ въ Олонецкой губерніи о Чуди ходитъ рассказы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нынѣ вовсе нѣтъ финскихъ обитателей, именно въ Вытегорскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ. Въ томъ и другомъ уѣздахъ есть преданія о борьбѣ Чуди съ русскими, и о разнаго рода вещественныхъ памятникахъ, оставленныхъ ею; Каргопольцевъ же до сихъ поръ дразнятъ: «*Чудь бѣлоголазая; сыропды.*» (*)

Въ Вологодской губерніи преданія о Чуди живы какъ между русскими такъ и между Зырянами. Последние указываютъ въ своей мѣстности много старинныхъ укрѣпленій, приписываемыхъ

(*) Пам. Кн. Арх. Стр. Ком. на 1867 г. Чудскіе памятники и преданія о ланахъ стр. 109—112).

Чудь. (*) Есть преданіе объ этомъ народѣ и между Пермьями въ Пермской губерніи. По разсказамъ Пермьяковъ—старожилонъ Чудь или Чудаки, оставившая послѣ себя городища, была народомъ отличнымъ отъ Пермьяковъ; большая часть его не хотѣла принять христіанства и добровольно закапывала себя въ землю. Такимъ образомъ Чудь исчезла и ея мѣсто заняли Пермьяни. (*) Между Пермьями отличаются два типа: одинъ типъ главный, имѣющій свѣтло-русые или рыжеватые волосы, широкое лицо красноватую или желтоватую кожу, сѣрые глаза, вздернутый широкій носъ, толстыя губы, круглый подбородокъ. Другой типъ, по сказанію

(*) Ж. М. Нар. Пр. 1863 г. Истор. очер. нар. міросозерц. и суевѣрія. Ж. М. Вн. Дѣлѣ 1852 г. № 7 Археол. поиски въ окрестн. Устьсысольска, стр. 122.

(*) *Примѣч.* Есть между Пермьями преданіе о чудскомъ богатырѣ Перѣ, изъ котораго видно, что они признаютъ свое ближайшее родство съ Чудью, и даже происхожденіе отъ нел. Этотъ « Чюденипъ, » Перл отличался необыкновенной силой; онъ жилъ при р. Камѣ, въ 50-ти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ село Гойна. Перл былъ встрѣченъ однимъ заблудившимся русскимъ торговцемъ, которому онъ указалъ дорогу и снабдилъ всѣмъ нужнымъ. Торговецъ, возвратясь въ Москву, разсказалъ о необыкновенной силѣ Чюдениппа, и слухъ дошелъ до самаго Царя Іоана Васильевича. Заинтересованный Царь призывалъ Перю въ Москву, и заѣхъ далъ ему грамоту на извѣстный округъ земли а также шелковыя сѣти для промысла, Говорятъ, что упомянутая жалованная грамота уничтожена приказными, потому что Пермьяни часто ссылались на нее, защищая

Пермяковъ, происшедшій отъ Чуди, имѣетъ волосы темнорусые, почти черные, лицо продолговатое, кожу смуглую, глаза каріе и темнокаріе, носъ прямой, узкій, губы тонкія, подбородокъ острый. (*)

Вообще на Сѣверо—востокаѣ Россіи въ разныхъ мѣстахъ находятъ много городищъ, которыя извѣстны въ народѣ подъ общимъ именемъ чудскихъ. Преданія о Чуди перенесены далеко въ Сибирь. « Ежели вы, говоритъ Миллеръ въ Рѣчи о происхожденіи народа Россійскаго, на берегахъ Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, види какое нибудь укрѣпленіе, могилу, древнее зданіе, спросите у жителей: кто соорудилъ ихъ? то они вамъ отвѣтятъ: Чудъ народъ, который обиталъ здѣсь прежде русскихъ. » (Кар. Ист. Р. Т. 1. пр. 73). Древніе рудники въ Сибири, гдѣ разрабатывалось золото, серебро и мѣдь называются *чудскими* копаниями. (Тамъ же) Что же это былъ за народъ, Чудъ, имя котораго такъ глубоко вѣзалось въ памяти русскаго населенія и многихъ инородцевъ сѣверной Россіи и Сибири; составлялъ ли онъ одно, широко распространенное племя, или подъ этимъ общимъ именемъ извѣстны разнородныя племена? Какова была культура этого племени и судьба его, по свидѣтельству историческихъ памятниковъ и разнаго рода научнымъ изслѣдованіямъ? Отвѣты на эти вопросы читатель найдетъ во второй половинѣ настоящей статьи.

П. Ефименко.

свои поземельныя права. Самое слово Пермь и Пермь нѣкоторыми производится отъ имени « Перя ».

(*) Ж. М. Вн. Дѣл. 1858 г. № 4. Матеріалы для описанія быта Пермьковъ; стр. 49, 67.

ЗАВОЛОЦКАЯ ЧУДЬ.

Что это за Чудь такая?!

Народ. поговорка.

Съверныя страны нынѣшней Европейской Россіи, представлявшіяся воображенію древнихъ Грековъ и Римлянъ покрытыми „гиммерійскимъ мракомъ“ или населенными баснословнымъ народомъ „блаженными Гипперборейми“, въ первомъ столѣтіи по Р. Х. являются уже въ нѣкоторомъ полусвѣтѣ. Тацитъ уже знаетъ, что сѣверъ былъ обиталищемъ финновъ, неимѣвшихъ ни домовъ, ни лошадей, ни оружія, питавшихся травами, одѣвавшихся звѣриными кожами и укрывавшихся отъ непогоды подъ сплетенными вѣтвями.

Западные историки, естественно, должны были знать болѣе о сѣверѣ, нежели древніе. Дѣйствительно, готъ Іорнандъ указываетъ даже на финскіе народы *Me gens*, *Mordeus* и *Thuidos*, въ которыхъ нельзя не признать Мери, Мордвы и Чуды. По словамъ Бейера, автора Россійской географіи, этотъ историкъ (Іорнандъ), а также Павелъ Вар-

нефридъ и Адамъ Бременскій рисуютъ финновъ такъ, „Финны суть послѣдніе сѣверные народы и едва въ жилой части свѣта живутъ и пашутъ; жестокое у оныхъ есть стрѣль употребленіе: никакой народъ лучше стрѣлять не умѣетъ, великими и широкожелѣзчатыми стрѣлами воюютъ, въ колдовствѣ прилежаніе имѣютъ, искусны въ ловлѣ звѣрей: жительство у нихъ безвѣстное и кочевья неодномѣстныя; гдѣ ни достанутъ звѣря, тамъ и ѣдятъ; горы, снѣгами покрытыя, на лыжахъ перебѣгаютъ. (Путев. Зап. Лепех. т. IV, стр. 381). Иорнандъ же свидѣтельствуешь о торговлѣ соболями въ глубинѣ сѣвера; а Саксонъ Грамматикъ, въ своей Датской исторіи, упоминаетъ даже о нѣкоторыхъ владѣтеляхъ финновъ: о Кусѣ, князѣ финновъ и біармійцевъ, и дочери его Торѣ, обѣ Эктерѣ, князѣ Біарміи и пр.

Отъ Скандинавовъ, какъ ближайшихъ сосѣдей финновъ, можно бы, кажется, болѣе всего ожидать ясныхъ извѣстій объ обитателяхъ крайняго сѣвера. Но, къ сожалѣнію, древнѣйшія свѣдѣнія о сѣверѣ дошли до насъ отъ скандинавскихъ скальдовъ; а ихъ высокопоэтическія саги преисполнены чудесными вымыслами, между которыми трудно отличить частицы истины. Въ воображеніи слагателей сагъ, понятія о Біармаландіи, (такъ они называли весь сѣверъ Россіи) сливались съ древнѣйшими преданіями о выходѣ самихъ Скандинавовъ изъ земель нынѣшней Россіи: князья Біарміи царствуютъ еще до рождества Христова, другіе современны Одину, языческому Богу Скандинавіи; сѣверные люди, **Норманны**, стремятся въ Біармію искать богатствъ. Конунги норвежскіе и дат-

скіе женятся на біармійскихъ царевнахъ, а изъ за отказа руки ихъ происходятъ битвы и единоборства. Войны, грабежи, мирныя и родственныя отношенія связываютъ Біармію со Скандинавіею. (Перм. губ. въ археол. отн. Савельева, Ж. М. Вн. Д. 1852 г. № 7 стр. 115).

Нѣкоторые ученые пытались извлечь географію Біарміи изъ упомянутыхъ сагъ. Такъ, по ихъ предположенію, страна Кириаландія простиралась отъ Финскаго залива до Бѣлаго моря, на востокъ до Біарміи, а на сѣверозападъ до Квенландіи, или Каяніи. Жители этой страны занимались набѣгами на сосѣднія земли и славились чародѣйствомъ. Собственно Біармія (Biarmaland) начиналась отъ Бѣлаго моря и Сѣверной двины и доходила до р. Печоры. За этой послѣдней рѣкой тянулся будто бы Іотунгеймъ, мѣстожительство Іотовъ, т. е. великановъ, или народа скалъ и пещеръ. Подъ именемъ іотовъ одни хотятъ признавать духовъ мрака и холода, другіе—всѣхъ народовъ чуждыхъ Скандинавіи. По иному предположенію, Іотунгеймъ есть только Финмаркъ или Финдляндія (Первонач. истор. финновъ. Финс. Вѣстн. 1845 г. т. VI, отд. II стр. 15—18). Но, по справедливому замѣчанію археолога Савельева, положительные факты неуловимы въ сагахъ; довольно и того, что онѣ даютъ поэтизированную идею факта. (Ж. М. В. Д. 1852 г. № 7 стр. 119).

Первыя болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о нашемъ сѣверѣ сообщаются любознательнымъ англо-саксонскимъ королемъ Альфредомъ великимъ, сословъ норвежскаго мореходца Отера, который былъ по-

слантъ Альфредомъ къ берегамъ Біарміи, для добыванія моржевыхъ зубовъ и кожъ. Отеръ доплылъ до устья рѣки Сѣверной Двины и нашелъ здѣсь многочисленный народъ *Biorgmas*, или *Biarmar*, жилища котораго начинались оттуда. Народъ Біормась, или Біармаръ говорилъ, по видимому, отнимъ языкомъ съ финнами, занимался судоходствомъ, билъ морскихъ звѣрей и имѣлъ земли хорошо обработанными. Это относится къ исходу IX вѣка. Въ началѣ же XI столѣтія, по сказанію исландцевъ, на берегахъ Двины былъ уже торговый городъ, въ который лѣтомъ съѣзжались купцы изъ Скандинавіи, на славную ярмарку, и покупали мѣха. Здѣсь же находилось богатое кладбище, потому что жители имѣли обыкновеніе зарывать въ могилу часть богатствъ, оставленныхъ умершимъ. Это мѣсто было окружено лѣсомъ и заборомъ; въ срединѣ стоялъ истуканъ бога Йомаллы или Юмаллы, сдѣланный весьма искусно изъ самаго лучшаго дерева; истуканъ былъ украшенъ золотомъ и драгоценными камнями, ярко озарявшими всѣ окружающія мѣста. На головѣ Йомаллы блистала золотая корона съ двѣнадцатью рѣдкими камнями; ожерелье его цѣнилось въ 300 марокъ (150 фунтовъ) золота; на колѣняхъ его стояла золотая чаша, наполненная золотыми монетами, и такой величины, что четыре человѣка могли напиться изъ нее до сыта. Его одежда цѣною своею превосходила грузъ трехъ самыхъ богатѣйшихъ каравановъ. Норвежцы Тореръ и Карлъ, отправленные для торговли въ Біармію королемъ Олафомъ, современникомъ Ярослава, на купивъ мѣховъ во время славной ярмарки, зашли со своими товарищами на упомянутое владбище въ глубокую ночь, похитили все, что могли, отсѣгли

голову Йомаллы, для того, чтобы снять крѣпко-привязанное ожерелье. Во время похищенія вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ. Стражи кладбища пробудились и начали трубить въ рога. Воры спаслись бѣгствомъ. Жители съ крикомъ и воплемъ гнались за ними и со всѣхъ сторонъ окружили ихъ; но будучи не искусны въ дѣлѣ воинскомъ, не могли ничего сдѣлать отважнымъ грабителямъ, которые благополучно дошли до каравелъ своихъ.

Норвежцы до XIII вѣка ходили на корабляхъ въ Біармію. Последнее ихъ путешествіе къ берегамъ Двины упоминается подъ 1222 годомъ. (Ист. Карамз. т. II, пр. 62. Ж. М. Вн. Д. 1852 г. № 7 стр. 115—117. Фин. В. 1845 т. VI, отд. II стр. 20).

Несмотря на поэтическія прикрасы и нѣкоторыя приувеличенія, въ этихъ разсказахъ ясно замѣтна историческая истина. Первое, что выводится изъ нихъ, такъ этотъ фактъ, что задолго до IX вѣка Біармія была извѣстна Скандинавамъ, какъ страна торговая и богатая, съ которою они имѣли частыя сношенія. Что торговля Біарміи была значительно развита и эта страна служила перепутнымъ пунктомъ для торговыхъ сношеній западныхъ европейцевъ съ Камскими Болгарами, а черезъ послѣднихъ и съ восточными народами, нынѣ подтверждается частными археологическими находками, если не въ Архангельской губерніи, то въ сосѣднихъ съ нею. Такъ, въ разныхъ имѣніяхъ гр. Строгонова Пермской губерніи, населенныхъ пермяками, вырыты были англосаксонскія и нѣмѣцкія монеты X и XI ст. Потомъ, въ его же имѣніи, найденъ кладъ, состоящій изъ серебрян-

ныхъ монетъ сассанидскихъ, (персидскихъ) отъ V и VI вѣковъ. Вблизи Устюга, Вологодской губерніи, также открытъ былъ кладъ съ англосаксонскими и нѣмецкими монетами X—XI вѣковъ. Той же губерніи, вблизи г. Устьсысольска, въ „чудскомъ городѣ“ или насыпи на довольно значительномъ протяженіи, сажени въ $3\frac{1}{2}$ вышиной, въ числѣ другихъ археологическихъ находокъ, вырыто двѣ монеты: одна серебрянная, Саманидская, битая въ Бухарѣ въ половинѣ 10 вѣка, другая изъ смѣси свинца и олова, битая въ Ишкентѣ въ концѣ 10 вѣка, тоже Саманидская. Даже на берегу Оби, въ Самаровѣ, у остяковъ, въ прошломъ столѣтіи, отыскано было металлическое зеркало съ арабскою надписью эпохи халифата Аббасидовъ, X или XI стол. (Статьи Савельева въ Ж. М. Вн. Д. 1852 г. № 7 стр. 122—123, 164—165 и въ Ж. М. Н. Пр. 1847 г. мартъ Отд. 2 стр. 269). При тщательныхъ розысканіяхъ, конечно, и въ нашей губерніи открылись бы кладъ и древнія вещи, лучшія указатели торговыхъ сношеній разныхъ народовъ.

✓ Предметами торговли, шедшими съ сѣвера, были мѣха различныхъ пушныхъ звѣрей, на которыя шелъ въ то время значительный спросъ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ; кожи моржей, употреблявшіяся на канаты, и моржевые зубы или вѣр, нѣтъ, клыки, по мѣстному „тинки“, которыя тогда были очень цѣнны и замѣняли нынѣшнюю слоновую кость. До сихъ поръ еще моржевые клыки принадлежатъ ко числу предметовъ заграничной торговли, вывозимыхъ изъ Архангельска, хотя въ незначительномъ количествѣ.

По сказаніямъ исландцевъ, центромъ торговой дѣятельности сѣверной части Біармii былъ городъ, лежавшій на берегахъ Двины. Но въ какомъ именно мѣстѣ находился этотъ городъ? вотъ вопросъ! Скандинавскія саги часто упоминаютъ о Голмгардѣ, или Голмаволѣ столицѣ сѣвера; поэтому, многіе ученые признали, что къ этому самому Голмгарду приѣзжали норвежцы по бѣлому морю и, основываясь на сходствѣ названій, полагали его на мѣстѣ нынѣшнихъ Холмогоръ. Противъ этого мнѣнія, Карамзинъ замѣтилъ, что подъ именемъ Гольмграда норвежцы разумѣли Новгородъ, потому что этотъ городъ, по ихъ словамъ, достался Ярославу, сыну Владимара, да и имя самыхъ Холмогоръ, по письменнымъ памятникамъ, извѣстно не ранѣе XIV столѣтія, именно въ первый разъ оно упоминается въ грамотѣ великаго князя Іоанна Іоанновича къ двинскому посаднику (Ист. Кар. Т. IV, пр. 386). Впрочемъ, и до Карамзина еще, почти тоже самое было высказано Крестининымъ. Этотъ мѣстный историкъ полагалъ, что расположеніе Холмогоръ на небольшихъ возвышеніяхъ или низкихъ холмахъ, среди селеній Матигоръ, Быстрокуръ, Ровдогоръ и др., лежащихъ на значительныхъ горахъ, безъ сомнѣнія, подало поводъ первымъ русскимъ поселенцамъ къ производству названія Холмогоръ „рѣченіемъ сложнымъ изъ горъ и холмовъ“. Производя же слово Холмогоры изъ русскаго языка, Карамзинъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы это названіе соотвѣтствовало норманскому или шведскому Гольмгардъ. Что названіе Гольмгардъ относилось не къ Холмогорамъ, а къ другому какому либо мѣсту, онъ подтверждаетъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что даже

въ XI вѣкѣ нынѣшніе Холмогоры не были первымъ посадомъ на Двинѣ; въ противномъ случаѣ не зачѣмъ было бы новгородскихъ посадникамъ жить въ Матигорахъ и Ухть-островѣ. (Начерт. истор. г. Холм. Спб. 1790 г. стр. 5—10). Однако, Крестининъ признаетъ, на мѣстѣ Холмогоръ, существованіе трехъ древнѣйшихъ чудскихъ деревень: Курцева, Качковки и Подрокурри, въ которыхъ поселились явившіеся въ Заволочье новгородскіе купцы, и что здѣсь именно, какъ въ мѣстности удобной для торговыхъ сношеній съ иностранцами и внутренними частями страны производилась торговля со временъ Чуди (Тамъ же стр. 6).

Но и послѣ сихъ мнѣній, высказаннымъ Карамзинымъ и Крестининымъ, всѣ почти историки и ученые продолжаютъ держаться первоначальнаго мнѣнія. Вполнѣ соглашаясь съ Карамзинымъ и Крестининымъ, что одного созвучія именъ слишкомъ мало, чтобы счесть норманскій Голымгардъ Холмогорами, они думаютъ, что указаніе на Холмогоры только въ XIV столѣтіи, нисколько не опровергаетъ возможности существованія ихъ и ранѣе, подъ тѣмъ же именемъ, или подъ инымъ. И въ доказательство своего мнѣнія, одни, какъ напр. Кастрентъ, приводятъ сохранившіяся народныя преданія о сокровищахъ славнаго города и чудскія названія мѣстностей, другіе, какъ авторъ описанія г. Холмогоръ, Соколовъ, находятъ подтвержденіе своего мнѣнія въ самомъ фактѣ приводимомъ Крестининымъ, т. е. въ существованіи на мѣстѣ Холмогоръ чудскихъ поселеній Курцева (нынѣ часть города), Качковки (теперь этого названія нѣтъ) и Подрокурри (нынѣ рѣчка Падера). Вмѣстѣ съ тѣмъ

г. Соколовъ находитъ доказательство существованія одного изъ пяти холмогорскихъ посадовъ, именно Ивановскаго, который потомъ разрушенъ пожаромъ и снесенъ разливомъ Курополки, рукава Двины, въ уставѣ Святослава Ольговича 1138 г. Въ этомъ уставѣ упоминается въ Заволочѣ, рядомъ съ Ракулой (въ 50 вер. отъ Холмогоръ) Вихтуемъ, Пинегой и пр., *Ивань-пегостъ*, съ котораго новгородскій епископъ получалъ сбору 3 сорока кунъ. Въмѣстѣ съ прочими соображеніями, и народное преданіе, указывающее на городище, или насыпь, на которой стоятъ нынѣ городской соборъ и монастырь, какъ на чудское, склоняютъ его къ тому мнѣнію, что Холмогоры старое чудское мѣсто. „Пребываніе же новгородскихъ посадниковъ, говоритъ онъ, не въ самыхъ Холмогорахъ, а въ Матигорахъ и Ухть-островѣ, совершенно объясняетъ почему имя Холмогоръ встрѣчается такъ поздно,—въ грамотѣ XIV в. (Пам. кн. Арх. губ. на 1862 г. стр. 28).

Какъ бы въ дополненіе ко всѣмъ этимъ соображеніямъ, которымъ нельзя отказать въ основательности, можно еще сослаться на приведенное нами въ первой половинѣ настоящей статьи народное преданіе о разселеніи одного чудскаго семейства во всѣхъ окрестностяхъ Холмогоръ, давшего свои имена ближайшимъ селамъ: Матигорамъ, Курь-острову, Курьѣ, Ухть-острову и Чухчермѣ. Члены этого семейства, если мы припомнимъ преданіе, будто бы перекликались между собою, если что нужно было сдѣлать сообща. Въ этомъ преданіи выражается глубокая древность заселенія всѣхъ тѣхъ мѣстъ, центромъ которыхъ служатъ Холмогоры, и тѣсная связь существовавшая между сими поселеніями.

Если мы обратимся къ свидѣтельству названій мѣстностей ближайшихъ къ Холмогорамъ, то онѣ также будутъ говорить о своемъ до-русскомъ происхожденіи, а слѣдовательно о заселеніи этихъ мѣстъ въ отдаленныя времена. Три острова, лежащіе противъ самаго города: **Ухть-островъ**, **Куръ-островъ** и **Налье-островъ** носятъ чисто чудскія названія, которыя въ русскомъ переводѣ означаютъ: **Первый островъ**, **Журавлиный** и **Четвертый**. Надобно искать **Второго** и **Третьяго** острововъ; отъ чудскихъ словъ какъ и ими какси и кольме. Названія **Второго** острова мы не могли отыскать; вѣроятно разрушительное дѣйствіе водъ стерло его съ лица земли, какъ уничтожило поселенія, бывшія на Налье-островѣ и Нижніе посады въ Холмогорахъ. Но третій островъ, **Кольмъ-островъ** навѣрное былъ тамъ, гдѣ нынѣ стоятъ Холмогоры. И теперь этотъ городъ, въ весеннее время, является на островѣ. Отъ **Кольмъ-острова** произошло и имя Колмогоры, какъ оно пишется въ старинныхъ памятникахъ и какъ до сихъ поръ выговаривается народомъ *). Слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности и даже возможности производить его отъ русскихъ холмовъ и горъ, тѣмъ болѣе, что послѣднихъ здѣсь вовсе нѣтъ, а первые такъ незначительны, что во время весеннихъ разливовъ Двины всѣ они едва возвышаются надъ уровнемъ водъ. Еще менѣе основательности искать корня этого слова въ норвежскихъ словахъ **Гольмъ-гардъ**, какъ дѣлали нѣкоторые ученые.

*) Съ большою вѣроятностью имя **Кольмъ-островъ** и **Колмогоры** можно производить также отъ *Кольми*, божества могилъ древнихъ финновъ или божества знаменитаго биармійскаго некрополя.

Во времена отдаленных, поселеніе на нашемъ островѣ носило имя самаго острова, какъ и теперь селеніямъ, расположеннымъ на островахъ, придается названіе самихъ острововъ; напр. селенія Курь-островъ, Ухть-островъ, а въ прежнее время Налъе-островъ и т. д. Рядомъ съ такимъ главнымъ именемъ селенія могли существовать частныя названія, т. е. названія деревень, составляющихъ селеніе, какъ это въ здѣшней губерніи во всеобщемъ употребленіи, и какъ это же самое можно замѣтить на упомянутыхъ селахъ: Ухть-островъ, Курь-островъ и пр. Каждое изъ указанныхъ селеній имѣетъ множество деревень, входящихъ въ составъ его, съ особеннымъ именемъ. Такъ, конечно, и поселеніе на Колмъ-островѣ имѣло и одно общее наименованіе: **Колмъ-островъ** и нѣсколько видовыхъ: **Курцево**, **Качковка** и **Надрокурья**, а впоследствии также **Ивань-погость**. И въ другихъ частяхъ Архангельской губерніи много мѣстностей, носящихъ въ своемъ названіи чудское слово кольме; напр. **Колмогорская** деревня, въ Мезенскомъ уѣздѣ при р. Мезени; Архангельскаго уѣзда, Вознесенской волости, деревни Чевакинской 1-й, гора **Колмогорка**, Ремскаго уѣзда Нюхотской волости и деревни ручей **Колморучей** и пр. Явно, что Чудь дала свои названія также слѣдующимъ мѣстамъ на Колмъ-островѣ: пастбищу **Юрмолъ**, ручьямъ **Надеръ** и **Оногръ** и рѣчкѣ **Курополкъ**, образующимъ самый островъ. Положеніе Колмъ-острова между Ухть-островомъ и Матигорами, значительными поселеніями, въ которыхъ издавна жили Двинскіе посадники предполагаетъ давнюю заселенность и этого мѣста. Впрочемъ, чудскій городъ могъ быть и на

Куръ-островъ, противъ Холмогоръ, тамъ гдѣ нынѣ ельникъ, или роща Юмаллы. Все приведенное нами говорить въ пользу того мнѣнія, что столица Біарміи, о которой упоминають скандинавы, находилась на мѣстѣ Холмогоръ или въ самыхъ ближайшихъ къ нему окрестностяхъ; надобно замѣтить, что самые Матигоры и Ухтъ островъ отстоятъ не болѣе двухъ верстъ отъ Холмогоръ, а Куръ островъ съ версту; слѣдовательно, и ихъ можно причислить къ Холмогорамъ. Если отвергать существованіе Біармійскаго города въ Холмогорахъ, то надобно указать на какую либо другую мѣстность при Двинѣ, гдѣ могъ бы быть старинный городъ; а для этого вовсе нѣтъ никакихъ данныхъ.

Что храмъ Юмаллы и некрополь Біармійцевъ находился въ Холмогорахъ (собственно въ Куръ-островѣ), Кастренъ подтверждаетъ сохранившимся въ народѣ преданіемъ о сокровищахъ славнаго города. Намъ такое преданіе неизвѣстно; но что народъ почти буквально повторяетъ сказаніе норвежцевъ объ ограбленіи Юмаллы, это дѣйствительно правда. Въ народномъ разсказѣ разница только въ томъ, что вмѣсто норвежцевъ являются русскіе; а подробности о чудскомъ идолѣ такіа: „весь онъ былъ слитъ изъ серебра, прикрѣпленъ былъ къ одной самой матерой лѣсинѣ (самому большому дереву) и держалъ въ рукахъ большую золотую чашу. Въ эту самую чашу, Чудь, когда приходила молиться, клала серебро да золото; — ни этихъ денегъ, ни самаго идола, украсть было нельзя никакъ. Чудь берегла своего бога крѣпко: постоянно около него стояли часовые, а чтобы и они не прозѣвали какъ либо, около самаго идола были проведены пружины. Кто дотронется до идо-

да, хотя однимъ пальцемъ, сей-часъ же пружины эти заиграютъ и зазвѣнятъ разные колокольчики и тутъ неуйдешь никуда: часовые сейчасъ же позаберутъ, а окальная Чудь поджаритъ на сковородѣ, да и принесетъ въ жертву своему идолу“. Русскіе все таки, не смотря на эти предосторожности, съумѣли ограбить идола и уйти невредимыми отъ Чуди. По одному варианту разсказа, сбѣжавшаяся Чудь постояла, посмотрѣла на удалявшіеся караваны, похлопала руками, да и разошлась: дѣлать было нечего, „и съ этой самой поры перестала собираться въ ельникъ.“ (Холм. ельникъ. К. Ивановскаго. Арх. Г. В. 1869 г. № 50). По другому, Чудинцы гнались за новгородцами верстъ десять, до теперешняго селенія Курьи, внизъ по Двинѣ и тамъ вступили въ бой съ ними; но не могли одолѣть новгородцевъ. Отъ этой битвы будто бы одна изъ деревень получила свое названіе: Побоище. О самомъ ельникѣ народъ говоритъ, что онъ былъ не такой маленькій, какъ теперь; онъ простирался до самой почти деревни Уймы (близъ Архангельска); по его когда-то, во время ледоплава, разнесло большою водою и унесло въ море; уцѣлѣли только три чащи: Курь-островская, на Косковскомъ островѣ и близъ Уймы.

Нынѣ на мѣстѣ жительства Юмаллы, по народнымъ разсказамъ, обитаетъ духъ Скарбникъ, или Казначей, охраняющій какія-то сокровища и заставляющій путниковъ блуждать по упомянутой небольшой рошѣ; иногда ему придается названіе лѣшаго и приписываются всѣ занятія послѣдняго. Конечно въ послѣдней прибавкѣ нельзя не видѣть позднѣйшей мнѣической передѣлки, когда у здѣшняго народа почти всякій чортъ сталъ называться

лѣшимъ. Но собственно Скарбника надобно считать прямымъ пріемникомъ Юмаллы, сторожащимъ сокровища, завѣщанныя ему этимъ верховнымъ богомъ Віарми. Замѣчательно, что и другія холмогорскія мѣстности, въ границахъ городскихъ земель, народное воображеніе населяетъ также чертами, твердо прикрѣпленными къ опредѣленнымъ пунктамъ. Такъ, у Чортова Носа, оконечности Налъе-острова, подходящей къ Холмогорамъ и къ Куростровскому ельнику, народъ помѣстилъ Черта или Водянаго, который имѣетъ свой дворецъ въ водоворотѣ на оконечности носа, и часто увлекаетъ къ себѣ людей; въ олешникѣ, на рѣчкѣ Оногрѣ, близъ пожни Батъ-юрмолы, рядомъ съ самымъ городомъ, онъ поселилъ Оадѣйку, шутливаго чорта, который потѣшается надъ людьми, заставляетъ ихъ блуждать по олешнику. (Подробности см. въ моей ст. Холмог. черти Арх. Г. В. 1868 г. № 14).

Эти черти, по нашему мнѣнію, унаслѣдованы русскимъ населеніемъ отъ шаманской Чуди. Правда, послѣднему чорту придано крещеное имя и онъ, какъ и его собратья и сосѣды, ничѣмъ почти, по своему характеру, не отличается отъ русскихъ чертей. Но, надобно замѣтить, что духи шаманистовъ вообще имѣютъ много сходнаго съ нашими и что тѣ особенности, по которымъ можно было бы въ упомянутыхъ чертяхъ узнать чудскихъ духовъ, легко могли сгладиться въ теченіи многихъ вѣковъ, вмѣстѣ съ обрусѣніемъ чудскаго населенія. Довольно сказать, что шаманисты имѣли и имѣютъ своихъ хозяевъ лѣсовъ и господъ водъ, которые часто и внѣшнимъ видомъ походятъ на нашихъ лѣшихъ и водяныхъ, и занятія ихъ тождественны съ нашими; они также, какъ

и наши лѣшіе и водяные, охраняють лѣса и воды и также заставляютъ людей блуждать, и увлекають ихъ въ лѣсныя трущобы или въ глубины водъ. (Шаман. въ Сибири С. Шашкова. Зап. Геогр. Общ. 1864 г. № 2 стр. 27—28, 47, 56 и друг.)

Чудское происхожденіе холмогорскихъ чертей можно основать на приведенныхъ выше нерусскихъ названій мѣстностей, на которыхъ они родились, возросли и доживаютъ свой вѣкъ. Въ особенности замѣчательно названіе мыса Чортовъ-Носъ. Это ближайшій переводъ чудскаго **Пиринемъ**, или **Пиръ-неми**, отъ словъ **Пиръчортъ** и **Неми-мысь**, или носъ. Въ подлинникѣ это названіе, **Пиринемъ**, сохранилось до сихъ поръ въ **Пинежскомъ уѣздѣ**, въ имени одного селенія на берегу р. **Пинеги**.

Приведа всѣ извѣстныя намъ данныя, подтверждающія древность заселенія мѣстностей, занимаемыхъ Холмогорами и его окрестностей, слѣдуетъ поговорить и о томъ: сообразны ли сказанія скандинавовъ о біармійскомъ Некрополѣ и идолѣ Юмалѣ съ обыкновеніями финскихъ племенъ.

Разсказы скандинавовъ о богатствахъ кумирницы біармійцевъ можно было бы заподозрить въ сильномъ преувеличеніи, если бы мы не приняли во вниманіе историческихъ свидѣтельствъ о существованіи богатствъ при храмахъ другихъ финскихъ народовъ и того обстоятельства, что въ главномъ торговомъ городѣ біармійцевъ, какимъ нѣкогда были Холмогоры, безъ всякаго сомнѣнія, сосредоточивались всѣ богатства, какъ туземныя, такъ и полученныя, посредствомъ мѣны, съ востока и запада; слѣдовательно, они должны были стекаться въ огромныхъ размѣрахъ и къ знаменитому храму. Всѣ финскія племена имѣли обык-

новеніе приносить въ жертву богу самыя доргія для нихъ вещи. Изъ житія св. Стефана Пермскаго извѣстно: „бяху въ Перміи (т. е. Біарміи) кумиры различны, овиі большіи, а инніи меньшіи, другіи же средніи, инніи нарочитіе словутники; овѣмъ рѣдцѣ моляхуся и духу честь имъ воздаваху, другимъ же мнози, не только ближніи, но и дальніи погостове. Суть же у нихъ етери, кумирницы, чл нимъ же издалече прихождаху, и отъ дальнихъ мѣстъ поминки имъ приношаху, и за три дня и за четыре, и за недѣлю суще: были же кумирницы у нихъ въ лѣсахъ и въ поляхъ..... Бѣ обычай Пермیانомъ невѣрнымъ таковъ: еже приносить идоламъ своимъ соболи, куницы, горностаи, лисицы, бобры, медвѣди, рыси и иная тѣмъ подобная отъ ловитвъ своихъ, и вѣшаху то на идолахъ, или при идолахъ; еще же и платны изрядными съ верха покрываху своя кумиры и пеленами обвиваху, и никто же отъ приносимыхъ идоломъ даровъ держаше что взяти. Но св. Стефанъ повешенное около идоловъ или кровлю надъ ними, или на украшеніе, или на жертву имъ принесенное, соболи, куницы, бобры, бѣлки и прочая огнемъ сожигаше; самаго же кумира прежде обухомъ въ лобъ удаляше, потомъ изсѣцаше на малыя поленца и вкупѣ все сожигаше; себѣ же не взиماشе отъ тѣхъ ничегоже, и никому отъ вѣрныхъ не повелѣ взяти отъ кумирницъ идольскихъ, ни златое ни серебряное, ни мѣдъ, или желѣзо или олово или иное что.“ И до сихъ поръ еще въ разныхъ уѣздахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, Архангельской губерніи удержался между русскимъ населеніемъ чудскій обычай дѣлать въ храмовые и другіе праздники приношенія церквамъ разными

предметами: въ иномъ мѣстѣ полотномъ, льномъ и прочимъ, въ другомъ мѣстамъ различныхъ лѣсныхъ звѣрей, въ третьемъ живыми домашними животными; все это продается потомъ въ пользу церкви.

Что касается до обыкновенія біармійцевъ зарывать въ могилу часть богатствъ умершаго, какъ свидѣлствуютъ норвежскія саги, то въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: до сихъ поръ почти всѣ шаманисты, заботясь о доставленіи покойнику разныхъ удобствъ и средствъ въ будущей жизни, кладутъ въ могилу одежду и другія житейскія принадлежности. Многіе изъ финскихъ народовъ, сверхъ того, приносили покойникамъ жертвы и устраивали въ честь ихъ праздники; весьма могло быть, что кожи жертвенныхъ животныхъ посвящались божеству (Шам. въ Сиб. Шашкова стр. 58, 60).

Но, кто же именно населялъ Біармію: кто были эти Віармаг скандинавовъ, Веогмас англо-саксовъ? Въ какихъ отношеніяхъ стояли они къ другимъ соплеменнымъ народамъ?

Весьма многіе изъ ученыхъ, на основаніи сходства названій страны Біарміи съ Пермью и имени народа Біармаръ съ Пермьяками, признають, что Біармія, главнымъ образомъ, была населена пермскою вѣтвью финскихъ народовъ, т. е. зырянami и пермьяками. Пермія, по словамъ покойнаго археолога Савельева, также какъ и Зырянія (Päägma Syria) по фински означаетъ Украину; слѣдовательно, пермьяки и зыряне были украинцами финскаго міра. Эти финскіе украинцы, по его же словамъ, жили у р. Двины, и, только съ распространеніемъ новгородскаго владычества, оттѣснены

были оттуда далѣе къ востоку. При своемъ невольномъ переселеніи, они образовали двѣ Пермїи: Великую и Малую.

Признавая одинъ общій источникъ для происхожденія именъ: Біармія и Пермь, Біармаръ и Пермь, никакъ нельзя признать того, чтобы Біармія имѣла своими обитателями исключительно пермяковъ, или зырянъ; тѣмъ болѣе не возможно согласиться съ мнѣніемъ будто бы жилища зырянъ начинались отъ береговъ Сѣверной Двины и что ихъ-то описываютъ норвежскіе мореплаватели подъ именемъ біармійцевъ. Біармія была страна весьма обширная, занимавшая весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Европейской Россіи, а можетъ быть и часть Сибири; поэтому, само собою разумѣется, она должна была заключать въ своихъ предѣлахъ много различныхъ народовъ финскаго корня. Въ числѣ ихъ, конечно, были и зыряне, но они помѣщались въ восточной сторонѣ Біарміи, а ни какъ не отъ р. Двины. На берегахъ Двины обитало другое племя. Пермяки равно какъ и зыряне, сами себя называютъ Ками-Мортъ, или Ками-Ясъ; а въ этомъ имени ученые находятъ названіе рѣки Камы и, слѣдовательно, видятъ указаніе первоначальной родины пермяковъ и зырянъ на берегахъ той рѣки. (Костром. Сѣвернорус. народопр. т. 1-й). Переданное намъ норвежскими мореплавателями имя главнаго бога біармійцевъ, Юмалла, относится къ языкамъ западныхъ финновъ, а не восточныхъ. До сихъ поръ у первыхъ это слово въ употребленіи вмѣсто слова богъ: корельское Юмалла, эстонское Юм-малъ, лопарское Юбмелъ. Между тѣмъ пермяки и зыряне бога называютъ Іенъ, или Енъ, по историческимъ же извѣстіямъ: Воипель. А что

главное свидѣтельствуешь противъ заселенія когда либо зырянами береговъ Двины, такъ это отсутствіе зырянскихъ названій мѣстностей при этой рѣкѣ, какъ утверждаютъ знатоки финскихъ языковъ. Да и народныхъ преданій объ этомъ не оказывается. Напротивъ, народъ помнитъ повсемѣстно здѣсь только о Чуди. Сами зыряне не считаютъ себя коренными обитателями въ Архангельской губерніи а только пришельцами, и отличаютъ себя отъ исконныхъ обитателей крайняго сѣвера, Чуди.

И такъ, мы пришли къ тому положенію, что Біармійцы береговъ Двины и нашихъ сѣверныхъ окраинъ не были Зыряне; но не разрѣшили вопроса, что же за народъ были эти Біармійцы, которыхъ теперьшніе жители сѣвера, какъ мы видѣли, называютъ просто Чудью, а лѣтописцы Заволоцкою Чудью. Для удовлетворительнаго отвѣта на такой вопросъ, нужно обратиться къ историческимъ указаніямъ о Чуди, сохранившимся въ русскихъ лѣтописяхъ, житія святыхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ.

Преподобный Несторъ, на первой страницѣ своей лѣтописи, перечисляя народы, живущіе въ Европѣ, говоритъ: „въ Аѳетовѣ же части сѣдять: Русь, Чудь и вси языцы Меря, Мурома, Вель, Морьдва, Заволочьская Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтьгола, Любь; Ляхове же, и Пруси, Чудь присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски“. Вслѣдъ за тѣмъ, Несторъ перечисляетъ племена финскія, славянскія и литов-

скія, населяющія нынѣшнюю Россію: „На Бѣлѣ-озерѣ сѣдять Вєсь, а на Ростовскомъ озерѣ Мєря, а на Клещинѣ озерѣ Мєря же; По Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Муромѣ языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Морьдвѣ свой языкъ. Се бо токмо словѣньскѣ языкъ въ Руси.... а се суть нѣиѣ языци, иже данѣ даютъ Руси: Чудѣ, Мєря, Вєсь, Муромѣ, Черемисѣ Морьдвѣ, Пермѣ, Печорѣ, Ямѣ, Литвѣ, Зимоголѣ, Корсѣ, Норовѣ, Либѣ, си суть свой языкъ имущѣ, отъ колена Аѣетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ“. Изъ приведенныхъ мѣстъ мы видимъ, что Несторъ отдѣляетъ собственно Чудѣ отъ Заволоцкой Чуди; Чудѣ вообще помѣщается имѣ близъ Балтійскаго моря, вмѣстѣ съ Прусами, Ляхами и Варягами. Такъ какъ Варяги, по Нестору, занимали мѣста къ востоку и къ западу, то Чудѣ, слѣдовательно, жила къ сѣверу или къ югу отъ Варяжскаго моря. Нашъ лѣтописецъ не упоминаетъ ни объ одномъ изъ народовъ крайняго сѣвера, извѣстныхъ подъ нынѣшнимъ ихъ названіемъ: нѣтъ у него именъ Лопи, Корель и Зырянъ; о Самоѣдахъ говорится, но гораздо позже; не перечисляетъ онъ также Води, Ижеры, Саволаксовъ и пр. Такъ какъ нельзя предполагать, что бы всѣ эти народы были неизвѣстны Нестору, то остается допустить предположеніе, что онъ хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ отнесъ къ Чудѣ. Выраженіе его: „Чюдѣ и вси языци“ именно даетъ возможность понимать, что подъ словомъ вси языци, онъ подразумѣвалъ народы самыя близкіе къ Чудѣ или извѣстные тогда подъ этимъ именемъ, т. е. тѣхъ, которыхъ нынѣ называютъ собственно Финнами. Вмѣсто Лопи, Корель и Зырянъ, мы встречаемъ у Нестора имена Заволоцкой Чуди, Перми,

Печоры и Югры, народовъ, которые занимали мѣста на отдаленномъ сѣверѣ и считаются представителями теперешнихъ или исчезнувшихъ обитателей сѣвера.

Уже при зарожденіи государственной жизни русскихъ Славянъ, Чудь и другія финскія племена играли важную роль въ исторіи сѣверныхъ Славянъ. Исторія застаётъ ихъ въ тѣсной связи съ славянами: они раздѣляютъ съ послѣдними одинаковую судьбу, и участвуютъ въ созданіи государственной власти на Руси, чуть ли не болѣе самихъ Славянъ. Послѣднее можно заключать изъ того, что Несторъ участниками въ важнѣйшихъ событіяхъ первоначальной эпохи нашей исторіи ставитъ прежде Чудь, а потомъ уже русскихъ. Во второй половинѣ IX вѣка, Чудь вмѣстѣ съ Славянами, Мерей и Кривичами подчинена уже была Варягамъ и платила имъ дань. Потомъ всѣ эти племена изгнали Варяговъ, не желая платить имъ дани, и начали управляться сами собой, но „не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицы и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поимчемъ собѣ князя, иже бы владѣлъ нами и судилъ по праву“. Затѣмъ они снова обратились къ Варягамъ Руси. „Рѣша Руси Чюдъ, Словѣни и Кривичи: вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и владѣть нами“. Изъ числа избранныхъ въ князья, Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣло-озерѣ, гдѣ жила Весь и Труворъ въ Изборскѣ. Потомъ Рюрику достались всѣ владѣнія братьевъ, въ томъ числѣ и Ростовъ съ Мерей, Муромъ съ Муромай и пр.

Слова Нестора на счетъ усобицы Чуди, Сла-

вянъ, Мери и Кривичей, всѣ ученыя, подѣ влияніемъ теорій о родовомъ бытѣ, обыкновенно понимаютъ такъ, что въ каждомъ племени возстаала одна часть населенія на другую: „родъ на родъ“. Но, гораздо естественнѣе предположить здѣсь междуплеменную борьбу, т. е. борьбу одного племени съ другимъ, Чуди и Мери съ Славянами и Кривичами, какъ между элементами разнородными. И дѣйствительно, прежде нежели стать въ дружественныя отношенія, прежде нежели слиться въ одно цѣлое, въ политическомъ смыслѣ, эти племена должны были прійти въ сильныя враждебныя столкновенія, какъ случилось это позже въ другихъ мѣстностяхъ Россіи съ ихъ соплеменниками.

Теперь является изъ приведенныхъ мѣстъ еще другой вопросъ. Сначала у Нестора говорится, какъ мы видѣли, что изъ финскихъ племенъ платили дань Варягамъ только Чудь и Меря, далѣе, при призывѣ Рюрика упоминается одна Чудь; а когда явились Варяги, то они заняли Новгородъ, Бѣлоозеро, принадлежавшее Веси, и Изборскъ, потомъ Ростовъ, населенный Мерею и Муромъ, обитаемый Муромою; о Чуди же и о чудскомъ городѣ не говорится ничего. Недастъ ли сопоставленіе этихъ словъ права заключать, какъ сдѣлалъ г. Бѣляевъ, что Веси, Меря и Муромъ тождественны съ Чудью, и что, слѣдовательно, Несторъ, перечисляя въ самомъ началѣ своей лѣтописи финскія племена: „въ Афетовѣ части сѣдять: Русь, Чюдь и вси языци, Меря, Муромъ, Веси, Морьдва“ и. т. д., хотѣлъ выразить, тѣмъ, что Меря, Муромъ и пр. только племена Чуди, что Чудь есть общее родовое названіе тѣхъ племенъ; что далѣе, при призывѣ Рюрика, наименовать одну Чудь

онъ, перечисляя народы, доставшіеся Рюрику, замѣнилъ слово Чудь видовыми понятіями: Весью, Мерей и Муромой. Но такому объясненію противорѣчатъ дальнѣйшія извѣстія того же лѣтописца о судьбѣ финскихъ племенъ и сопоставленіе ихъ племенныхъ названій. Такъ, по словамъ Нестора, когда Олегъ отправлялся для завладѣнія Києвомъ, то имѣлъ въ войскѣ своемъ: Варяговъ, Чудь, Словенъ, Мерю, Весъ и Кривичей. Тѣ же народы и иные участвовали позже въ походѣ этого князя на Цареградъ; Чудь же подъ предводительствомъ Владиміра принимала участіе въ борьбѣ его съ Рогволодомъ Полотскимъ, а потомъ часть ея вмѣстѣ съ Славянами поселена была во вновь построенныхъ городахъ. Отсюда слѣдуетъ, что Чудь, по Нестору, была народомъ отличнымъ отъ сѣверо-восточныхъ финскихъ народовъ: Мери и Веси. Такъ какъ нашъ лѣтописецъ не указываетъ положительно, который именно городъ принадлежалъ Чуди, то остается предположить, что это былъ Изборскъ, доставшійся первоначально Трувору. Если же такъ, въ такомъ случаѣ, подъ именемъ Чуди у Нестора надобно разумѣть западныхъ или сѣверозападныхъ финскія племена. „Этой Чуди, по словамъ Костомарова, надобно искать въ странѣ Изборской на западъ отъ Пскова, принадлежавшей впоследствии всегда къ Псковской землѣ и населенной Чудью; которой православные остатки существуютъ подъ именемъ полувѣрцевъ“. Славянское названіе города Изборска ясно говоритъ о смѣшеніи въ немъ и въ его округѣ чудской народности со славянскою; поэтому, какъ справедливо замѣчаетъ г. Костомаровъ, Чудь, призывавшая Варяговъ, уже управлялась Славянами. Кро-

мѣ того, была другая отрасль Чуди, обитавшая на Западѣ отъ Чудскаго озера, въ нынѣшнихъ Остзейскихъ губерніяхъ. Эта Чудь при началѣ исторіи не входила въ составъ русскихъ владѣній; она, напротивъ, относилась враждебно къ Русскимъ. По мнѣнію Костомарова, подъ Чудью, какъ подчиненною Славянамъ, такъ и самостоятельной, вездѣ въ лѣтописяхъ разумѣются Ливы и Эсты (Сѣвернор. народопр. т. 1-й). Проверимъ это мнѣніе.

Послѣ переселенія въ 988 г. Владиміромъ „лучшихъ мужей отъ Чуди“ во вновь поставленные города на югъ Россіи, о чемъ уже сказано выше, имя Чуди опять встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1030 годомъ: „семъ же лѣтъ иде Ярославъ на Чюдъ, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ“. Это было въ землѣ Уггеномъ. Въ началѣ XII вѣка Чудь является въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Новгороду и отказывается платить дань. Вслѣдствіе этого, князь Мстиславъ Владиміровичъ ходилъ на Очелу въ 1111 г., въ 1113 г. побѣдилъ Чудь на Бору; а въ 1116 году взялъ городъ Оденпе, или Медвѣжью голову, въ землѣ Уггеномъ недалеко отъ Дерпта. Въ 1130 и 1131 г. Юрьевъ, властвовавшій надъ страню попалъ въ руки Чуди; но Новгородцы возвратили его себѣ въ 1133 году. „иде Всеволодъ съ Новгородцами на Чудъ зимѣ въ говѣніе и сами исѣде, а хоромы пожже, а жены и дѣти приведе“. Въ 1176 г. вспыхнуло возстаніе: вся Чудь напала на Псковъ, т. е. возстаніе въ Уггеномѣ вызвало на борьбу съ русскими другихъ чудскихъ единоплеменцевъ, далѣе на сѣверо-западъ и западъ. Черезъ три года, князь новгородскій Мстиславъ опустошилъ чудскую землю до самаго моря, взявъ богатую добычу. Въ 1190 г.

„избиша Пльсковичи Чудь Поморьскую; приими бо бяху въ 7 шнекъ и оболочиши около порога въ озеро, и удариша на не, и не упустиша ни мужъ, а шнеки привезоша Пльскову“. Это нашествіе поморской Чуди на Псковъ было предпринято вслѣдствіе успѣшнаго возстанія въ самой чудской землѣ: Чудь снова захватила въ свои руки города Юрьевъ и Оденне. Но въ 1192 г. Новгородцы съ Псковичами завоевали ихъ обратно, разоривъ всю землю. Съ началомъ XIII столѣтія, положеніе Чуди дѣлается самымъ тяжелымъ. Прибывшіе въ южную Ливонію и завладѣвшіе ею крестоносцы, стремятся къ завладѣнію сѣверной Ливоніей вмѣстѣ съ Эстоніей. Такимъ образомъ у Чуди вмѣсто одного врага является два; съ одной стороны тѣснятъ ее крестоносцы, съ другой Русскіе. Затѣмъ начинается борьба между русскими и крестоносцами, въ которой волею-неволею принимаетъ участіе Чудь, нападая на Ижору, Воть, Корель и другихъ финскихъ племенъ, издавна принадлежавшихъ Новгородцамъ. Судя по мѣстностямъ, указаннымъ въ лѣтописяхъ, какъ во время борьбы русскихъ съ нѣмцами и Чудью, такъ и ранѣе, во время борьбы между одними русскими и Чудью по мѣстностямъ, отчасти приведеннымъ выше, можно съ полной увѣренностью принять мнѣніе Костомарова о томъ, что подъ Чудью здѣсь разумѣются только Эсты и Ливы. Но, въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ нашихъ лѣтописей Чудь смѣшивается съ Чухнами. До сихъ поръ Эсты, живущіе въ Петербургской губерніи близъ Нарвы и въ Гдовскомъ уѣздѣ при Чудскомъ и Псковскомъ озерахъ въ просторѣчій называются Чудью (по фински же Wirolainen). Подъ именемъ же Чухновъ или Маймлетовъ,

по крайней мѣрѣ въ настоящее время, извѣстны въ Петербургской губерніи народы Эвремѣйсетъ, или Ягрямя (Aygämöiset, Akrämöiset) и Савакотъ или Саволаксы (Sawakot, Sawolaiset), исповѣдующіе лютеранскую вѣру и говорящіе на языкѣ близко подходящемъ къ корельскому нарѣчію. Подъ 1481 годомъ говорится въ лѣтописяхъ, что воеводы великаго князя Іоанна, вслѣдствіе просьбы Псковичей о помощи, явились въ нѣмецкую землю „и плѣниша всю землю нѣмецкую отъ Юрьева и до Риги; а Лотыголу и Чухновъ овыхъ изсѣкоша, овыхъ пожгоша“ и. т. д. Подъ 1558 г. Чудь названа „Чюхи“. Здѣсь говорится о жителяхъ города Нейшлоса и его округа. Въ договорѣ 1595 русскихъ со шведами Эстонія названа чухонскимъ княжествомъ. Даже Карамзинъ смѣшиваетъ Чудь Эстонскую съ Чухнами.

Посмотримъ не найдемъ ли въ лѣтописяхъ еще другаго народа подъ именемъ Чуди.

Въ Софійскомъ Временникѣ (II, 376—378) сообщается извѣстіе, что въ 1534 г. владыка новгородскій, архіепископъ Макарій, увѣдомилъ великаго князя Іоанна Васильевича и сына его Іоанна Іоанновича, о томъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ „въ Вотцкой пятинѣ, въ Чуди, и въ Ижерѣ, и около Иванягорода и Ямы града и Корѣлы града (Кексгольма) и Копоріи града, и Ладоги града, и Орѣшка града (Шлиссельбурга), и по всему поморію Варяжскаго моря въ Новгородской землѣ, и по всемъ рѣкамъ поморскимъ отъ Нѣмецкаго рубежа и Ливонскаго, и отъ Неровы рѣки до Невы рѣки, и отъ Невы рѣки до Сестрин рѣки, до рубежа Свѣйскихъ Нѣмецъ, и во всей Корѣльской земли, и до Коневыхъ водъ, и за Не-

вое (Ладожское) озеро великое, и до Каленскихъ Нѣмецъ рубежа, и около Пелеейскаго езера, и до Лексы рѣки и до Лопи до Дикія и около великаго озера Неваго,, на пространства въ длину болѣе тысячи верстъ, существуютъ многія идолопоклоническія суевѣрія, и что въ Чуди, и въ Ижерѣ, и въ Корелахъ и во многихъ русскихъ мѣстностяхъ имѣются еще „скверныя мольбища идольскія“. „Суть же скверныя мольбища ихъ лѣсъ, и каменіе, и рѣки, и блатъ, и источники, и горы, и холмы, и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды и езера“ и вообще эти жители поклоняются всей твари яко Богу, и приносятъ жертву кровную бѣсамъ: волы, и овцы и всякій скотъ и птицы. Слышно было даже, что нѣкоторые втайнѣ убивали дѣтей своихъ и предавали огню образа святыхъ. Великіе князья, узнавши это, повелѣли „прелестъ ону“ искоренить; почему архіепископъ Макарій и послалъ, для истребленія кумирской прелести, инокъ Илію, который, разрушая мольбища, рубилъ и жегъ священныя лѣса, бросалъ каменья въ воду и крестилъ некрещенныхъ.

Изъ посыльной грамоты Макарія отъ того же года видно, что священникъ Ілья былъ отправленъ къ жителямъ Вотской пятины, къ Чуди погостовъ: Толдожскаго, Ижерскаго, Дудровскаго, Замонскаго, Егорскаго, Одолецкаго, Кипецкаго, Псковскаго и Зарѣцкаго. Въ этой грамотѣ сказано: „жертву на скверныя мольбища носятъ арбуевъ чюпихъ, и мертвыхъ кладутъ по курганомъ и по коломищемъ съ тѣми же арбуи.... и къ родильницамъ призываютъ ихъ, и тѣ арбуи младенцемъ имена нарекають свойски“.....

Того же самаго священника Ілью, владыка Ма-

карий посылалъ въ тѣ же мѣста и въ 1535 г., съ повелѣніемъ „въ Чюдской земли разоряти ихъ обычаи, и женамъ ихъ власовъ не постригати и ризъ яко мертвечьихъ на главахъ и на рамѣхъ не носить, и кудесы своя прокляти: таковъ бѣ обычай злый въ Чуди и въ Ижерѣ и по всей Корельской земли“.

Приемникъ Макарія, поставленный въ 1542 г., архіепископъ Феодосій, посылалъ такого же содержания грамоту въ 1542 г. съ софійскимъ соборнымъ священникомъ Никиторомъ и съ своими дѣтьми боярскими къ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ чюдской земли (къ Чуди и Ижерѣ) (Ист. Карам. Т. VII, пр. 371; Т. VIII пр. 71).

Указаніе на Вотскую пятину и на погосты хорошо опредѣляетъ намъ мѣсто и родъ поименованный здѣсь Чуди. Всѣ перечисленные выше погосты находились въ предѣлахъ нынѣшней Петербургской губерніи, въ уѣздѣ Ямбургскомъ, Царскосельскомъ и Петергофскомъ. Большая часть этихъ погостовъ до нынѣ заселена финскимъ племенемъ Водью, или Вотью, отчасти Чухнами, о которыхъ сказано выше, и Ижорой (по фински *Jngrikot*). Отъ этой Води и самая пятинѣ получила свое названіе.

У простаго народа Водь извѣстна подъ названіемъ: Чудья. А такое названіе еще болѣе подтверждаетъ предположеніе, что подъ именемъ Чуди въ данномъ случаѣ надобно разумѣть собственно Водь. Впрочемъ, въ лѣтописяхъ и грамотахъ только въ приведенныхъ случаяхъ Водь названа Чудью; а то почти всегда о ней упоминается, въ историческихъ сказаніяхъ, подъ собственнымъ именемъ: Водь, или Воть, иногда же Вожанъ. Ко-

гда въ лѣтописяхъ, рядомъ съ Чудью, какъ напр. подъ 1240 и 1420 г. упоминается Водь, то подъ первымъ народомъ слѣдуетъ поминать Эстовъ, а подъ вторымъ Чудью. Чудья сама себя называетъ Waddjalaiset, а по фински Watialaiset; отъ слова waddja или wodaja, т. е. болотистая земля. По словамъ Костомарова, Водь была подчинена Новгороду въ доисторическое время. Нѣтъ примѣра, чтобы она являлась съ элементами особности или со стремленіемъ къ независимости. Напротивъ, она усердно служила своимъ побѣдителямъ противъ своихъ соплеменниковъ: Чуди, Еми и др. (Истор. Карамз. Т. II пр. 125. Водь и Вотская пятина Кеппена Ж. М. Н. Пр. 1851 г. №№ 5 и 6. Отд. II стр. 42—67, Костомар. Сѣвернорус. народопрТ. I.)

Древняя Обонежская пятина, охватывавшая собою со всѣхъ сторонъ Онежское озеро и часть нынѣшнихъ губерній Новгородской и Архангельской, также имѣла въ предѣлахъ своихъ обитателей, которые, если не въ лѣтописяхъ, то въ церковныхъ памятникахъ носятъ названіе Чуди и подъ тѣмъ же именемъ извѣстны нынѣ народу въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ. Эту чудь ученые называютъ Обонежскою Чудью, для отличія отъ другихъ племенъ того же имени, а сама себя она называетъ Людинъ-Кели, т. е. языкъ людей. Около 20 т. Обонежской Чуди живетъ донинѣ на западной сторонѣ Онежскаго озера, а также около р. Охти, на югъ отъ Свири, и въ сѣверозападномъ углу Бѣлозерскаго у. и сохраняетъ свое природное нарѣчіе, которое, по словамъ г. Европеуса, изучавшаго его на мѣстѣ, различается отъ чистаго финскаго языка почти какъ малороссійское нарѣчіе отъ великороссійскаго. По Шегрену, языкъ

Олонецкой Чуди есть переходъ отъ южно-финляндскаго, или Ямалайсетъ, къ Корельскому; это народъ однородный съ Емью. Племя Обонежской Чуди, близкое по языку къ Корелямъ, обитающимъ въ уѣздахъ Олонецкомъ, Повѣнецкомъ и Лодейнопольскомъ, далеко превышаетъ послѣднихъ какъ превосходствомъ умственныхъ способностей, такъ строеніемъ тѣла и чертами лица.

Преданія, существующія въ народѣ о Чуди въ Вытегорскомъ, Каргопольскомъ и Пудожемскомъ у. показываютъ распространенность этого племени, въ прежнее время, на сѣверной и восточной сторонахъ Онежскаго озера. Завѣщаніе преподобнаго Лазаря, основателя Мурманскаго монастыря на берегу Онежскаго озера, въ 50 вер. отъ Пудожа и 70 отъ Вытегры, служить лучшимъ подтвержденіемъ преданія, что Чудь въ XIV вѣкѣ вмѣстѣ съ другими финскими племенами жила и на востокъ отъ теперешнихъ мѣстъ ихъ обитанія. „А живущіе тогда около озера Онего именовались Лопяне и Чудь, страшливые сыродцы, и хотиху мя убить и тѣло мое въ ядь сотворити“. Изъ житія Кирилла Челмогорскаго также видно, что тамошнія чудскія племена не знали ни законовъ общества, ни чувствованій христіанства (Пам. кн. Олон. Ст. Ком. за 1867 г. стр. 108, 111, Арх. Губ. В. 1848 г. № 50; Костам. Сѣвернор. народопр. Т I гл. Инородцы).

Вотъ еще народъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ именемъ Чуди. Въ 1256 г. „приндоша Свен (Шведы) и Емь и Сумь и Дидманъ (великій магистръ ливонскій) съ своею волостью“ къ берегамъ Нарова и заложили крѣпость. Встревоженные новгородцы пригласили великаго князя Александра.

Хотя Шведы ушли, но Александръ собралъ войска, не сказывая куда онъ поведетъ ихъ: „не вѣдяху, гдѣ князь идетъ; друзіи творяху, яко на Чудь идетъ.... И бысть золь путь, аки же не видали ни дни, но ночи, и многимъ шестникомъ бысть пагуба, а Новгородцевъ Богъ соблюде.“ Только у Копорья они узнали, что идутъ въ Финдляндію. Никоновская лѣтопись говоритъ, что Александръ ходилъ въ Шведскую землю и на Чудь, чрезъ такія мѣста, гдѣ вѣчная тьма царствуетъ. А по словамъ Воскресенскаго лѣтописца, „придоша горы непроходимыя и воева поморіе все“ (Карамз. Т. IV пр. 93). Очевидно, что тутъ Чудью названы жители Финдляндіи,— Емь или Сумь. Вѣроятно, по поводу этого именно мѣста, Бееръ въ своей Россійской Географіи говоритъ: „находятся въ древностяхъ російскихъ нѣкоторыя дѣла такъ описанныя, по которымъ довольно извѣстно, что Чудь были Финдляндцы“. (Ленех. Путев. Зап. Т. IV стр. 380.

Совершенно къ иной вѣтви финскихъ народовъ принадлежала Чудь Вятской губерніи. По свидѣтельству Хлыновскаго лѣтописца, новгородскіе выходцы, завладѣвшіе въ концѣ XIV столѣтія Вятскою землею, и основавшіе на берегахъ рѣки Вятки самостоятельную республику, отняли эти мѣста отъ первобытныхъ обитателей края: Чуди, Вотяковъ и Черемисъ, которые долго потомъ безпокоили своими набѣгами завоевателей и вступали съ ними въ бой. Память сихъ битвъ долго хранилась тамъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ: два раза въ годъ изъ села Волкова носили въ Вятку, съ образомъ Св. Георгія, желѣзные стрѣлы, которыя были оружіемъ Чуди и

Вотяковъ, и упоминали побѣду Россіянъ (Карамз. т. III стр. 24). Вятская Чудь, о которой также сохранились въ тамошнихъ мѣстахъ народныя преданія, относится, какъ заключаетъ г. Европеусъ, по оставленнымъ ею названіямъ мѣстностей, относится къ Югорской вѣтви чудскихъ племенъ.

Но этимъ еще не исчерпываются свидѣтельства лѣтописцевъ о народахъ, носившихъ названіе Чуди. Въ Сибири также извѣстна Чудь, какъ по указанію лѣтописцевъ, такъ и по народнымъ преданіямъ. Въ повѣсти о взятіи Сибири, отъ 1600 года, сказано: „на Иртышѣ, идѣ же живяста Чудь“. По словамъ Беера „въ самой Сибири и по сіе время народъ употребляющій финляндскій (т. е. финскій) языкъ именуется Чюдъ“ (Лепех. IV, 380). Какъ извѣстно, нынѣ за Уральскимъ хребтомъ, по низовьямъ рр. Оби и Иртыша, обитаютъ двѣ отрасли финско-венгерскаго племени Остяки и Вогулы, которымъ, по словамъ Кастрена, даютъ иногда общее названіе Югровъ или Угровъ. Эти то Остяки и Вогуличи и есть Чудь народныхъ преданій. Впрочемъ, здѣсь, какъ кажется, память народная нѣсколько измѣнила самой себѣ, распространивъ имя Чуди на всѣхъ жившихъ тамъ народовъ, до самаго Алтайскаго хребта.

Мы привели всѣ извѣстныя намъ указанія лѣтописей и другихъ письменныхъ памятниковъ о народахъ, носящихъ названіе Чуди, кромѣ Чуди Заволоцкой. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ лѣтописяхъ надобно разумѣть подъ именемъ Чуди, далеко не однихъ Эстовъ и Ливовъ, какъ утверждаетъ г. Костомаровъ. Къ Чуди наши лѣтописи относятъ финскіе народы двухъ различныхъ вѣтвей: чудской, или финской: Эстовъ, Ливовъ, Чухонъ или Май-

мистовъ, Водь, Обонежскую Чудь, Емь или Сумь, все что называется собственно финнами, и угорской, или финско-венгерской отрасли: племена извѣстныя подь собирательнымъ именемъ Югровъ, или Угровъ.

Прежде нежели перейдемъ къ Заволоцкой Чуди, замѣтимъ, для ясности дальнѣйшаго изложенія, что къ финской, или чудской отрасли, кромѣ собственно финновъ, причисляются Лопари, Мордва, Черемиссы, Зыряне, Пермьки и Вотьки, а къ угорской: Остяки, Вогуличи, Венгры, а также исчезнувшія: Вель, Меря и Мурыма.

Имя Заволоцкой Чуди Несторъ упоминаетъ только одинъ разъ, при перечисленіи народовъ обитающихъ въ Европейской Россіи. Далѣе у него говорится просто о Заволочьи. Такъ подь 1078 г. встрѣчаемъ у него извѣстіе, что Глѣбъ, сынъ Святослава, ходилъ въ Заволочье и убить былъ тамъ. Двинской лѣтописецъ также повторяетъ извѣстіе о Заволочьи и Заволоцкой Чуди; но заимствуя его изъ степенной книги и новгородской лѣтописи, такъ какъ самъ Двинской лѣтописецъ относится къ половинѣ XVI столѣтія.

Слово Заволочье, отъ котораго произошло названіе Заволоцкой Чуди, производятъ отъ слова волокъ. А послѣднее принимаютъ во 1-хъ, въ смыслѣ пространства между судоходными рѣками, черезъ которое перевозили или перетаскивали суда; во 2-хъ, въ значеніи мѣста лѣсного, закрытаго, заволоченного. Многіе предполагаютъ, что Двинская Земля названа Заволочьемъ въ первомъ смыслѣ, т. е. что подь волокомъ разумѣлось пространство между рр. Двиною и Онегою. (Карам. Т II, пр. 64). Но, такое толкованіе врядъ ли приложимо къ данному

случаю... Пространство между рр. Онегою и Двиною, а также ихъ главными, способными къ судоходству, притоками, столь велико и тоноко, что врядъ ли когда либо и кто либо перетянулъ черезъ него хотя одно судно. Переволакиваютъ суда обыкновенно черезъ очень узкія волокы, или перемычки, когда притоки двухъ большихъ рѣкъ почти сходятся между собою. Гораздо правдоподобнѣе второе производство. До сихъ поръ слово волокъ во всеобщемъ употребленіи у Двинскихъ жителей, именно въ значеніи дороги, идущей лѣснымъ мѣстомъ, на нѣсколько верстъ, на которой не встрѣчается никакого жилья, селеній. По всей вѣроятности, въ древности, между теперешней средней частью Архангельской губерніи и болѣе отдаленнымъ пространствомъ къ югу, лежала слабо-населенная, лѣсистая и болотистая полоса земли съ именемъ волока.

Обращаемся къ свидѣтельству другихъ письменныхъ памятниковъ на счетъ Заволоцкой Чуди.

Игуменъ Соловецкаго монастыря Досифей, ученикъ преподобнаго Зосимы, жившій въ концѣ XV вѣка въ предисловіи къ житію св. Зосимы и Саватія перечисляетъ окружающихъ обитателей Соловецкаго монастыря и находитъ ихъ „пяти родовъ и болѣе“; Ижера, Чудь, Лопь, Каяне, Мурмане и мнози мнози языцы“. (Опис. Солов. мон. 1853 г. Ч. 1 и 2 стр. 36).

Жительство Чуди въ нынѣшнемъ Шенкурскомъ уѣздѣ подтверждается указаніями письменныхъ памятниковъ отъ начала XIV до послѣднихъ годовъ XVI ст. Новгородскій посадникъ Василій Своеземцевъ въ 1315 г. купилъ у чудскихъ старостъ: Азика, Харагинца, Ровды и Игнатца земли „щен-

курскаго погоста до ростовскихъ межъ до Вайму-
ги вверхъ, до Яно-озера, а отъ Яно-озера прямо
въ Пѣзу“. По нынѣ противъ самаго Шенкурска
имѣется деревня Харгала; далѣе въ 50 верстахъ
есть приходъ Ровдинскій и еще далѣе станція Иг-
натовская. По всей вѣроятности, эти названія ука-
зываютъ на мѣста, гдѣ жили Хараганецъ, Ровдо и
Игнацъ (Арх. Губ. Вѣд. 1860 г. № 45).

Въ раздѣльномъ актѣ между Новгородцами Ва-
силіемъ Ѳеодоровичемъ съ племянникомъ своимъ
Василіемъ Стефановичемъ Своеземцевыми 1436 г.
упоминается **Блазні**, т. е, какъ объясняютъ, не-
крещеная Чудь: „а на погостѣ у св. Спаса а то
имъ въ общѣ, а въ Райболѣ у св. Борисоглѣба, а
то имъ въ общѣ, на погостѣ, а пожня Горочкая
на Быстрой, а то имъ по половинамъ, и болото
Машково и колѣна рогу, а то имъ по половинамъ,
а озера и рѣки за волокомъ, а то имъ въ общѣ;
а тѣхъ мѣстъ и сель, гдѣ **Блазнь** живе, а
тѣхъ села по половинамъ. (Архан. Губ. Вѣд.
1846 г. № 44).

Въ 1596 г. владѣлецъ Воспи, Борисъ Годуновъ
поручилъ Герасиму Едомскому, сыну Ивана Ва-
сильевича Своеземцева, вмѣстѣ съ **Чюдиномъ**
Шурухинымъ разборъ тяжбы между игуменомъ
Богословскаго Валаамскаго монастыря и химаневскими
крестьянами о присадномъ островѣ (Арх. Губ. В.
1846 г. № 43). На лѣвой сторонѣ р. Леди до сихъ
поръ сохранилось названіе деревни: Шурухина,
иначе Семчуковская.

Хотя приведенныя указанія слишкомъ скудны
для того, чтобы по нимъ можно было составить
себѣ опредѣленное понятіе о Заволоцкой Чудѣ, и
уже нисколько недостаточны для разрѣшенія во-

проса къ какому именно финскому поколѣнію принадлежала эта Чудь, но все же представляютъ нѣсколько интересныхъ данныхъ объ этомъ народѣ. Они даютъ намъ факты существованія Чуди въ сѣверныхъ и южныхъ частяхъ Двинской Земли, въ первой, въ концѣ XV в., а въ послѣдней, въ концѣ XVI; факты нѣкоторой независимости Чуди и управленія собственными старшинами, владѣнія землею на правахъ собственности въ началѣ XIV вѣка, факты перехода этой собственности не только истребленіемъ ея владѣльцевъ, но и мирнымъ путемъ, путемъ добровольной уступки земель за деньги, факты существованія язычества у Чуди до XV в., перехода въ этомъ столѣтіи Чуди въ крѣпостное или, лучше сказать, въ половническое положеніе, по отношенію къ новгородскимъ боярамъ; ибо послѣдніе владѣютъ уже, какъ собственностью, землею, на которой жила Чудь; факты существованія до конца XVI ст. знатныхъ Чудиновъ, пользовавшихся довѣріемъ высшихъ лицъ и, по всей вѣроятности, удержавшихъ еще за собою помѣщичье право. Эти указанія подтверждаютъ собою народное преданіе, которое приписываетъ происхожденіе многихъ поселеній здѣшней мѣстности Чудинцамъ, которые владѣли этими поселеніями и оставили имъ свои имена, какъ это объяснено было въ отдѣлѣ преданій. Наконецъ все это даетъ возможность опредѣлить время окончательнаго исчезновенія Чуди, какъ отдѣльной народности. Въ прошломъ столѣтіи уже не существовало здѣсь Чуди съ самобытнымъ нарѣчіемъ, какъ видно изъ путешествія академика Лепехина и снидѣтельства туземца М. В. Ломоносова: „древность тамошней Чуди, говоритъ послѣдній, доказываютъ и пы-о и

нѣ живущіе по Двинѣ чудскаго рода остатки, которые чрезъ сообщеніе съ новгородцами природной свой языкъ позабыли“ (Лепех. IV, 384). Съ другой стороны, мы знаемъ, что Чудь жила еще до самыхъ послѣднихъ годовъ XVI ст. Слѣдовательно, XVII вѣкъ, есть вѣкъ утраты самаго существеннаго элемента чудской національности—языка.

И это будетъ весьма правдоподобно также въ такомъ случаѣ, если мы назначимъ XVI вѣкъ, для окончательнаго уничтоженія язычества между Чудью. Изъ житія св. Варлаама Важскаго, соорудившаго на Вагѣ въ 1431 г. Богословскій Важскій монастырь и воздвигнувшего много церквей по окрестнымъ погостамъ, можно убѣдиться, что побудительной причиной къ сооруженію церквей для него было желаніе обращенія языческой Чуди въ христіанство: Зане убо яже оная Заволочиѣющія страны, древно вселствовавшіися человекы, въ томъ времени малу оваренность имѣюща еще благоразумія просвѣщеніемъ, яже немалѣйшаго еще бяху сущу частію вседично чудскія.... житіяслѣдогоняху“. Даже въ 1471 г., въ южной части нынѣшняго Пинежскаго уѣзда, по р. Сурѣ, жили язычники. Въ грамотѣ Новгородскаго посадника, отъ того года, Сура названа Поганою. Что тамъ долго задерживалось язычество, долѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, доводъ для этого можно найти въ крайнемъ невѣжествѣ, избыткѣ суевѣрій у жителей той мѣстности, въ сравненіи съ обитателями другихъ частей губерніи, населенныхъ русскими. До сихъ поръ за тамошними жителями осталось прозвище: Сура-дура. И такъ, по нашему мнѣнію, не ранѣе, какъ въ XVI вѣкѣ исчезло язы-

чество между Чудью, а въ XVII пересталъ существовать ея языкъ.

Если бы для разрѣшенія вопроса на счетъ национальности Заволоцкой Чуди пришлось опираться на одни историческія свидѣтельства, то мы сказали бы, что Заволоцкая Чудь, по крайней мѣрѣ въ южной части Придвинскаго края—это Югры. Правда, прямого указанія на тождество той и другой нѣтъ въ письменныхъ памятникахъ; но къ этому легко прійти посредствомъ сближенія письменныхъ источниковъ. Изъ юридическихъ актовъ извѣстно, что въ XV ст., въ нынѣшнемъ Шенкурскомъ уѣздѣ, по р. Вагѣ и близь нея жила Чудь. Въ томъ же мѣстѣ черезъ десять лѣтъ являются Югорцы съ враждебными нападеніями на посадника Своеземцева. Значить, Югра обитала здѣсь гдѣ-то недалеко. А отсюда вывели бы такое заключеніе, въ видѣ предположенія, что Югра и Чудь одинъ народъ. Но безъ болѣе прочныхъ данныхъ, выработанныхъ филологическими изслѣдованіями финскихъ ученыхъ, это предположеніе осталось бы недоказаннымъ.

Лучшіе финнологи, Шегренъ и Кастренъ, думали видѣть въ Заволоцкой Чуди предковъ той Чуди, которая нынѣ называется Обонежскою и стоитъ въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ Емью. Такимъ образомъ, говорятъ они, Заволоцкая Чудь представляла близкое сходство съ Емью, только языкъ ея удерживаетъ древнѣйшія формы. Слѣдовательно, Емь, прежде чѣмъ пришла въ южную Финляндію, обитала нѣкогда на сѣверо-востокѣ, оставивъ слѣды своего существованія въ видѣ Обонежской Чуди, а Заволоцкая Чудь осталась на прежнемъ жительствѣ. Такого же мнѣнія держался и Д. П.

Европеусъ до позднѣйшаго времени т. е. до временъ подробнаго изслѣдованія названій мѣстностей. „Около Холмогоръ, писалъ этотъ ученый, въ прошломъ году, въ статьѣ Ж-ла М. Н. Пр“. „Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ Средней и Сѣверной Россіи до-прибытія Славянъ“, жила нѣкогда Чудь, а послѣдняя встрѣчается еще въ настоящее время въ немаломъ числѣ и съ особымъ финскимъ нарѣчіемъ по западному и южному берегамъ Онежскаго озера. Въ уѣздѣ Тихвинскомъ и въ западной части Бѣлозерскаго Чудь называется и Чухарями. Даже по Пинежѣ встрѣчаются деревни, носящія названіе „Чухарская“. (стр. 59). И въ письмѣ ко мнѣ изъ Гельсингфорса, . отъ 21 марта 1867 г.: „по чудскимъ названіямъ мѣстностей, въ уѣздахъ Архангельскомъ, Пинежскомъ и Шенкурскомъ ясно видно, что жившая тамъ Чудь говорила тѣмъ же нарѣчіемъ, какъ Обонежская Чудь и теперь еще говоритъ. Нарѣчіе этой Чуди я самъ знаю, потому что путешествовалъ у ней лѣтъ 18 и 20 тому назадъ. Но явно видно, что прежде Финновъ, т. е. Корель и Чуди по всей Сѣверной Россіи жили Остяки или, такъ называемая въ старину, Югра“.

Письмомъ отъ 26 августа прошлаго года изъ г. Бѣлозерска Г. Европеусъ сообщалъ мнѣ: «теперь я думаю, что Чудь Архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ большая часть ея, не одноплеменна съ Обонежскою Чудью, но съ Югорскою, которая жила около Юга рѣки. Финны Біарміи въ такомъ случаѣ были только Кореляки, и финскія названія около Двины и Пинеги, слѣдовательно тоже корельскія“.... Можно полагать, что нарѣчіе Югорской Чуди въ Архангельской губерніи имѣло необыкновенное множество финскихъ словъ, перешед-

шихъ туда отъ долговременнаго сообщенія Югры того края съ финнами. Только дальнѣйшими изслѣдованіями можно разрѣшить эти вопросы.

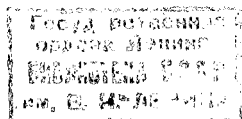
Нынѣ, послѣ ближайшаго ознакомленія съ подробными источниками, г. Европеусомъ сдѣланы болѣе прочные выводы. „Списки названій мѣстностей Архангельской губерніи, составляемые Статистическимъ Комитетомъ и неизданная карта губерніи г. Монакова открыли мнѣ, какъ выражается этотъ изслѣдователь въ письмѣ изъ С.-Петербурга отъ 11 мая сего года, почти совершенно новые виды относительно народовъ, населявшихъ въ до-русскія времена крайній сѣверъ. На основаніи вашихъ картъ и списковъ названій, я теперь могу твердо сказать, что отъ Онеги рѣки къ востоку, въ Архангельской губерніи встарину никакъ немогло быть никакого населенія обонезско-чудскаго или другаго рода собственно финскаго происхожденія, а чисто югорское, т. е. предки нынѣшнихъ Остяковъ, Вогуличей и Венгровъ, только кромѣ, какъ кажется, небольшой корельской колоніи около устья р. Двины, состоявшей изъ нѣсколькихъ деревень. Даже при р. Онегѣ, Кореляки жили только отдѣльными колоніями“. И такъ, по новѣйшимъ и обстоятельнѣйшимъ изысканіямъ, Заволоцкая Чудь никто иной, какъ Югра.

Заручившись этимъ выводомъ, мы, прежде нежели перейдемъ къ подробному изложенію фактовъ, добытыхъ г. Европеусомъ на счетъ Югры, изъ изслѣдованія названій мѣстностей нашего края, представимъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній объ этомъ и другихъ народахъ, населявшихъ древнюю Біармію, или, точнѣе, сѣверную окраину ея.

Первыя историческія извѣстія нашихъ лѣтописцевъ объ обитателяхъ и странахъ крайняго сѣвера начинаются съ перечисленія извѣстныхъ имъ финскихъ племенъ. Мы уже раньше говорили, что изъ числа финскихъ народовъ упоминаемыхъ Несторомъ, можно считать за обитателей сѣверной окраины Россіи одно или нѣсколько племенъ Чуди, т. е. собственно финновъ, Заволоцкую Чудь, Пермь, Печору и Угру. Изъ нихъ Чудь, Пермь и Печора причисляются Несторомъ къ народамъ, платившимъ дань Руси въ отдаленныя времена.

За тѣмъ лѣтописцы передаютъ рядъ извѣстій о походахъ Новгородцевъ съ цѣлью собранія дани съ туземцевъ и проч. Такъ въ Никоновской лѣтописи подъ 1032 г. говорится: „того же лѣта Улебъ иде на Желѣзнаа Врата изъ Новгорода, и вспать мало ихъ возвратишася, но мнози тамо погибоша.“ У Нестора подъ 1078 г. сказано: „въ се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочіи“.

Подъ 1096 г. Несторъ записалъ интересный рассказъ Новгородца Георгія Роговича о сѣверныхъ странахъ: „се же хоцю сказати, яже слыпахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичъ Новгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди яже суть дань дающе Новугороду; и пришедши отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полуночныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: „дивьно мы находихомъ чудо, его же нѣсми слышали прежде сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти, суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота аки до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ ве-

ликъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть неразумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли сѣкиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подалъ на полунощи. Мнѣ же рекшю къ Гурятѣ: си суть людье заклепеніи Александромъ Македоньскимъ царемъ“.

Въ Кіевской лѣтописи передается другой рассказъ о разныхъ чудесныхъ явленіяхъ, представлявшихся очевидцамъ „за Югрой и за Самоѣдью“.

„Пришедшю ми въ Ладогу, говоритъ лѣтописецъ подъ 1114 годомъ, повѣдаша ми Ладогожане, яко се здѣ, егда будетъ туча велика, берутъ дѣти наши глазки стѣкланна и малы и великы, повертанные, а другыя подлѣ Влѣхвъ берутъ, еже выдолоскиваетъ вода, отъ нихъ же взя болѣ ста; суть же различъ (различныя). Сему же ми ся дивящу, рекоша: се не дивно; и еще у насъ мужи стары, иже суть ходили за Югру и за Самоѣдь, яко видѣвши сами на полуночныхъ странахъ, спаде туча велика, и въ той тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожденна, и възрастыши и расходятся по земли; и пакы бываетъ вторая туча, и спадаютъ оленицы мали въ ней, и възрастають, и расходятся по земли. Сему же ми есть послухъ Павелъ Посадникъ Ладожскый и вси Ладожане. (Карамз. т. II пр. 238).

Черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ передачи лѣтописцемъ этого рассказа, т. е. въ 1132 г. сообщается извѣстіе, что Новгородцы „даша дани Печерскыя“ князю Изяславу, для вел. князя Ярополка

Владиміровича (Кар. т. II, стр. 107 и пр. 260).

Изъ устава Святослава Ольговича 1138 г. мы узнаемъ, что въ то время въ странѣ обитаемой Заволоцкою Чудью было уже распространено христіанство и многіе погосты платили опредѣленную дань въ пользу Новгородскаго владыки.... „А здѣ въ Новѣгородѣ что есть десятина, обрѣтохъ уряжено преже мене бывшими Князи, толико отъ вирь и продажъ десятины, зрѣлъ, оляко даній въ руцѣ Княжи и въ клѣтъ его. Нужа же бѣше Пискупу, нужда же Князю въ томъ въ десятой части Божіи. Того дѣля устави́лъ есмь св. Софьи, ать емлетъ Пискупъ за десятину отъ вирь и продажъ 100 гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаетъ Домажиричъ изъ Онѣга; аче не будетъ полна ста у Домажирича, а осмьдесятъ выдать, а дополнокъ взметъ 20 гривенъ у Князя изъ клѣти. Урядилъ есмь азъ св. Софьи и написалъ Никола Князь Новогородьскый Святославъ: въ Онѣгѣ, на Волдутовѣ погостѣ, два сорочка, на Тудоровѣ погостѣ 2 сорочка, на Иванни погостѣ съ даромъ (т. е. вмѣстѣ съ даромъ) 3 сорочки, на Рагулѣ 3, на Спирковѣ 2, у Вихтуя сорочекъ, въ Пинезѣ 3, въ Кегрелѣ 3, усть Емцѣ 2, усть Вагѣ 2, у Пуйте сорочекъ, у Чюдина полсорочька, у Лигуя съ даромъ 2, у Вавдиша съ даромъ 2, у Вели 2, у Вѣкшензѣ 2, на Борку сорочекъ, въ Отминѣ сорочекъ, въ Тоймѣ сорочекъ, у Помѣ полсорочька, у Тошымѣ сорочекъ, у Пенича сорочекъ, у Порогопустецъ полсорочка, у Валдита 2 сорочка. на Волоцѣ въ Моши два, у Еми скоро, а на мори отъ чрена и отъ салгы по пузу, у Тоздора сорочекъ“ (Кар. т. II пр. 267).

При Мстиславѣ Давидовичѣ, 1184 г. были отправлены изъ Новгорода данщики за мѣхами и пр.

въ Заволочье, Печеру и Югру; но всѣ они были избиты туземцами: югорскіе даже не дошли до Югры и положили головы на Печерѣ (Костом. сѣвер. народопр. т. I-й).

Новгородцы, желая отмстить народу Югорскому за убіеніе ихъ собирателей дани, говоритъ Карамзинъ, послали въ 1193 г. туда воеводу съ дружиною довольно многочисленною (Карамз. т. III стр. 54). „Того же лѣта идоша изъ Новгорода въ Югру ратью съ воеводою Ядрѣйкомъ, и приидоша въ Югру и взяша градъ; и приидоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ. И стояша подъ градомъ 5 недѣль, и всылахуть къ нимъ съ рѣчію льстивою, глаголюще тако, „яко копимъ серебро и соболи и иная узорочія, а не губите своихъ смердовъ и своей дани“, и льстячи имъ, а вои свои копячи; и яко скопиша вои, и выслашася изъ града къ воеводѣ: „пойди въ градъ, поими съ собою 12 мужъ“. И иде въ градъ, поилѣ съ собою пона Иванка Легена и инѣхъ болшихъ, и несѣкоша я въ канунъ святыхъ Варвары; и выслаша паки, и пояша ихъ 30 мужъ лучышихъ, и тѣ всѣ иссѣкоша, и потомъ 50. И потомъ рече Савка князю Югорьскому: „оже и еще, княже, не убіеши Яковца Прошкинича, а жива пустиши въ Новгородъ, ино ти, княже, опять вои приведетъ сѣмо и землю твою пусту сътворитъ“. И призвавъ же князь Яковца, и повелѣ убити; и рече Яковъ Савкѣ: „судитъ ти, брате, Богъ и святая Софія, оже еси подумалъ на кровь братіи своей, и станеша съ нами предъ Богомъ и отвѣщаеши за кровь нашу;“ и то рѣкшу убіенъ бысть, той бо Савица перевѣтъ деръжааше отай съ княземъ Югорьскимъ. И потомъ яко изнемогша гладомъ, стояли бо бяху 6 недѣль слушающе

льсти ихъ, и на праздникъ святаго Николы 6) декабря) выльзъше изъ града иссѣкоша вся, и бѣ тута и бѣда останку живыхъ, бѣ бо осталось 80 мужъ; и не баше вѣсти чрезъ всю зиму въ Новѣгородъ на нихъ, ни на живыхъ ни на мертвыхъ, и печаловахутся въ Новѣгородѣ князь, и владыка и весь Новѣгородъ (Полн. собр. рус. лѣт. т. V-й соф. перев. лѣт. стр. 169). Остатокъ дружины возвратился въ Новгородъ чрезъ 8 мѣсяцевъ.

Какимъ образомъ были усмирены непокорные туземцы послѣ этого поступка, изъ лѣтописей не извѣстно.

Изъ договора Новгородцевъ съ вел. кн. Ярославомъ 1264 г. видно, что на сѣверѣ въ то время были слѣдующія „волости Новгородскыя“, которыхъ Новгородцы „держали своими мужи“, т. е. управляли своими чиновниками, и съ которыхъ давали даръ князю: Заволоцье, Коло, Терь, Перемь, Печера и Югра (Кар. т. IV пр. 114).

Въ 1324 г. Новгородцы принуждены были управляться съ Устюжанами, грабившими ихъ купцовъ на пути въ Югорскую землю. (Кар. т. IV, 123 стр.).

Черезъ пять лѣтъ случилось подобное же: устюжскіе князья убили новгородскихъ купцовъ и промышленниковъ, шедшихъ въ Югру; и Новгородцы снова были поставлены въ необходимость усмирять Устюжанъ. (Т. IV, стр. 136).

Въ 1357 г. Новгородецъ Сампсонъ Ковановъ убить съ дружиною въ Югорской землѣ. (Т. IV пр. 390).

Подъ 1364 г. въ Ростовской лѣтописи передается: „той же зимы съ Югры Новгородцы прѣхаша. Дѣти боярскіе и люди молоды воеводы Александръ Обакуновичъ воеваша по Оби рѣкѣ и до

моря, а другая половина на верхъ Оби и Двиняне стааха противу ихъ полкомъ, и избиша Двинянь на Кучрѣа“. Въ Троицкой лѣтописи это событіе передается иначе: „того жъ лѣта поидоша Новгородци изъ Югры, а Двиняне взяша Нукурью“. (Кар. Т. V пр. 8). По инымъ источникамъ, въ 1364 г. молодые люди новгородскіе, съ многими дѣтьми боярскими и воеводами Александромъ Аввакумовичемъ и Степаномъ Ляпою, воевали отъ Югры по р. Оби до моря, другая же половина рати завоевала верховье Оби. (Арх. губ. вѣд. 1869 г. № 57).

По словамъ Карамзина, народъ югорскій, угнетаемый Новгородцами, въ 1445 г. объявилъ себя независимымъ. Воеводы Двинскіе Василій Шенкурскій и Михайло Яковлевъ пришли къ нимъ съ 3 тыс. воиновъ. Жители употребили хитрость. „Дайте намъ время собрать дань, говорили они: сдѣлавъ расчетъ между собою, мы покажемъ вамъ урочища и станы,“ но, усыпивъ Новгородцевъ обѣщаніями и ласками, побили ихъ на голову. Новгородцы оружіемъ усмирили сихъ бунтующихъ данниновъ. (Т. V стр. 175). Никоновская лѣтопись это событіе передаетъ такъ: „Того жъ лѣта воеводы Новгородскіи поидоша ратью на Югру, и поймавше Югрскихъ людей много, и женъ и дѣтей, и расплошишася.... Югреци же удариша на острогъ на Васильевъ, и много добрыхъ людей и дѣтей боярскихъ изеѣкоша 80, а Василій съ сыномъ убѣжа, а иніи разбѣгошася по лѣсу; а другой воевода Михайло Яковль былъ въ иной рѣцѣ, и егда пріѣхъа къ Васильеву острогу, и видѣ острогъ разоренъ, а люди побиты, и нача искати своихъ по рѣцѣ, и скопишася къ нему Василій съ сыномъ и иніи, и пріѣхаша въ свою землю.“ (Кар. т. V

пр. 319). По инымъ свѣдѣніямъ, въ 1446 г. въ концѣ лѣта Югорцы подѣ предводительствомъ Юрада напали на городокъ посадника Василія Своеземцова на Вагѣ, разрушили его и едва самага не убили, такъ что онъ нѣсколько дней принужденъ былъ скрываться въ кустарникѣ на берегу Ваги, вмѣстѣ со своимъ сыномъ. На этомъ самомъ мѣстѣ основанъ имѣ Важескій Богословскій монастырь; въ которомъ въ 1456 г. самъ посадникъ вступилъ въ монашество подѣ именемъ Варлаама. (Арх. губ. вѣд. 1869 г. № 49).

Послѣ этого, въ томъ же XV столѣтіи, лѣтописи повѣствуютъ еще о трехъ походахъ, предпринимавшихся противъ Югры, при вел. кн. Іоаннѣ III.

Устюжанинъ Василій Скрыба съ толпою вольницы ходилъ въ 1465 г. за Уральскія горы, воевать Югру, и послѣ счастливаго нападенія на югорскую землю, взялъ множество жителей въ плѣнъ, въ томъ числѣ двухъ тамошнихъ князей: Колпака и Течика, которыхъ привелъ въ Москву. Іоаннъ, взявъ съ плѣнныхъ князей присягу въ вѣрности, отпустилъ въ отечество; при этомъ онъ обложилъ Югру данью и милостиво наградилъ Скрыбу.

Еще важнѣе по своимъ послѣдствіямъ былъ походъ, предпринятый, по распоряженію Іоанна въ 1483 г. воеводами княземъ Курбскимъ — Чернымъ и Салтыкъ-Травинымъ на Вогуличей Югру. Влѣзъ устья р. Пелыни, разбивъ князя Вогульскаго, Юмшана, воеводы московскіе шли внизъ по р. Тавдѣ мимо Тюменя въ Сибирскую землю, а отъ Сибири по Иртышу до Великой Оби въ землю Югорскую, плѣнили ея князя Молдана, и съ бѣ тою добычею возвратились чрезъ пять мѣсяцевъ въ Устюгъ. Вслѣдствіе этой побѣды, какъ сказано въ Сино-

дальной лѣтописи: „того же лѣта (1484) приходили къ Великому князю отъ Вогульского кн. Юмшана, Асыкина сына, бити челомъ о опасѣ шурину его Вогулятинъ Юрга, да сотникъ его вогулятинъ Анеимъ, а печаловался о немъ владыка Филоеѣй Пермскій, и кн. вел. опасъ далъ, и послалъ Владыка съ Вел. Князя опасомъ къ Юмшану слугу своего Леваша. Того же лѣта приходилъ къ Вел. Князю бити челомъ Вогулятинъ Князь Пыткой (въ Архангельской лѣтоп. Пыткой названъ кн. Югорскимъ) съ поминки съ великими отъ князей Кодскихъ, отъ Лабы да отъ Чангила, и отъ всея земле Кодскіе и Югорскіе, да били челомъ о полоненныхъ князехъ, о Молданъ съ товарищи, и Кн. Вел. отпустилъ ихъ во свою землю, да и Пыткея печалованіемъ Владыки Филоея, да Володимера Григорьевича Ховрина. Тое же зимы генв. 4 (1485 г.) князи Кодскіе Молданъ съ дѣтми, да Пынзей, да Сонта, да Пыткой имали миръ подъ Владычнимъ городомъ Устьвымскимъ за вси свои земли съ князми Вымскими, съ Петромъ да съ Оедоромъ, да съ Вычегодскимъ сотникомъ, Алексѣемъ Казакомъ, да съ Владычнимъ слугою съ Левашомъ, на томъ, что имъ лиха не смыслити, ни силы не чинити надъ Пермскими людьми, а Вел. Князю правитись во всемъ; а крѣпость ихъ, съ золота воду пили, и пойдона въ свою землю.... Августа 18 прииде ко Владыцѣ Филоею на усть Выми по опасу Вогульскій кн. Юмшанъ, а съ нимъ Вогуличи, тестъ его Калба да Ломотко. Сентября въ 1 поиде съ ними Филоеѣй къ Вел. Князю“. Милостиво обласканный Вел. Княземъ, Юмшанъ началъ платить ему дань, бывъ дотолъ, равно какъ и отецъ его, Асыка, ужасомъ Пермской

области. (Кар. т. VI, стр. 177 пр. 461).

Послѣдній походъ въ эти отдаленныя земли совершился уже въ 1499 г. подъ предводительствомъ воеводъ кн. Ушатаго, Курбскаго и Заболоцкаго. Воевода кн. Ушатый, съ боярскими дѣтьми Вологжанями, отправился изъ Вологды, внизъ по Двинѣ въ Пинегу, а потомъ вверхъ по этой рѣкѣ до *Шинковскаю волоку* (т. е. до Пинежскокулойскаго волока). Здѣсь войска соединились съ Двинянами и съ Важанами и пошли рѣкою Колодою (конечно Кулоемъ) 150 верстъ. Потомъ, оленьимъ бродомъ войска достигли р. Мезени, которою вошли въ р. Пезу, а этою рѣкой въ р. Пѣскую (не Пѣшую ли?), далѣе волокомъ (15—20 вер.), двумя озерами и р. р. Рубихою (Рочуга?), Чиркою, Цильмою въ р. Печеру до города Усташа. На Печерѣ дождались воеводъ Курбскаго да Заболоцкаго-Бражника, срубили укрѣпленный городокъ, Пустозерской острогъ и 21 ноября отправились на лыжахъ къ Каменному Поясу. Сражаясь съ усиленіемъ вѣтровъ, и засыпаемые снѣгомъ, странствующие полки великокняжскіе съ неописаннымъ трудомъ восходили на Камень, котораго, пословамъ сказанія, „въ оболокахъ не видить; коли вѣтрено, ино оболока; роздираетъ а длина его отъ моря до моря“. Кн. Курбскій рассказывалъ потомъ Герберштейну, что онъ 17 дней взбирался на горы и никакъ не могъ перейти черезъ ихъ вершину, именуемую *столпомъ*; ему удалось перебраться щелью. При проходѣ черезъ горы, русскія войска встрѣтили толпу мирныхъ Самоѣдовъ, убили 50 человѣкъ и взяли 200 оленей; наконецъ спустились въ равнины и достигли городка Ляпина (нынѣ Вогульское селеніе въ Березовскомъ у.). За Ляпинымъ съѣхались къ нимъ

владѣтели югорскіе, земли Обдорской, предлагая мѣръ и вѣчное подданство государю московскому. Каждый изъ сихъ князьковъ сидѣлъ на длинныхъ саяхъ, запряженныхъ оленями. Воеводы Іоанна также ѣхали на оленяхъ, а воины на собакахъ, держа въ рукахъ огонь и мечъ для истребленія бѣдныхъ жителей. Курбскій и Ушатовъ взяли 32 города, т. е. мѣстъ укрѣпленныхъ острогомъ, Заболотскій 8 городовъ, болѣе тысячи плѣнниковъ и 50 князей; обязали всѣхъ жителей клятвою вѣрности, и благополучно возвратились въ Москву въ 1560 году. (Кар. т. VI стр. 176—178 пр. 462—464 Арх. губ. вѣд. 1869 г. № 57).

Съ этого времени московскіе государи всегда именовались князьями Югорскими, а въ Европѣ разнесся слухъ, что русскіе завоевали древнее отечество Угровъ, или Венгерцевъ; сами русскіе хвалились тѣмъ, основываясь на сходствѣ именъ и на вреданіи, что единоплеменникъ славнаго Атиллы, венгерскій воевода Альмъ, вышелъ изъ глубины сѣверной Азіи, или Скифіи, гдѣ много соболей и драгоценныхъ металловъ, Югорія же издревле доставляла серебро и соболей Новугороду. (Кар. т. VI стр. 178).

Сподвижники этого труднаго похода принесли множество рассказовъ о разныхъ диковинкахъ, видѣнныхъ ими въ пройденныхъ странахъ. Между прочимъ, они рассказывали также, что югорцы засыпаютъ мертвымъ сномъ съ Юрьева осенняго дня и спятъ до Юрьева дня весенняго. Готовясь спать, югорцы кладутъ на извѣстныя мѣста товары; во время ихъ сна приходятъ гупцы изъ земли Грустинцевъ и Серпентовцевъ, берутъ товары, а на мѣсто ихъ кладутъ свои. Если проснувшаяся Югра

была недовольна мѣной, то это причиняло споры и войны между сими народами. (Костомар. сѣверно-рус. пародопр. т. 1).

Имя Югорцевъ, или Югричей упоминается еще въ письменныхъ памятникахъ XVI ст. на ряду съ именами Вогуличей, Остяковъ и Самоѣдовъ. Такъ въ царской грамотѣ 1573 г. сказано, что киргизскій ханъ Кучюмъ, завладѣвшій Сибирью, запрещалъ подъ страхомъ смертной казни Остякамъ, Югорцамъ и Вогуличамъ платить древнюю дань Россіи. Въ жалованной грамотѣ 1574 г. Іоанна IV Строгановымъ говорится: „А кои Остяки, и Вогуличи, и Югричи отъ Сибирского (т. е. отъ Сибирскаго царя Кучюма) отстанутъ, а почнутъ намъ дань давати, и тѣхъ людей посылати къ нашей казнѣ самихъ.... А на Сибирское збирая охочихъ людей, и Остяковъ и Вогуличъ, и Югричъ и Самоѣдъ, съ своими казаки посылати воевати. (Кар. т. IX пр. 659, 661).

— Названіе страны Угра было употребительно у насъ еще въ концѣ XVI в. Когда германскій императоръ въ 1595 г. спрашивалъ русскихъ послѣвъ, доставившихъ ему дорогіе подарки отъ царя Федора Іоанновича: мѣха соболей, лиснцъ, бобровъ и пр., гдѣ водятся животныя, доставляющія эти мѣха, то послы отвѣчали: въ русскомъ государствѣ, въ Кондѣ и въ Печерѣ, и въ *Ugrь* и въ Сибирскомъ царствѣ близко Оби. (Тамъ же т. X пр. 310).

Что же даютъ намъ приведенныя историческія извѣстія о странахъ и народахъ крайняго сѣвера Россіи? Они прежде всего представляютъ данныя для географическаго распредѣленія странъ на сѣверѣ, извѣстныхъ русскимъ пришельцамъ. Въ цен-

трѣ здѣшняго края лежало Заволочье, середина котораго приходилась между рр. Двиной и Онегой, а конечные предѣлы простирались далѣе за эти рѣки. На сѣверо-западъ отъ Заволочья простиралась Терь, или Трь (Терскій берегъ) и Коло (Мурманскій берегъ), на сѣверо-востокъ: Пермь, Печера, Югра и Самоѣдь.

Югра, какъ видно изъ рассказовъ Юрія Роговича и Ладожанъ, съ одной стороны граничила съ народомъ Печерой, который жилъ по рѣкѣ того же имени, съ другой стороны доходила до Уральскихъ горъ; однимъ словомъ, занимала весь нынѣшній Запечерскій край. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что горы, лежавшiя за Югрой и лукой морской были Уральскiя, которыя возвышались до небесъ и раздирали своими вершинами облака и путь къ которымъ, по причинѣ снѣговъ, пропастей и лѣса, былъ непроходимъ. Только бѣлки и олени перебирались свободно чрезъ высокiе хребты горъ и казалось будто спали съ небесъ. Лукой морской, т. е. по выраженiю Карамзина, „морскимъ излучистымъ берегомъ, имѣющимъ видъ лука или дуги“ могла быть Хайпутырская губа, оканчивающаяся Югорскимъ шаромъ.

Впослѣдствiи времени, имя Югры распространено было на страну и народы, находившiеся по ту сторону Уральского хребта: русскiе, переидувшiе за Уралъ, ознакомились съ новымъ невѣдомымъ имъ краемъ, встрѣтили тамъ народы однородные съ тѣми, которыхъ они знали ранѣе по сую сторону горъ, и дали имъ, равно какъ и странѣ, имя извѣстное прежде: Югра. Можно полагать, что уже въ XIV вѣкѣ названiе Югры было распространено за Уралъ, но что оно употреблялось въ

этомъ значеніи въ XV столѣтіи, въ томъ нѣтъ сомнѣнія: лѣтописныя извѣстія отъ 1465, 1483 и 1499 г. прямо опредѣляютъ положеніе Югорской земли за Уральскимъ хребтомъ, въ предѣлахъ низоваго р. Оби.

Перенесеніе имени Югра съ Запечерскаго края за Уралъ, на берега Оби, послужило причиною тому, что наши ученые не могли съ точностью опредѣлить мѣстонахожденіе Югры и до сихъ поръ вопросъ о положеніи страны и народа этого имени составляетъ у нихъ спорный пунктъ. Миллеръ и Фишеръ хотѣли видѣть Югру на Печерѣ. По мнѣнію Карамзина, Кастрена и Клапрота, основанному на лѣтописныхъ сказаніяхъ, Югра жила за предѣлами Уральского хребта, на Оби, Сосвѣ и нижнемъ Иртышѣ, тамъ, гдѣ нынѣ обитаютъ березовскіе Остяки. (Карамз. т. I стр. 21). Въ Большомъ Чертежѣ, между прочимъ, говорится: Тѣ города по Сысвѣ и по Соевѣ Югра. Герберштейнъ на картѣ Россіи полагаетъ Югру за Обью. „Доселѣ историки и географы наши, говоритъ Карамзинъ, искали Югры на берегахъ Юга, Двины и Мезени. Описаніе похода Россіянъ въ землю Югорскую около 1500 года ясно доказываетъ, что она была за Каменнымъ поясомъ. (Т. 1 стр. 73).

Югры на берегахъ Двины, Юга и пр. искалъ Татищевъ. По его словамъ, Югри, или Югдори, народъ былъ великій и сильный; жилъ по р. Двинѣ и Югу въ поморіи; ему принадлежалъ г. Устюгъ, на который напали и взяли Болгары въ 1219 г.; его владѣнія распространялись въ Галицкую область. (Путеш. Лепех. т. IV стр. 388, 389).

Мнѣнію Татищева можно найти нѣкоторую опору и въ изложенныхъ прежде историческихъ фак-

тахъ. Если мы обратимся къ этимъ фактамъ, то намъ представляются такіе, которыхъ нельзя объяснить если принять за мѣстонахождение Югры Запечерье и Сибирь. Въ 1184 г. югорскіе данщики погибли на Печерѣ, не дойдя до Югры. Между тѣмъ, Новгородцы въ 1193 г. мстили за смерть своихъ данщиковъ югорскому народу, отъ котораго и погибли. Ясно, что Югра находилась и по сю сторону Печеры или, покрайней мѣрѣ на самой Печерѣ. Югреци, или Югрскіе люди, объявившіе себя независимыми въ 1445 г., подверглись нападенію Новгородцевъ въ своей землѣ, и были разбиты, а вслѣдъ за тѣмъ воспользовавшись оплошностью новгородскаго воеводы, напали на городокъ послѣдняго. Это было на берегахъ р. Ваги. Отсюда также можно заключать, что Югра обитала по сю сторону Печеры, можетъ быть даже недалеко отъ р. Ваги. Если бы Новгородцы не боялись враждебныхъ нападеній ближайшей Югры, то имъ не для чего было бы строить городокъ на р. Вагѣ, а воздвигли бы они его далѣе, во глубинѣ сѣвера. Предполагать же, что Югра была разбита гдѣ нибудь на берегахъ Печеры, а напала на Новгородцевъ на Вагѣ нѣтъ основанія; тѣмъ болѣе, когда мы знаемъ, что по Вагѣ въ это время еще обитали финскіе инородцы. Все это ведетъ къ тому, чтобы признать область Заволочье странною населенною ни кѣмъ инымъ, какъ Югрою и снова согласиться съ тожествомъ Югры съ Заволоцкой Чудью.

Если по рр. Двинѣ и до Уральскихъ горъ и даже за Уральскими горами жилъ одинъ кородскій, или чудскій народъ, то различныя названія: Заволочье, Печера, Югра въ сущности могли служить

только для указанія различныхъ мѣстностей или областей, а не особыхъ племенъ. Что въ старину было въ обычаѣ давать одному и тому же народу или самымъ мелкимъ отраслямъ его особыя названія, смотря по мѣстностямъ, гдѣ онъ обиталъ, примѣровъ на это въ нашей исторіи можно было бы найти множество. Мы укажемъ здѣсь только на перечень народовъ, обитавшихъ въ Пермѣ, сдѣланный Степенной книгой; въ ней поименованы, какъ особые народы: *Асиныяне*, *Устюжане*, *Нинежане*, *Вилежане* или *Велыжане* и *Вычежане*; *Гаіяне*, *Вятчане*, *Лопь*, *Корела*, *Югра*, *Печера*, *Вогулицы*, *Самоѣдь*, *Пертасы*, *Пермь Великая*, глаголемая *Чусовая*.

Для обособленія народа Печеры отъ Югры, по видимому, твердое основаніе заключается въ разсказѣ Роговича, который Югру въ отличіе отъ Печеры называетъ „языкомъ нѣмымъ“, т. е. народомъ, говорящимъ на совершенно непонятномъ языкѣ; да и Несторъ на ряду съ именемъ Югры ставитъ имя народа Печеры. Эти-то мѣста лѣтописей и другія соображенія подали поводъ нашимъ ученымъ считать Печеру за народъ совершенно отличный отъ Югры. Такъ, Шегренъ, Карамзинъ и др. подъ симъ именемъ хотятъ признавать Зырянъ, а Лербергъ и пр. Самоѣдовъ. Самое же названіе народа и рѣки Печеры производятъ отъ русскаго слова пещера, потому что пещерь будто бы особенно много по этой рѣкѣ. Но такое производство совершенно невѣрно. Слово пещера есть первобытное югорское; оно состоитъ изъ слова пече и окончанія ра, весьма часто встрѣчаемаго въ названіяхъ югорскихъ рѣкъ. Пече, какъ утверждаетъ г. Европеусъ, означаетъ по югорски сосну. Наз-

ванія рѣкъ соединенныя со словомъ пече чрезвычайно употребительны у югорскихъ племенъ. Что же касается до пещеръ, отъ которыхъ будто-бы получила свое названіе рѣка, то ихъ на берегахъ Печеры не болѣе, какъ въ другихъ мѣстахъ Запечерскаго края, а пожалуй, менѣе. При томъ же народныя преданія Русскихъ и Зырянъ указываютъ на Чудь, или Югру, какъ на исконныхъ обитателей Печеры, а не на другой какой либо народъ, что мы уже видѣли прежде и увидимъ впоследствии. Впрочемъ, мы никакъ не думаемъ отрицать нѣкоторыхъ этнографическихъ особенностей въ обитателяхъ всего нашего сѣвера, принадлежавшихъ къ одному югорскому народу; напротивъ, такія особенности должны были непременно существовать. Такъ наприм. Югра жившая въ Запечерскомъ краѣ могла этнографически приближаться къ Остякамъ, а въ Заволочьи смѣшаться съ западными финнами, съ которыми какъ съ ближайшими сосѣдями, она находилась въ частыхъ столкновеніяхъ.

Время первоначальнаго знакомства Новгородскихъ славянъ съ сѣверными обитателями и первыхъ ихъ завоеваній на сѣверѣ неизвѣстно положительно; но все же его можно опредѣлить болѣе или менѣе приблизительно. Крестининъ полагаетъ, на основаніи словъ Нестора о народахъ, платившихъ дань Руси, что новгородскіе Славяне овладѣли сѣверными чудскими народами, жившими по Двинѣ, во времена предшествовавшія призванію Рюрика на царство, а просвѣтили Заволоцкую Чудь св. крещеніемъ въ XI вѣкѣ, въ XII же столѣтіи христіанство между нею было значительно распространено, благодаря существованію уже въ то время Архангельскаго монастыря, по свидѣтель-

ству грамоты архіепископа Іоанна къ игумену монастыря Лукѣ. (Истор. Холмог. Крестин. стр. 4, 5).

По Двинскому лѣтописцу, жители Заволочьа зависѣли отъ Новгородскихъ Славянъ еще при Владимірѣ Святѣмъ и онъ крестилъ ихъ въ одно время съ Славянами.

Карамзинъ, приводя оба эти указанія, соглашается съ тѣмъ, что русскіе, еще находясь въ идолопоклонствѣ, овладѣли Двинскою областью, „ибо народъ въ Архангельской губерніи до нынѣ сохранилъ нѣкоторые обычаи языческихъ Славянъ“, но не хочетъ признать того, чтобы Чудь была крещена вмѣстѣ съ русскими, т. е. при Владимірѣ, на томъ основаніи, что Норвежцы, посланные королемъ Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, въ Біармію, нашли ея жителей идолопоклонниками. (Т. II пр. 64). Разберемъ эти основанія.

Несторъ перечисляетъ народы, платившіе дань Руси (въ томъ числѣ Чудь, Вель, Мерю, Мурому, Пермь и Печеру) сейчасъ послѣ разсказа о кievскихъ князьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и до повѣствованія о пришествіи Варяговъ изъ за моря и приглашенія Рюрика на царство. Такое расположеніе разсказа даетъ поводъ думать, что всѣ исчисленные имъ народы и между ними столь отдаленные, какъ Печера, находились въ нѣкоторой зависимости отъ Новгородцевъ даже въ доисторическія времена. Платежъ дани Новгородцамъ обитателями Печеры подтверждается Несторомъ и подъ 1096 годомъ; а другими лѣтописцами также подъ 1132 г. Все это предполагаетъ давнее знакомство, а потомъ и долговременную брань Новгородцевъ съ туземцами. Мы знаемъ, что Новгородцы первоначально заводили торговые сношенія съ финскими

обитателями сѣвера, а затѣмъ налагали на нихъ ясакъ. Принятіе же ясака не могло быть добровольное и влекло за собою упорную борьбу. Но мы объ этой борьбѣ имѣемъ только два отрывочныя свидѣтельства и то отъ XI столѣтія. Здѣсь разсмѣются походы Улеба и Глѣба, перваго на желѣзные ворота, втораго въ Заволочье.

Впрочемъ, свидѣтельство о походѣ Улеба не всѣми историками относится къ нашему сѣверу, такъ какъ подъ Желѣзными Воротами понимаютъ различныя мѣстности. По словамъ Лепехина, поморскіе жители подъ именемъ желѣзныхъ воротъ разсмѣютъ тѣсный проливъ между островомъ и материкомъ или между одними островами, проливъ весьма глубокій и расположенный такъ, что въ немъ, во время морскихъ приливовъ или отливовъ, происходитъ стремительное теченіе воды. Такихъ желѣзныхъ воротъ Лепехинъ указываетъ на Бѣломъ морѣ двое: одни между сѣвѣрною оконечностью Мудьюжскаго острова, который лежитъ не въ дальнемъ разстояніи отъ устья Двины, и мысомъ Зимняго берега, другія между Соловецкимъ островомъ, со стороны монастырской гавани, и каменною грядою небольшихъ островковъ (т. IV, 22, 45). Желѣзныя Ворота есть также въ Кемскомъ уѣздѣ между Вардыгорой и Пономаревымъ мысомъ. Этимъ же названіемъ обозначается проливъ, отдѣляющій островъ Вайгачъ отъ Новой Земли. Въ примѣчаніи къ Никоновской лѣтописи, Татищевъ объясняетъ: „Желѣзные Врата въ горахъ Сибирскихъ, ихъ же русскіе Поясъ Каменной и Великій Камень, а Татары Оралъ именуютъ; Греки и Римляне именовали Ражей“. Но это объясненіе совершенно голословное. Карамзинъ, на основаніи одного мѣста

Воскресенской лѣтописи, утверждаетъ, что русскіе Желѣзными Воротами называли городъ Дербентъ, на Кавказѣ, за рѣкою Терекѣю. Однако, нѣтъ другихъ данныхъ для признанія, что Новгородцы въ тѣ отдаленныя времена ходили за Кавказъ; болѣе же согласно съ историческими фактами принятіе Желѣзныхъ Воротъ Никоновской лѣтописи въ древней Югоріи, какъ полагалъ Татищевъ, только не въ Уральскомъ хребтѣ. Но выбирать одни или другіе изъ числа существующихъ на сѣверѣ Желѣзныхъ Воротъ за тѣ, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ—пока дѣло личнаго произвола, какъ оно и есть въ дѣйствительности, потому что здѣсь нѣтъ прочныхъ основаній. Все таки правдоподобнѣе будетъ отыскивать ихъ въ восточной части нынѣшней Архангельской губерніи, а не въ западной, такъ какъ въ XI столѣтіи походы Новгородцевъ направлены были преимущественно на восточную сторону, которая представляла больше приманки для завоевателей, нежели западная часть. Приманку эту составляли: „сребро, соболи и иная узорочья“, которые шли къ Новгородцамъ, въ видѣ дани.

Плата дани Новгородцамъ ни сколько не лишала Югры самостоятельности, по крайнемѣру на первое время. Югра имѣла своихъ особенныхъ князьковъ, управлявшихъ и предводительствовавшихъ ею, и вся зависимость ея отъ Новгородцевъ проявлялась только во взносѣ извѣстнаго ясака Новгородскимъ данщикамъ. Связь между тѣмъ и другимъ народомъ, конечно, обнаруживалась также въ торговыхъ сношеніяхъ. Вѣроятно кое-гдѣ рядомъ съ туземцами появлялись и русскія поселенія, не имѣвшія на первый разъ претензіи на порабощеніе Чу-

ди. При такой внѣшней связи неудивительно, что въ норвежскихъ и англосаксонскихъ сказаніяхъ нѣтъ прямыхъ указаній на подчиненность жителей Біарміи Новгородцамъ; а только находятся намеки, что въ половинѣ 9-го столѣтія новгородскіе славяне проникали своими колоніями въ сѣверный финскій міръ и входили съ ними въ торговые сношенія.

Первое положительное извѣстіе о вторженіи Новгородцевъ въ Заволочье съ оружіемъ въ рукахъ относится ко второй половинѣ XI-го столѣтія. Можно полагать, что князь Глѣбъ въ своемъ походѣ въ Заволочье руководствовался не одними корыстными цѣлями, но и религіозными; онъ могъ, по своему характеру и склонностямъ, имѣть въ виду и обращеніе язычниковъ въ христіанство. Глѣбъ, по словамъ Нестора, былъ „милостивъ убогимъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ“. Весьма можетъ быть, что первые церкви въ Заволочьи возникли при этомъ именно князѣ.

Что раньше похода Глѣба, еще во время правленія вел. кн. Ярослава, господствовало въ Заволочьи язычество, въ томъ можно убѣдиться изъ сказаній Торера и Карла о здѣшнихъ странахъ. Но черезъ 60 лѣтъ послѣ этого событія мы видимъ уже значительное развитіе христіанства въ Заволочьи. По уставу Святослава 1138 г. со всѣхъ концовъ Заволочья шла уже дань въ пользу новгородскаго владыки. Вѣроятно, что христіанское населеніе страны въ это время состояло какъ изъ новгородскихъ пришельцевъ, такъ и изъ чудскихъ туземцевъ. Такии чисто русскія названія погостовъ, платившихъ дань владыкѣ, какъ: Иванъ-погостъ и Борокъ могли быть даны только русскими; а наз-

санія: Вихтуй, Пинега, Кегрола, также Чюдинъ погостъ говорятъ о чудскомъ населеніи погостовъ. самыми населенными и наиболѣе богатыми мѣстностями изъ поименованныхъ въ уставѣ надобно считать тѣ, которыя платили найвысшую дань владыкѣ; а такими были погосты: Ракула, Пинега, Кегроль, дававшіе по три сорока кунъ, и Иванъ-погостъ (впослѣдствіи Ивановскій посадъ въ Холмогорахъ), обзанный, кромѣ трехъ сороковъ кунъ, давать еще подарокъ. Такъ какъ Иванъ-погостъ платилъ болѣе всѣхъ, то его можно считать главнымъ мѣстомъ Заволочья. Кромѣ христіанъ, жившихъ внутри страны, были и такіе, которые обитали у моря и занимались солянымъ промысломъ; они вносили плату не кунами, а натурою, съ извѣстнаго количества своего производства. И такъ, если при Святославѣ Ольговичѣ въ Заволочьи было въ значительной степени распространено христіанство, а при Ярославѣ господствовало язычество, то введеніе и распространеніе его здѣсь совершилось въ этотъ короткий промежутокъ времени, обнимающій собою не болѣе 80 лѣтъ. Такимъ образомъ, князю Глѣбу, съ полной основательностію, можно приписать сильное участіе въ распространеніи здѣсь христіанства.

Раньше было сказано, что Карамзинъ основываетъ свое мнѣніе о занятіи Новгородцами Заволочья, еще во времена ихъ язычества, на существованіи у народа Архангельской губ., нѣкоторыхъ обычаевъ языческихъ Славянъ, а участіе Архангельскаго монастыря въ распространеніи христіанства въ XII в. на грамотѣ епископа Іоанна къ игумену Лукѣ. Но какъ первое, такъ и второе основанія крайне шатки.

Вообще надобно сказать, что дѣлать заключенія объ историческихъ событіяхъ на основаніи одного сходства между народными вѣрованіями и обычаями почти что бесплодно, ибо этимъ путемъ, по причинѣ удивительнаго сходства многихъ обычаевъ и вѣрованій у разнородныхъ народовъ, можно доказывать все, что угодно. Тѣмъ болѣе нераціонально въ данномъ случаѣ основываться на двухъ, трехъ указаніяхъ Лепехина о сходствѣ обычаевъ здѣшняго народа съ обычаями языческихъ Славянъ. Эти языческіе обычаи, во 1-хъ, могли быть принесены сюда новыми христіанами изъ Новгорода, ибо и до сихъ поръ у православнаго населенія всей Россіи есть много языческаго, и гораздо болѣе рѣзкаго нежели то, что приводится Лепехинымъ; во 2-хъ, эти мнимо славянскіе обычаи могли быть позднѣйшими обломками туземныхъ финскихъ обычаевъ, что гораздо вѣроятнѣе. На счетъ же участія Архангельскаго монастыря въ распространеніи христіанства на сѣверѣ въ XII вѣкѣ, надобно замѣтить, что этотъ монастырь, такъ какъ и другіе, появился здѣсь не ранѣе конца XIV в., когда край уже былъ въ значительной степени заселенъ русскими, и слѣдовательно не могъ оказать никакой услуги дѣлу первоначальнаго распространенія христіанства между дикими здѣшними племенами. Игуменъ Архангельскаго монастыря Лука былъ современникомъ новгородскаго епископа Іоанна 3-го, скончавшагося въ 1414 году, а не первыхъ двухъ Іоанновъ, жившихъ въ XII вѣкѣ. (Арх. губ. вѣд. 1869 г. № 48).

Распространеніе христіанства на сѣверѣ не могло само по себѣ, при тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали между побѣдителями и побѣжденными,

дѣйствовать успокоительно на туземцевъ. Обложение мѣстныхъ жителей высокою данью служило поводомъ къ избіенію собирателей дани не только въ XI вѣкѣ но и въ послѣдующіе, до XV-го включительно. Избіеніе даныщиковъ всегда служило сигналомъ къ возстанію, а это влекло за собою нашествіе новгородскаго войска и жестокую брань. Въ послѣднее время возстанія Чуди могли быть вызываемы притѣсненіями дѣлаемыми богатыми Новгородскими боярами, въ родѣ Своеземцевыхъ, Чуди, которая принуждена была уступать свои земли богатымъ боярамъ и работать на нихъ въ качествѣ половниковъ. Но послѣдняя вспышка возстанія Заволоцкой Югры, извѣстная намъ по исторіи, произошлавъ 1445 г. изъ за нежеланія платить дань. Вѣроятно, тамъ возстали остатки Чуди, сохранившей еще вѣру своихъ отцовъ и своихъ собственныхъ старшинъ.

Въ концѣ 16-го столѣтія остатки Чуди, можетъ быть весьма незначительные, уцѣлѣли въ Архангельской губерніи только кажется въ Шенкурскомъ уѣздѣ (вспомните Чудина Шурухина). Но за Уральскимъ хребтомъ Чудь, или Югра жила въ то время еще въ значительномъ количествѣ. Тамошняя Югра была по всей вѣроятности, никто иной, какъ березовскіе Остяки. По поводу употребленія въ грамотѣ, данной Іоанномъ IV-мъ Строгановымъ, рядомъ именъ Самоѣдовъ, Вогуличей, Остяковъ и Югричей, Карамзинъ справедливо замѣчаетъ, что послѣдними могли считаться только Березовскіе Остяки, которые жили въ низовьямъ Оби и Иртыша. Извѣстно, что Остяковъ раздѣляютъ, по образу жизни и по языку, на два рода: одни, такъ называемые рыболовные, живущіе при Оби и Нарымѣ,

сохранили свой природный югорскій языкъ, другіе, занимающіеся оленеводствомъ и кочующіе отъ лѣсистой полосы Урала и до Ледовитаго моря, приняли языкъ и нравы своихъ сосѣдей Самоѣдовъ.

Внутренняя жизнь Югры мало освѣщается изложенными выше историческими извѣстіями русскихъ лѣтописныхъ памятниковъ. Изъ нихъ видимъ только, что югорская Чудь управлялась своими собственными князьками во все время владычества Новгородцевъ. Управление разными сѣверными „полостями“, или областями посредствомъ „новгородскихъ мужей“ могло существовать параллельно съ управленіемъ князьковъ и ограничивалось со стороны Новгородцевъ, вѣроятно, только взиманіемъ дани съ Чуди, сохранившей самоуправленіе. Также часть Чуди, которая селилась на земляхъ, захваченныхъ Новгородскими боярами, теряла право собственнаго управленія. Князья югорскіе служили управителями и предводителями своего народа во время войны. Въ такой роли упоминаются они подъ 1193 г. во время возстанія Югры, въ 1315 г. во время продажи земель Своеземцеву, въ 1445 г., также при возстаніи Югры, и наконецъ въ 1499 г., во время похода русскихъ за Уралъ. Князей этихъ было по многу; каждый родъ имѣлъ своего князя; оттого въ одинъ походъ 1499 г. ихъ взято въ плѣнъ 50 человекъ.

Главнымъ занятіемъ Югры служило звѣроловство, такъ какъ мѣха составляли, кромѣ собственнаго употребленія, самый главный предметъ сбыта во внѣшней торговлѣ; при томъ имъ же уплачивалась и дань русскимъ. Изъ числа мѣховъ, соболи служили самымъ цѣннымъ предметомъ для продажи. Серебро также взималось съ Чуди, въ видѣ да-

ни, и она должна была особенно заботиться о накопленіи его.

О существованіи земледѣлія у Чуди, жившей близъ устья сѣверной Двины, свидѣлствуютъ уже, какъ сказано было прежде, норвежскіе мореходцы; слѣдовательно, оно должно было удержаться и позднѣе, хотя, разумѣется, въ немногихъ мѣстностяхъ нашей губерніи, имѣвшихъ почву болѣе къ нему благопріятствовавшую: въ нынѣшнемъ Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ. Чудь, жившая на земляхъ Новгородскихъ бояръ въ южныхъ уѣздахъ, по всей вѣроятности, главнымъ занятиемъ своимъ имѣла хлѣбопашество.

Что касается до торговли Югры, то о ней можно сказать болѣе. Если можно отнести обложеніе данью Чуди ко временамъ дорюриковскимъ, то мирныя торговыя сношенія Новгородцевъ съ Чудью, предшествовавшія всегда завоевательнымъ стремленіямъ, должны быть отодвинуты еще далѣе въ глубь времени.

При отсутствіи или, по крайней мѣрѣ, при маломъ употребленіи въ тѣ времена денежныхъ знаковъ, торговля Чуди съ Новгородцами должна была носить характеръ мѣновой. Различіе формъ быта, крайняя разница въ національностяхъ, кратковременность пребыванія новгородскихъ Славянъ въ отдаленныхъ странахъ, препятствовали имъ по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, на столько сблизиться съ сѣверными туземцами, чтобы ознакомиться съ ихъ языкомъ; оттого Югра и названа была нѣмою. Нѣмота финсковенгерскихъ племенъ давала возможность вести, разумѣется, только нѣмую мѣновую торговлю. Если упомянутые народы отличались робостью передъ чуждыми имъ племенами,

какъ это часто бываетъ съ дикарями, и въ особенности съ обитателями всѣхъ сѣверныхъ странъ, въ такомъ случаѣ торговля сдѣлки могли производиться съ ними даже заочно. Прямыхъ историческихъ указаній о веденіи новгородскими Славянами нѣмой или заочной мѣнковой торговли съ Югрой мы не имѣемъ. Но извѣстія, которыя дошли до насъ о торговыхъ обычаяхъ другихъ народовъ, при сношеніяхъ съ полудикими племенами или съ дикарями, *) свидѣтельства арабовъ о торговлѣ Болгаръ съ сѣверными финнами, полубаснословные рассказы нашихъ лѣтописцевъ и наконецъ слова одного иностраннаго писателя о Лопаряхъ, даютъ такому предположенію силу достовѣрнаго факта.

Арабскіе ученые X столѣтія передаютъ, со словъ болгарскихъ купцовъ, что послѣдніе вели дѣятельную торговлю съ финскими племенами Мордвою и

*) Уже финикіане, по Геродоту, вели безмолвную торговлю съ народами западнаго африканскаго берега. Нынѣ точно также поступаютъ арабскіе купцы съ Ведассами, обитателями Цейлона. По словамъ американскаго путешественника Джибсона, на островѣ Банкѣ, около Суматры, въ лѣсахъ, рядомъ со стадами орангутанговъ, живетъ племя людей, называющееся Оранъ-Кубось, совершенно нагое, покрытое волосами, и говорящее несовершеннымъ языкомъ; съ нимъ входятъ въ торговля сношенія Малайцы, обитающіе въ Суматрѣ. Они кладутъ при входѣ въ лѣсъ красное сукно и другіе привлекательные предметы, удаляются сами при появленіи дикарей, а по уходѣ ихъ, находятъ на этомъ мѣстѣ камфору и росной ладонь. (Бытъ дик. народовъ Шафгаузена, стр. 12).

Весью, жившими на крайнемъ сѣверѣ, „гдѣ ночи бываютъ короче часу“, именно вверхъ по Волгѣ, на разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути отъ Болгаріи. Болгарскіе кушцы сами ѣздили въ страну Веси на лодьяхъ. Приходъ же самой Веси въ Болгарію былъ запрещенъ, потому что съ прибытіемъ ихъ наступалъ такой холодъ, что даже среди лѣта увядали деревья. „Болгаре пріѣзжали въ опредѣленное мѣсто или урочище, оставляли тамъ товары, помѣтивъ ихъ какими нибудь знаками, и потомъ удалялись. Въ это время туземцы раскладывали рядомъ свои произведенія, которыя считали равноцѣнными и удалялись. Если болгарскіе торговцы, по возвращеніи находили мѣну выгодною, то брали съ собою мѣстные товары и оставляли свои. Въ противномъ случаѣ, они удалялись на время, и это значило, что они требовали прибавки. Жители надбавляли то или другое произведеніе до тѣхъ поръ, пока не состоялся торгъ. Продавцы и покупатели уѣзжали тогда восвояси съ вымѣненными товарами, не видавши другъ друга въ глаза. (Извѣстія Общ. люб. естеств. 1864 г. вып. 1-й стр. 19).

Увѣряютъ, что приведенныя извѣстія не касаются собственно нынѣшней Архангельской губерніи, а относятся къ народамъ обитавшимъ въ теперешнихъ Новгородской, Тверской и сосѣднихъ съ ними губерніяхъ; но это врядъ ли вѣрно. Мѣста, лежащія на разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути отъ Болгаріи и имѣющія ночи короче часу, должны быть гораздо сѣвернѣе этихъ губерній. Не могло быть, чтобы Болгаре, какъ финское племя, не проникали во глубину сѣвера, тогда, когда русскіе вели торговля сношенія и облагали данью самыя сѣверныя племена финновъ и когда норвежскіе и

англосаксонскіе купцы достигали, если судить по найденнымъ кладамъ, до Устюга и далѣе на востокъ.

Русскіе купцы, судя по извѣстіямъ арабскихъ писателей, въ X-мъ столѣтіи вели обширную торговлю; они вывозили разнаго рода мѣха изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи и продавали ихъ въ Византіи, Хозаріи и даже въ Малой Азіи. Кроме того, изъ славянскихъ краевъ вывозились мамонтовья кости, сырыя кожи, юфть и пр. Мы знаемъ изъ полумифическихъ сказаній Скандинавовъ, что въ половинѣ 9-го столѣтія, а можетъ быть и раньше, новгородскіе Славяне проникали своими колоніями въ сѣверный финскій міръ и конечно входили въ торговыя сношенія съ туземцами. По всей вѣроятности, значительная часть тѣхъ, исчисленныхъ выше, товаровъ, о которыхъ упоминаютъ арабскіе ученые, шла главнымъ образомъ къ Славянамъ отъ финскихъ обитателей сѣвера, тѣмъ болѣе, что оттуда же они получались и Болгарами и Скандинавами. Свидѣтельство нашего перваго лѣтописца прямо относится уже къ жителямъ нынѣшней Архангельской губерніи. Во то время какъ Печера платила уже дань новгородскимъ Славянамъ, отдаленная запечерская Югра ни считалась въ числѣ народовъ платившихъ ее; но и туда проникали Новгородцы, судя по рассказамъ Роговича и Ладожанъ, и это не могло быть съ иною цѣлью, кромѣ торговой.

При первомъ взглядѣ, можно, пожалуй, подумать, что рассказъ Гюрьты Роговича скорѣе опровергаетъ, нежели подтверждаетъ мысль о нѣмой, а тѣмъ болѣе заочной мѣнковой торговлѣ русскихъ съ финнами; можно, пожалуй, утверждать, что еслибы дѣйствительно Славяне заключали съ фин-

скими племенами такимъ страннымъ образомъ торговля сдѣлки, то лѣтописцу не для чего было бы говорить о нѣмой торговлѣ какого-то народа, жившаго у Уральскихъ горъ, какъ о чемъ-то необыкновенномъ, и еслибы нѣмая торговля производилась гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ на сѣверѣ, въ такомъ случаѣ, онъ не приминулъ бы сообщить о ней; при томъ можно указать на извѣстія Скандинавовъ о денежной торговлѣ въ главномъ городѣ Біармійцевъ, на берегахъ сѣверной Двины.

Противъ сказаннаго можно возразить, что нашъ лѣтописецъ считалъ нѣмую торговлю дѣломъ весьма обыкновеннымъ въ тѣ времена, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ, чтобы говорить о ней; да къ тому же онъ, какъ извѣстно, мало останавливался на явленіяхъ экономической жизни народовъ. Если же онъ и упомянулъ о нѣмой торговлѣ Уральского народа, то потому только, что объ этомъ народѣ рассказывалось чудо, будто бы онъ заключенъ въ горы и не можетъ изъ нихъ вырваться, даже при помощи получаемого въ обмѣнъ на мѣха желѣза.

И въ послѣдствіи молчаніе нашихъ лѣтописцевъ о нѣмой торговлѣ прерывается только по поводу баснословнаго разсказа о полугодовомъ снѣ зауральской Югры. Сообщая объ этомъ дивномъ явленіи, со словъ участниковъ въ походахъ за Уралъ, лѣтописецъ не преминулъ разсказать и о заочной торговлѣ съ засыпавшимъ народомъ.

Иноземные писатели, всегда болѣе слѣдящіе за обыденными обстоятельствами внутренней жизни извѣстнаго народа, нежели туземные, потому что она ихъ болѣе поражаетъ, нежели мѣстныхъ, не могли не обратить вниманія и на нѣмую торговлю русскихъ съ финнами, даже въ позднѣйшіе вѣка.

Павель Іовій, жившій въ Россіи при Васильѣ III, писалъ „что на самомъ дальнемъ берегу океана живутъ Лапландцы, народъ чрезвычайно дикій, подозрительный и до того трусливый, что одинъ слѣдъ чужеземца, или даже видъ корабля, обращаетъ ихъ въ бѣгство. Москвитяне знаютъ свойства этого народа. Торговля мѣхами производится безъ разговоровъ, потому что Лапландцы избѣгаютъ чужихъ взоровъ. Сличивъ покупаемые ими товары съ мѣхами, они оставляютъ мѣха на мѣстѣ, а купленное уносятъ, и такая заочная торговля производится съ чрезвычайною честностью“. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ извѣстій иностранныхъ писателей о другомъ, еще болѣе важномъ пунктѣ, гдѣ издавна кипѣла живая торговая дѣятельность между финскими племенами и русскими, т. е. о приуральскихъ мѣстностяхъ.

Что касается до извѣстія скандинавскихъ сагъ о денежной торговлѣ Норвежцевъ и Англосаксовъ съ Біармійцами, то оно нисколько не исключаетъ возможности мѣнковой заочной торговли: первая производилась въ такомъ центральномъ пунктѣ, какъ главный городъ Біармій, вторая въ отдаленнѣйшихъ частяхъ Біармій. Болѣе десяти столѣтій пронеслось надъ сѣверомъ съ тѣхъ поръ, какъ русскіе вошли въ торговыя сношенія съ его обитателями, а между тѣмъ до сихъ поръ сохранились остатки древней нѣмой торговли именно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ до насъ дошли письменныя указанія. Читатель, конечно догадывается, что здѣсь говорится о мѣнковой и полунѣмой торговлѣ русскихъ съ норвежскими Лопарями, или финманами, на границахъ Норвегіи, и съ Самоѣдами, на Югорскомъ шару, близъ Уральскаго хребта. Этихъ инородцевъ рус-

скіе снабжаютъ, главнымъ образомъ, хлѣбомъ а получаютъ отъ нихъ въ замѣнъ рыбу и мѣхъ.

Кромѣ русскихъ, въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ приуральской Югрой издавна находились народы пермской вѣтви финскаго корня, преимущественно Зыряне и Пермяки.

Зыряне

Зырянское населеніе Архангельской губерніи, занимающее, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ, мѣстности въ Мезенскомъ уѣздѣ по р. Ижмѣ и впадающимъ въ нее рѣчкамъ, въ пяти приходахъ, а также въ одномъ приходѣ по р. Мезени и ея притокамъ, по всѣмъ даннымъ, не принадлежитъ къ исконнымъ обитателямъ губерніи, а есть пришлое, и притомъ съ очень недавняго времени. Письменные записи, имѣющіяся у мѣстныхъ жителей, гласятъ, что главное и вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшее въ Запечорскомъ краѣ зырянское селеніе, Ижма, основано во второй половинѣ XVI столѣтія, пятью братьями Новгородцами Чупровыми, которые первоначально поселились было въ слободкѣ Усть-цыльмѣ, на Печорѣ, будучи вызваны туда изъ Новгорода основателемъ слободки, Новгородцемъ же Ласткою. Чупровы пригласили съ собою въ новую колонію нѣсколькихъ жителей селеній нынѣшнихъ Пинежскаго и Мезенскаго уѣздовъ: Чаколы, Кевролы и Мезени, затѣмъ приняли къ себѣ Зырянъ, Яренскаго уѣзда Вологодской губер. Впослѣдствіи времени 7 семействъ Самоѣдовъ вздумали разстаться съ кочевой жизнью и вступили въ число осѣдлыхъ жителей Ижемскаго селенія. (Арх. губ. вѣд. 1868 г. № 26, Самоѣды. Ис-лавина 19). Вліяніе Зырянъ оказалось столь сильнымъ, вѣроятно по причинѣ значительнаго боль-

шинства ихъ, что зырянскій языкъ сдѣлался тамъ господствующимъ.

Быстро размножившееся населеніе Ижмы образовало, лѣтъ 150 тому назадъ, 11 деревень вокругъ Ижмы, составляющихъ нынѣ приходы Мохченскій и Сизябскій, а потомъ, 100 лѣтъ назадъ, зырянское населеніе появилось вверхъ по р. Ижмѣ, вплоть до самой границы Вологодской губерніи, занявъ 10 деревень, составившихъ Мошьюгскій и Поромесскій приходы. До сихъ поръ тамошнимъ зырянамъ извѣстно въ какомъ году и кѣмъ именно основаны эти деревни. Главнымъ образомъ, это были выходцы изъ с. Ижмы, потомъ изъ Мохченскаго и Сизябскаго приходовъ, и въ самомъ незначительномъ числѣ новые пришельцы изъ Вологодской губ. (Арх. губ. вѣд. 1867 г. № 69—71).

Пысскій приходъ, расположенный по р. Мезени и Пысѣ, при самомъ впаденіи ее съ лѣвой стороны въ Мезень, какъ разъ на границѣ Вологодской губ., и состоящій изъ 6 деревень, до конца прошлаго столѣтія принадлежалъ къ Яренскому уѣзду Вологодской губерніи. (*) Основателемъ своимъ Пысское селеніе имѣло также Новгородца, по фамиліи Бутенева, къ которому впослѣдствіи присоединился Важгорскаго погоста зырянинъ Логиновъ, давшій перевѣсъ зырянскому языку надъ русскимъ. Въ 1692 году тамошнія волости извѣстны были подъ именемъ отхожихъ или удорскихъ и около этого же года воздвигнуть былъ тамъ первый храмъ. Эти свѣдѣнія взяты изъ мѣстной церковной

*) Пысскій приходъ отстоитъ не въ дальнемъ разстояніи отъ той деревни, *Учепалы*, гдѣ, по словамъ сообщеннаго уже преданія, послѣдняя *Удъ пала*.

и памятной книжки, въ которой сказано, что они составлены по вѣрнѣйшимъ письменнымъ источникамъ и народнымъ преданіямъ (Рукоп. оп. Пис. пр. свящ. Синцова).

Основываясь на такихъ данныхъ, невозможно согласиться съ словами г. Костомарова, что Зыряне въ глубокой древности заняли мѣста по Ижмѣ, во время ихъ движенія съ береговъ Камы на сѣверъ. Къ нимъ не могутъ быть отнесены и слова автора исторіи Россійской іерархіи, что предки нынѣшнихъ запечорскихъ Зырянъ удалились на крайній сѣверъ отъ проповѣдей и крещенія св. Стефана Пермскаго и что иноки Усть-сысольской Троицкой пустыни, при преемникѣ Стефана, епископѣ Исаакѣ, около 1397 г. крестили всѣхъ Зырянъ по берегамъ Печоры до самаго Пустозерска (Т. V стр. 550). Скорѣе можно было бы принять извѣстіе, находящееся въ запискахъ путешествія Лепехина, что Зыряне начали выселяться изъ Яренскаго уѣз. въ Ижму, вслѣдствіе обидъ, которыя чинили имъ козаки, ходившіе тогда чрезъ ихъ жилища съ Верхотурскою казною (Ч. IV, стр. 282), если бы мы не знали, что гораздо раньше основанія Ижмы, Зыряне находили для себя выгоднымъ вторгаться въ самоѣдскую тундру для промысловъ. Какъ видно изъ жалованной грамоты Іоанна IV, данной Канинскимъ и Тиманскимъ самоѣдамъ въ 1545 г. въ защиту отъ Пустозеровъ и Зырянъ, Зыряне вмѣстѣ съ Пустозерами тогда же отбивали у самоѣдовъ звѣриныя и рыбныя промыслы въ ихъ краяхъ. (Самоѣды. Иславина стр. 14).

Въ отдѣлѣ народныхъ преданій мы привели зырянское преданіе, по которому Зыряне, при своемъ переселеніи, застали еще на берегахъ Ижмы

Чудь и слились съ нею, равно какъ съ русскими и самоѣдами, въ одинъ народъ, образовавъ даже особое Ижемское нарѣчіе. (**)

Смѣшеніе Зырянъ съ самоѣдами и русскими, какъ мы видѣли выше, не подлежитъ сомнѣнію, равно и существованіе отдѣльнаго смѣшаннаго ижемско—зырянскаго нарѣчія признается знатоками онаго (Арх. губ. вѣд. 1847 № 13). Но вопросъ о существованіи Чуди на берегахъ Ижмы и Печоры, во время прихода Зырянъ, врядъ ли можетъ быть разрѣшенъ утвердительно. Приведенныя выше записи не упоминаютъ о Чуди; нѣтъ извѣстія о ней и въ жалованныхъ грамотахъ Іоанна Грознаго самоѣдамъ и въ грамотахъ, данныхъ тѣмъ же царемъ основателю слободки Усть-цыльмы Ласт-

**) Вотъ вариантъ зырянскаго преданія о томъ же, записанный г. В. Таратинымъ въ Ижмѣ и переданный мнѣ уже послѣ отпечатанія первой половины настоящей статьи. Въ 2 верстахъ отъ с. Ижмы вверхъ по Ижмѣ, на правомъ берегу ея есть урочище Карьягъ, въ переводѣ съ зырянскаго *городъ-боръ*, или городъ на бору; здѣсь находятся небольшія ямы—остатки чудскихъ землянокъ и слѣды бывшихъ кузницъ. Въ той-же сторонѣ, версты четыре далѣе, опять встрѣчаются ямы, гдѣ жила Чудь. Мѣстность эта называется *Седь-куръя*, т. е. *Черная Курья* (Курья по тамошнему значитъ небольшой протокъ, отдѣляющій поемные луга отъ берега рѣки). Первые переселенцы Зыряне пришли съ верховья р. Мезени изъ Хлотовой слободки на лыжахъ зимою. Потомъ присоединились къ нимъ два Новгородскія семейства: Истоминыхъ и Чупровыхъ, наконецъ Самоѣды-Карачейскаго рода. Всѣ они застали еще Чудь, которая крестилась и смѣшалась съ Зырянами.

нѣ, ни въ другихъ письменныхъ источникахъ. Напротивъ, изъ словъ грамоты, данной Ласткѣ около 1542 г., и основанной на заявленіи послѣдняго, видно, что Запечорскій край лежалъ въ то время пустыремъ, и въ немъ, кромѣ городка Пустозерска и кочевьевъ самоѣдовъ, ничего не было: „на Усть-цыльмѣ рѣкѣ отъ нижняго конца Чухчиной горы отъ островковъ вверхъ по Печоры рѣки по обѣ стороны до Усы рѣки, да по обѣ стороны Цыльмы рѣки до Косы рѣки, да по Пижемѣ рѣкѣ, да по Ижмѣ рѣкѣ по обѣ стороны до Великой Пожни, да и по Печорѣ рѣкѣ пески, рыбныя ловища и межъ тѣми рѣками рѣчки малыя и озерки; по тѣмъ мѣстамъ лѣсъ, дичь и мхи, болота, соколы и кречатыя садбища, а пашень, да ни покосовъ и рыбныхъ ловищъ на тѣхъ мѣстахъ истари нѣтъ ничьихъ—никакихъ, и отъ пашенныхъ людей, отъ двинскихъ и отъ пинежскихъ тѣ рѣчки и соколы садбища отошли далече, верстъ за пятъ сотъ и больше (Арх. губ. вѣд. 1868 г. № 27). Весьма можетъ быть, что въ знаменитый походъ русскихъ 1499 г. были истреблены послѣдніе остатки Чуди на Печорѣ, вмѣстѣ съ взятіемъ, вѣроятно ей принадлежащаго, городка Усташа.

Чудскій элементъ зырянскаго языка, о которомъ говорилось выше, долженъ былъ войти въ послѣдній гораздо раньше, до переселенія Зырянъ на Ижму, когда Зыряне жили еще въ Вологодской губ., рядомъ съ Чудью. Одновременное существованіе до сихъ поръ двоякихъ названій мѣстностей въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губ., чудскихъ и зырянскихъ, служить неоспоримымъ доводомъ того и другого. Вотъ примѣры такихъ двойныхъ названій: волость Усть-Вычегда и Усть-

Пырасъ (последнее по русски значить устьемъ входить), Соль-Вычегодская и Эжва Совдоръ (дерновой воды край соляной), Вычегда и Эжва (дерновая вода, а по Европеусу луговая вода), Яренскъ и Фенгадинъ (Яренги устье), Сысола и Сыктыфъ (талая вода), Вымъ и Эмба (игляная вода) и проч. (Лепех. IV, стр. 417).

Имя Зырянъ неизвѣстно въ исторіи; его неупоминають ни Несторъ, ни другіе древніе лѣтописцы. Изъ этого слѣдуетъ, что предки нынѣшнихъ Зырянъ носили въ прежнее время другое названіе. Вѣрнѣе всего принять, что они назывались **Пермяне, Пермичи, Пермитины и Пермь**, т. е. именемъ общимъ съ Пермьями, самымъ родственнымъ съ ними народомъ, обитающимъ нынѣ въ уѣзд. Оханскомъ, Соликамскомъ и Чердынскомъ Пермской губ. и въ Слободскомъ уѣзд. Вятской г. И теперь оба эти народа сами себя называютъ однимъ именемъ Кама-Мортъ, или Кама-Ясъ. Даже въ 1545 г. Вологодскіе Зыряне, вторгавшіеся въ самоѣдскую тундру, названы въ грамотѣ Іоанна IV Пермьями. (Самоѣды. Иславина [4]).

Пермь Нестора и Біармія норвежцевъ и англосаксовъ получила свое названіе изъ одного источника, отъ имени народа Пермовъ или Біармовъ, т. е. Зырянъ и Пермьяковъ. Народъ, который занималъ только часть страны, именно юго-восточную, далъ свое имя всей странѣ, заключавшей въ себѣ многоразличныя племена. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что скандинавскіе путешественники въ Біарміи, столько же понимавшіе языки финскихъ племенъ, какъ, по выраженію Орваръ—Одда, и чириканье птицъ, смѣшивали различные народы подъ однимъ общимъ именемъ. Если бы по-

требовалось подтвердить возможность перенесеній названій одного народа на другой совершенно иного происхожденія, то мы бы указали на распространіе русскими имени Саме, или Согмалйисеть съ Лопарей на Самоѣдовъ, или на наименованіе, даже въ официальной перепискѣ и въ узаконеніяхъ прошлаго столѣтія, Води С.-Петербургской губ. Латышами, тогда какъ въ предѣлахъ Петербургской губ. Латыши никогда не находились въ числѣ постоянныхъ жителей (Ж. М. Н. Пр. 1851 г. № 6 стр. 137).

Г. Европеусъ, основываясь на названіяхъ мѣстностей, находитъ предковъ Зырянъ въ числѣ обитателей Сибири, изъ которой они, по его мнѣнію, вышли увлеченные потокомъ Гунновъ и Татаръ и дошли до нынѣшней Московской и Новгородской губ., даже до Череповца, гдѣ встрѣчаются зырянскія названія мѣстностей вмѣстѣ съ югорскими. Зырянскія названія мѣстностей въ Сибири также подмѣтилъ еще Кастренъ; напр. въ имени Обдорска, что значить по зырянски Усть-Обь. (*), Вѣроятно, говоритъ онъ, что Зыряне и основали это поселеніе; несомѣнно, по крайней мѣрѣ, что они издревле имѣли торговые сношенія съ Обдорскомъ. Существованіе зырянскаго элемента въ Сибири предполагалось еще учеными прошлаго столѣтія:

*) Для исторіи движенія Пермьковъ изъ Сибири въ Пермскую губернію и далѣе драгоцѣнный матеріалъ представляютъ статьи: дорожныя записки на пути въ Сибирь Мельникова, Отечест. записки 1840 г. т. IXIII Отд. VII и Бытъ Пермьковъ Рогова въ Ж. М. Вн. Дѣлѣ 1858 г. Апрѣль, стр. 46—126. Въ той и другой статьѣ есть списки рѣкъ, имѣющихъ пермьскія названія.

Миллеромъ и Татищевымъ. Послѣдній полагаетъ, что значительная часть Зырянъ ушла изъ Перми во время обращенія ихъ соотечественниковъ въ христіанство, не желая принимать новой вѣры. Въ новыя мѣста жительства они привезли своихъ языческихъ идоловъ и смѣшались съ туземцами Остяками, что подтверждаютъ самыя преданія Остяковъ (Лепех. IV, 395).

Затѣмъ наши ученые также предполагали движеніе Зырянъ съ р. Камы въ Вологодскую губ. Но они доводили это передвиженіе слишкомъ далеко, за границы дѣйствительности. Такъ Татищевъ, основываясь на сходствѣ названія Зырянъ и Пермьковъ Кама-Мортъ съ названіемъ Камы, полагаетъ, что Зыряне съ этой рѣки, будучи оттиснуты другими народами или по инымъ причинамъ, перешли на Вычегду и Печору, а съ Вычегды съ одной стороны по Вымѣ въ Вашку, съ другой по Двинѣ въ Лузу. Изъ нихъ жившіе по Двинѣ, въ Заволочьи, въ послѣдствіи были отодвинуты Новгородцами обратно на востокъ, до нынѣшнихъ ихъ мѣстъ жительства. Жившіе по Вашкѣ имѣли особенное названіе Удорцы, и особыхъ князей удорскихъ; удоръ же по зырянски значитъ нижній край (Лепех. IV, 416]. Этотъ нижній край зырянской земли, какъ кажется, не входилъ въ нынѣшній Пинежскій уѣздъ, а хотя удорскими или отхожими волостями и назывались деревни по Мезени и Пысѣ, но они, какъ мы видѣли, получили свое начало не ранѣе XVI столѣтія. Г. Европеусъ признаетъ, что на югъ отъ Пинежскаго уѣзда послѣднее народонаселеніе, прежде русскихъ, видимо, было зырянское, но по его словамъ, трудно сказать найдутся ли тамъ чисто югорскія име-

на мѣстностей, которыми такъ богаты западныя уѣзды Вологодской губ. Но зная такія названія, какъ Вычегда и пр. которое самъ г. Европеусъ признаетъ за югорское, когда говорить о рѣкѣ Вычегдѣ Вологодской губ. и притомъ зная преданія зырянскія о чудскихъ городищахъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи (Ж. М. В. Д. 1852 г. № 7 стр. 164), нельзя не рѣшиться утверждать противное, т. е. что Чудь обитала и въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губ., занятыхъ нынѣ зырянскимъ племенемъ.

Для разрѣшенія этого вопроса наши лѣтописи не даютъ положительныхъ указаній, но и изъ нихъ можно заключать, что эти два народа, какъ жившіе рядомъ, проникали одинъ въ мѣстности другаго. Во всѣхъ лѣтописяхъ и договорахъ Заволоцкая Чудь, Пермь, Печора и Югра всегда стоятъ рядомъ, какъ оно было и въ дѣйствительности.

Пермь

Несторъ упоминаетъ, на первыхъ страницахъ своего сказанія, о Перми, какъ о народѣ, платившемъ дань Руси,—знакъ, что Зыряне на зарѣ русской исторіи уже были подчинены русскимъ. Въ 1269 г. Пермь уже считалась въ числѣ Новгородскихъ волостей. Впрочемъ, это еще не свидѣтельствуешь объ уничтоженіи народной самостоятельности Перми. Своеобытность Перми, какъ говоритъ Костомаровъ, не нарушалась Новгородомъ, а послѣдній ограничивалъ власть свою надъ нею только взиманіемъ дани чрезъ своихъ деньщиковъ. Москва, отнявъ Пермь у Новгородцевъ, терпѣла зырянскихъ князей до начала 16 столѣтія. Христіанство введено въ малой Перми, т. е. въ сѣверо-западной части Вологодской губ., около 1389 г.

св. Стефаномъ епископомъ, Пермскимъ который основалъ первый храмъ и свою епископію на Усть-Выми, а Великая Пермь просвѣщена крещеніемъ въ 1463 г., епископомъ Пермскимъ Іоною.

Принявъ во вниманіе эту хронологію введенія христіанства между пермскими народами, ни какъ нельзя сказать, чтобы Зыряне явились въ Архангельскую губ. еще язычниками, какъ полагаютъ нѣкоторые. Мы говоримъ здѣсь о переселеніи Зырянъ на Ижму и Мезень, а не о торговыхъ ихъ движеніяхъ.

Какъ народъ склонный къ торговлѣ, Зыряне съ глубокой древности находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ своими сосѣдами и съ отдаленными югорскими племенами Сибири. Они проникали въ Сибирь, мѣсто прежняго своего жительства, чрезъ Уральскій хребетъ, какъ въ нынѣшней Пермской губ., такъ и въ Архангельской. (Лепех. IV, 397). Впрочемъ и сами отдаленные Югорцы прибывали для обмѣна своей добычи на эту сторону Урала. Такъ Остяки, кажется, до сихъ поръ иногда являются въ качествѣ гостей изъ за Урала. Но что они приходили въ прошломъ столѣтіи, въ томъ нѣтъ сомнѣній. По свѣдѣніямъ, собраннымъ уѣздными землемѣрами въ 1785 г. при проведеніи границы между Вologodскимъ и Tobolskimъ намѣстничествами и переданнымъ Лепехину, Манцы (такъ Вогулы называютъ Остяковъ и самихъ себя) весной пріѣзжали на оленяхъ изъ за Уральского хребта, къ устью рѣки Челбы, впадающей въ Печору, мѣняли здѣсь привезенную съ собою рухлядь и рыбу на разную одежду и охотничьи орудія,

плавали внизъ по Печорѣ и впадающимъ въ нее рѣчкамъ, въ Печорскую волость, занимаясь въ это время рыбной ловлей, снова промѣнивали свои промыслы и возвращались осенью за Камень (Депех. IV, 371). Одна рѣчка, впадающая съ правой стороны въ рѣку Шугоръ, до сихъ поръ носить названіе Торговой и Зыряне утверждаютъ, что она получила свое названіе именно отъ торговли съ Егрой, какъ они называютъ Остяковъ и съ Самоѣдами (Сообщ. В. Таратинъ).

Не одни мирныя торговыя сношенія существовали между Пермскими народами и Мансами. Часто отношенія между ними принимали враждебный характеръ, благодаря нападеніямъ послѣднихъ. Такъ въ 1455 году, въ которомъ имя Вогуличей въ первый разъ упоминается въ нашей исторіи, князь вогульскій, Асыка, съ сыномъ Юмшаномъ, приходилъ на берега Вычегды воевать новыхъ христіанъ и, захвативъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками самаго пермскаго епископа Питирима, умертвилъ его. Вслѣдствіе этихъ набѣговъ, Пермь вмѣстѣ съ Вятчанами ходили въ 1467 году противъ Вогуличей и взяли въ плѣнъ Асыку. Въ 1485 г., послѣ побѣды русскихъ войскъ надъ Вогуличами и Остяками въ самой Сибири, князья югорскіе заключили миръ съ князьями Вымскими подъ городомъ Устьвымскимъ и обязались не дѣлать насилій надъ „пермскими людьми“. Затѣмъ Вогулы и Остяки нѣсколько разъ вторгались сами или вмѣстѣ съ сибирскими татарами, въ предѣлы нынѣшней Пермской губ., пока не были окончательно покорены Ермакомъ, завоевателемъ Сибири. Вотъ, кажется, все, что извѣстно по части исторіи Вогуль и Остяковъ.

На счетъ происхожденія Вогуличей и Остяковъ ученые разногласятъ въ мнѣнїяхъ. Нѣкоторые писатели прошлаго столѣтїя выводили Остяковъ изъ Сѣвера европейской Россїи, на основанїи сходства ихъ языка съ языками Пермовъ и Чухонъ и на основанїи будтобы существующаго у Остяковъ преданїя, что предки ихъ вышли изъ земли Садомисъ, т. е. изъ земли финновъ (Лепех. IV, 395).

Многолѣтнїя же изысканїя Кастрена привели его къ заключенїю, что Сибирскїе Угры или Югры, т. е. Вогулы, Остяки, какъ и остальные финны, прародиной своей имѣли Алтайскїя горы, и что еще въ верховьяхъ Иртыша встрѣчаются явные слѣды ихъ (Ж. М. Н. Пр. 1851 г. Май от. VII стр. 69). Но позднѣйшія изслѣдованїя колеблутъ это мнѣніе, довольно распространенное между учеными. Г. Европеусъ во всемъ приалтайскомъ краѣ, по самымъ подробнымъ картамъ не нашелъ ни какихъ югорскихъ названїй мѣстностей (стр. 57). Кажется онъ хочетъ вывести ихъ изъ европейской Россїи, если можно дѣлать такое заключенїе изъ его словъ, что „подъ названїемъ Югры русская лѣтопись упоминаетъ объ Остякахъ по Печорѣ еще въ 1187 году“ (стр. 60). Нынѣшнее наименованїе этого народа онъ находитъ имѣющимъ лишь мѣстное значенїе, ибо считаетъ его происшедшимъ отъ югорскихъ As—jash, т. е. люди рѣки Оби as—Объ рѣка и jash человекъ). Въ прежнее же время думали, что имя Остяковъ есть новое татарское, данное по покоренїи Сибири Татарами въ XIII вѣкѣ и означавшее люди дикїе (Уштяки). Карамз. т. 1. пр. 73.

Кромѣ Зырянъ и Югры въ древней Біарміи обитало еще племя не относящееся къ вѣтви финскихъ народовъ, а занимающее средину между югорскими и монгольскими народами: это Самоѣды.

Теперь, какъ извѣстно, Самоѣды раздѣляются на нѣсколько народовъ, и представителей однихъ и тѣхъ же родовъ можно встрѣтить у здѣшнихъ и сибирскихъ Самоѣдовъ; что свидѣтельствуешь объ единствѣ ихъ происхожденія.

Во время Карамзина думали, что европейскіе Самоѣды были изгнаны изъ Сибири Татарами (Карамз. Т. II пр. 61), А Кастрень нашель, послѣ долгихъ изслѣдованій, что Самоѣды вышли первоначально, изъ Саянскихъ горъ, пли верховьевъ рѣчной системы Енисея. (Ж. М. Н. Пр. 1851 Май отд. VII стр. 68).

Желаніе объяснить значеніе имени Самоѣдовъ породило множество безплодныхъ научныхъ толковъ. Производили это названіе и отъ самъ одинъ, т. е. самъ одинъ, и отъ семгоѣдъ, т. е. рыбоѣдъ, отъ сыроѣдецъ, и отъ слова самъ себя ѣдящій (людоѣдъ) и наконецъ отъ финскаго Семе, но ни на чемъ, кажется, не остановились. Изъ всѣхъ этихъ производствъ, мы думаемъ самое правдоподобное послѣднее. „Лопари сами себя называютъ Семе, или Согмалйсетъ, т. е. жители болотъ, отъ суо-болото, а свою страну Самеядною. Въ первое время, когда были покорены Лопари и нынѣшніе Самоѣды, русскіе, не зная ихъ языка, считали оба эти народа за одинъ, потому что по образу своей жизни и по наружному виду, тѣ и другіе мало различались. Вслѣдствіе этого, русскіе называли Самоѣдовъ Самоядью, т. е, тѣмъ же самымъ именемъ которое принадлежало Лопарямъ“. (Вережгинъ. Очерки Арх. губ.) Такое смѣшеніе именъ могло произойти тѣмъ легче, что въ тѣ отдален-

ныя времена область распространения Лопарей и Самоѣдовъ была несравненно шире, нежели нынѣ, и при томъ эти народы жили рядомъ, а не на противоположныхъ концахъ нашего края, какъ теперь. Мы имѣемъ нѣсколько доказательствъ въ пользу того, что Самоѣды нѣкогда сходились съ Лопарями. Такъ Татищевъ говоритъ, что Самоѣды живутъ отъ Двины до Уральскихъ горъ, а переходятъ на западъ до Лапландіи, а на востокъ до р. Лены (Лепех. IV, 389).

Свидѣтельство духовнаго завѣщанія св. Лазаря, основателя Муромскаго монастыря на Онежскомъ озерѣ въ этомъ отношеніи еще болѣе важно; онъ пишетъ: „А живущіе тогда около озера Онего именовались Лопяне и Чудь“ и далѣе: „Лопяне и Самоѣды отыдоша отъ мѣста сего въ предѣлы океанъ-моря“. Авторъ статьи **Чудскіе памятники въ Олонецкой губ.**, приводящій эти мѣста, удивляется отождествленію именъ Чуди, Лопи и Самоѣды, свидѣтельствующемъ о сбивчивыхъ этнографическихъ понятіяхъ преподобнаго, однако утверждаетъ, что племя Самоѣдское „соприкасается къ сѣверовосточнымъ частямъ Пудожскаго уѣзда, у Криваго пояса, и могло нѣкогда обитать ближе къ Онежскому озеру“ (Иам. Кн. Олоц. Ст. Ком. на 1867 г. стр. 108—109). Вѣроятно, словомъ соприкасается авторъ упомянутой статьи хотѣлъ сказать, что Самоѣды доходятъ до Криваго Пояса, во время своихъ ежегодныхъ странствованій въ Петербургъ; иначе нельзя объяснить словъ его.

Пребываніе Самоѣдовъ въ Онежскомъ, Кемскомъ и Архангельскомъ уѣздахъ, по словамъ Европеуса, интереснымъ образомъ подтверждается названіями, встрѣчаемыми тамъ, наприм. Самоѣдскій боръ въ Вонгудской деревни, Кокоринской волости Онежскаго уѣзда, озеро Самоѣдско, Нюхотской волости,

Кемскаго уѣзд., пожня Самоѣдки Арх. уѣзда, Вознесенской волости и пр. „Во всякомъ случаѣ, пишетъ онъ, Самоѣды тамъ не могли жить долго, и въ большемъ числѣ, такъ что не въ состояніи были привести въ забвеніе у мѣстныхъ жителей югорскихъ названій мѣстностей и сами не могли оставить по себѣ почти никакихъ явно самоѣдскихъ именъ мѣстъ, кромѣ вышеприведенныхъ. Еще можетъ быть названіе рѣки Вонгуда есть самоѣдскаго происхожденія, но такіа названія требуютъ особаго изслѣдованія“.

Повидимому, такому широкому распространенію Самоѣдовъ противорѣчатъ рассказы повгородца Роговича и Ладожанъ, которые помѣщаютъ это племя рядомъ съ Югрой, между Печорой и Уральскимъ хребтомъ, т. е. почти тамъ, гдѣ и нынѣ оно обитаетъ. Но, въ этихъ рассказахъ указывается только главный центръ Самоѣдовъ въ тундрахъ Почорскаго края, и на основаніи ихъ нельзя отрицать движеній этого кочеваго племени отъ центра его пребыванія въ обѣ стороны: вдоль нынѣшней Архангельской губ. до жилищъ Лопарей и за Уральскій хребетъ, въ особенности, если мы примемъ во вниманіе теперешнія его ежегодныя передвиженія, несмотря на значительную густоту населенія на Сѣверѣ, противъ прежняго.

У Самоѣдовъ, какъ мы видѣли въ началѣ статьи, сохранились преданія о ближайшихъ своихъ сосѣдяхъ, Чуди; но, какъ у племени кочеваго, они не могли не сдѣлаться сбивчивыми. Чуди они придали одно и тоже имя, что и духамъ, покровителямъ отдѣльныхъ предметовъ: Сирте, и поэтому смѣшиваютъ Чудъ съ духами невидимками. А это ведетъ къ тому, что мы получаемъ противорѣчивыя указанія на счетъ обитателей древнихъ пещеръ, находящихся въ Запечорскомъ Краѣ. Такъ

въ IV' книгѣ Путевыхъ Записокъ Лепехина на 203 стр. читаемъ: Русскіе называютъ свои домовища (т. е. пещеры) чюдскими жилищами. Сіи запустѣвшія жилища, по мнѣнію Самоѣдовъ, принадлежатъ нѣкоторымъ невидимкамъ, собственно называемымъ по самоѣдски Сиртѣ. Слово Сиртѣ, по разумѣнію Самоѣдовъ, означаетъ людей живущихъ въ тѣхъ пещерахъ и упражняющихся въ промыслахъ невидимо отъ прочихъ, вѣдомыхъ же и знаемыхъ одиѣмъ ихъ Тадибеямъ" (шаманамъ). На стр. же 263 написано: „Невидимокъ Сиртѣ у Самоѣдовъ нѣтъ, а такъ называютъ они жившій въ древности народъ Чудь, коему они нынѣ невидимаго бытія равно и обращенія съ Тадибеями не приписываютъ“. Кастренъ, однако, нашелъ у Самоѣдовъ, какъ мы видѣли раньше, слово Сиртѣ въ смыслѣ невидимыхъ духовъ.

Въ той же книгѣ мы находимъ извѣстіе, что Самоѣды не имѣютъ въ своемъ языкѣ собственныхъ именъ главныхъ рѣкъ, протекающихъ въ ихъ землѣ, Мезени и Печоры; „сіи рѣки называютъ они по русскійски; изъ того явственно кажется сіе, что прежде поселенія Самоѣдовъ въ сей странѣ, земля сія подъ русскійскою властію уже состояла“ (стр. 204).

Позднѣйшіе изыскатели, давность пребыванія Самоѣдовъ въ тундрѣ основываютъ именно на самоѣдскихъ названіяхъ мѣстностей. „Всѣ почти урочища въ Большеземельской тундрѣ носятъ названія, заимствованныя изъ языка Самоѣдовъ и большею частію составлены изъ прилагательнаго и словъ: яга (рѣка), то (озеро), сѣда (сопка), со-ты (хребетъ) и т. д. и только въ послѣднее время вмѣстѣ съ Зырянами появились въ тундрѣ и зырянскія названія урочищъ, такъ что теперь не рѣдко рѣка, сопка или хребетъ называются са-

моѣдскимъ именемъ и оканчивается словомъ яга, сѣди, соты, а между тѣмъ имѣть и зырянское окончаніе на ю (рѣка), мылькъ (сопка), мусюръ (хребетъ) и т. д; но такихъ двойныхъ именъ очень мало и только употребляютъ ихъ Зыряне между собою, большая же часть урочищъ носитъ самоѣдскія названія“ (Самоѣды Иславина 16 стр).

Нынѣ Европеусъ нашелъ въ Самоѣдскихъ краяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, немало названій чисто чудскихъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Вотъ все, что можно было сказать о происхожденіи и этнографическомъ распредѣленіи Самоѣдскаго племени, повидимому неиграваго ни какой роли въ исторіи Біарміи. Теперь переходимъ къ финскимъ обитателямъ западной части Біармінъ, къ Лопарямъ и Кореламъ.

Нынѣ Лопари занимаютъ, сравнительно съ прежнимъ, небольшое пространство; они ведутъ полукочевую жизнь по всему Лапландскому полуострову, раздѣляясь на Терскихъ, которые обитаютъ на Терскомъ берегу до св. Носа и на Мурманскихъ, на берегу этого имени, отъ св. Носа до самой Норвегіи. Лопари, какъ извѣстно, занимаютъ также провинцію Финмаркенъ въ Норвегіи и три прихода на самомъ крайнемъ сѣверѣ Финляндіи за 68 град. сѣверной широты. Часть терскихъ Лопарей отказалась отъ подвижной жизни и поселилась въ маленькихъ курныхъ избахъ, при русскихъ селеніяхъ этого берега, начиная съ Пялицы, расположеннаго на рѣкѣ того же имени, и далѣе до Попоа. Ближе къ западу отъ Пялицы ихъ нѣтъ; хотя въ „спискѣхъ населенныхъ мѣстъ Архангельской губ.“ упоминаются Вялозерскіе Лопари, при Вялозерѣ, въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ Кузрѣки и къ сѣверо-востоку отъ Умбы, но это неправильно; тамъ „исконъ-вѣки,“ живутъ чистые Кореляки,

какъ они сами говорили г. Европеусу, посѣтившему ихъ въ 1858 году. Въ древности Лопарское племя занимало гораздо обширѣйшій районъ; въ историческое время Россіи оно доходило до нынѣшней Петербургской и Новгородской губ.; если судить по именамъ мѣстностей.

Изъ письменныхъ памятниковъ мы знаемъ слѣдующее на счетъ распространенія Лопарей. Въ Уставѣ о мостовыхъ Ярослава Мудраго, одна изъ новгородскихъ областей называлась: Лопская; эта самая область въ писцовыхъ книгахъ 1500 г. именуется Егорьевскимъ Лопскимъ погостомъ. По Кеппену, это самая восточная часть Шлиссельбургскаго уѣзда, къ западу отъ рѣки Лавы и по берегу Ладожскаго озера до самаго Орѣшка. Нынѣ тамъ пять деревень, которыя называются Lopp-kolkat.e. Лопскій край. Въ писцовыхъ же книгахъ 1500 г. упоминается волостка Малая Лопца, стоявшая въ тогдашнемъ Ладожскомъ уѣздѣ, отдѣльно отъ погостовъ по р. Лавѣ (Водь и Вотская пятина Кеппена 1851 г. V, 61 стр. и О пятинахъ Новгор. Цеголина страница 124).

Въ XIV стол. Лопь обитала еще по берегамъ Онежскаго озера у Муромскаго Онежскаго монастыря, какъ сказано было ранѣе, и оттуда она вмѣстѣ съ Самоѣдами „отъидоша въ предѣлы океанъ-моря“.

Жалованныя грамоты и другіе письменные акты первой четверти XVI вѣка упоминаютъ о лѣшней и дикой Лопи на берегахъ рѣкъ нынѣшняго Кемскаго уѣзда: Шуи, Кеми, Нивы, впадающей въ Кандалажскую губу при Кандалакшѣ, и вообще на берегахъ Кандалакской губы. Въ это время она тянула вмѣстѣ съ Корельской землей къ Корѣльскому городу (такъ назывался въ старину Кексгольмъ), а съ начала XVII ст., съ перехо-

домъ г. Корвлы къ Шведамъ, управленіе южными Лопскими погостами сосредоточено было въ г. Олонекѣ. Этихъ лопскихъ погостовъ было семь: 1) Линдозерскій, при озерѣ того же имени, черезъ которое протекаетъ р. Суна; 2) Селецкой, при озерѣ того же имени; 3) Паданскій, при озерѣ Сигѣ, или Сегозерѣ; 4) Панозерскій, при р. Кеми; 5) Револьской, или Ребольской при озерѣ Лекшѣ; 6) Шуерѣцкой, близъ озера Шуи, и 7) Орезерской, при оз. Сусъ (О пятин. Новгор. стр. 217, 229; Водъ Кеппена стр. 111). Изъ числа поименованныхъ, Панозерскій погостъ даже въ 1770 г., въ указѣ Олонецкой Духовной Консисторіи, названъ Лопскимъ (Труд. Арх. Ст. Ком. за 1865 г. кн. 2, стр. 108). Въ настоящее время мѣста этихъ погостовъ можно отыскать въ Кемскомъ уѣз. Архангельской губ. и отчасти въ Олонецкой губ. Но нынѣ они заняты Корелами, а Лопарей тамъ вовсе нѣтъ.

И въ Финляндіи древнѣйшими обитателями были Лопари. Но мало по малу они принуждены были уступать мѣста племенамъ Финновъ, т. е. Суми, Еми, Квенамъ и Кореламъ, при чемъ все болѣе и болѣе подвигались на сѣверъ. Еще въ концѣ XIII ст. Лопари заселяли внутреннюю часть этой страны, Тавастландію, и южныя части Остерботніи. Мѣстные преданія и письменные документы свидѣтельствуютъ, что въ древнія времена финны, въ особенности корельскаго племени, часто совершали походы и набѣги на Лапландію для добычи. Намеки и ссылки на сраженія финновъ съ Лопарями есть даже въ древнѣйшей поэмѣ Калевалѣ. Въ болѣе позднее время, какъ видно также изъ преданій и письменныхъ памятниковъ, при смутахъ или въ неурожайные годы, многія финскія семейства переселялись въ Лапландію мирнымъ

путемъ. Если при избраніи мѣста поселенія, случались споры съ лопарскими владѣльцами, то они кончались послѣ небольшихъ схватокъ. Отъ этого многія мѣста въ сѣверной Финляндіи доселѣ сохранили названія: Riita-saari (спорный островъ,) Feга jaгwі (спорное озеро) и т. п. Такимъ образомъ на берегахъ Торнео и Кеми образовались цѣлыя колоніи, состоящія изъ смѣси Кореловъ, Саволаковъ и Лопарей.

Въ предѣлахъ нынѣшняго Кемскаго уѣзда совершались тѣже враждебныя и потомъ мирныя вторженія Кореловъ въ страну Лопарей, какъ и въ Финляндіи. Они окончились или совершеннымъ слитіемъ лопарскаго элемента съ корельскимъ и уничтоженіемъ перваго, какъ напр. въ тѣхъ погостахъ, имена которыхъ приведены выше, или значительнымъ измѣненіемъ типа туземцевъ. По словамъ Кастрена, въ южной части Кемскаго уѣз. весьма замѣтна смѣсь Лопарей съ Корелами, проявляющаяся столько же въ языкѣ, сколько въ самомъ обликѣ, образѣ жизни и нравахъ: такъ наприм. Лопари въ Манзелкѣ отличаются и ростомъ и фizioномією и голосомъ отъ другихъ своихъ соотечественниковъ (Ж. М. Н. Пр. 1837 г. № 8, отд. V стр. 422. 1839 г. № 11, отд. V ст. 1 Арх. губ. вѣд. 1853 года № 20).

Русскіе также издавна вторгались въ страну Лопарей. Если вѣрить одному руническому памятнику, говоритъ Карамзинъ, то Россія уже при Владимірѣ граничила въ Лапландіи съ Норвегією (Т. 1 пр. 493). Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что во время княженія Ярослава Мудраго русскіе вели уже борьбу съ финнами, въ которой не могли не принимать участія и Лопари. Въ половинѣ XIII столѣтія Коло и Теръ считались уже новгородскою волостью и Лопари раздѣлялись

на порвежскихъ и русскихъ, которые взаимно другъ друга грабили; при чемъ финмаркенскіе нападали и на Корель.

Побѣда русскихъ надъ Лопарями окончилась обрусеніемъ значительной доли послѣднихъ. Это въ особенности замѣтно на русскихъ Терскаго берега, напр. въ с. Поноѣ, между которыми встрѣчаются личности совершенно лопарскаго типа и съ лопарскимъ выговоромъ, а также на Лопаряхъ, живущихъ въ становищахъ между св. Носомъ и Колою, у которыхъ нерѣдко можно встрѣтить русскія физіономіи.

Имя Лопи, или Лопарей есть финское *Lappi*, или *Lorpi*, что означаетъ по фински конецъ, или народъ отдаленный, живущій на концѣ земли. Это имя сдѣлалось даже браннымъ между финнами; наприм. Водь Петербургской губ. своихъ сосѣдей Савакотовъ и Ягрмейзетовъ, за ихъ грубость и невѣжество, дразнить *Lappalakot*. Впрочемъ и Лопари въ свою очередь врага или подозрительнаго человека называютъ *tjude* и *wassjolats* (тьюде, вашь-сладтшъ). Поэтому надобно полагать, что Водь, или *Watjalaiset*, какъ и Чудь, когда нибудь непріязненно сталкивалась съ Лопарями (Финск. Вѣст. 1845 г. Т. 4 стр. 2).

Если Мурманскіе Лопари забыли о Чудѣ, то Терскіе очень хорошо помнятъ о ней, называя ее, Чутте. По ихъ историческимъ сказкамъ, Чутте сильно мучила и убивала Лопарей, гдѣ только было возможно. Но Лопари въ своихъ разсказахъ не смѣшиваютъ Чуди съ Корелами. Такъ напр. Вязозерскихъ Корель, Лопари, по словамъ Европеуса, совершенно отличаютъ отъ Чуди, которая бы-

ла „некрещеная дичь“, какъ сказывали тамошніе жители.

У Финновъ, живущихъ въ Финляндіи, сохранились живыя преданія о Лопаряхъ, пигмеехъ сѣвера и о Хижи, или Хидеть, злыхъ исполинахъ. Эти преданія можно найти въ сочиненіяхъ Кастрена. Корелы вѣроятно также помнятъ о Хижи. По крайней мѣрѣ къ югозападу отъ Нюхчи и къ югу отъ Сумскаго посада сохранилось ихъ имя въ названіи озера Хижозеро.

Лопари, пишетъ г. Европеусъ, конечно жили въ старину по всей Финляндіи; но они не могли быть осѣдлыми обитателями ея и поэтому почти не оставили названій мѣстностей собственно лопскаго происхожденія, а только имена мѣстностей, сложныя съ именемъ Лопи, напр. Lapiu jagni, лопарское озеро; Lapiu niemi—мысъ лопарскій, Lapiu lahti—лопарскій заливъ и пр.; ихъ множество вездѣ по Финляндіи. Изъ этого видно, что Лопари только проходили чрезъ Финляндію и во время переселенія финновъ всегда отступали передъ ними на сѣверъ.

Въ южной части Кемскаго уѣзда Лопари оставили по себѣ память и въ русскихъ названіяхъ мѣстностей и въ лопарскихъ. Въ Колежемской волости и деревни есть напр. **Лопской островъ**; имена р Нюхчи на границѣ съ Онежскимъ уѣз. и Кочкамъ озера чисто лопарскія; **нюхче** значитъ лебедь, а **кочкамъ**—орель. Даже въ Холмогорскомъ уѣз., близъ с. Емецка, есть названіе озера **Лопъ озеро**.

Какъ Финны тѣснили Лопарей на сѣверъ и превворяли ихъ въ себя, такъ въ свою очередь и сами Финны подвергались давленію русской націо-

нальности, которая отчасти ассимилировала ихъ, отчасти заставляла отступать внутрь страны. На западномъ берегу Бѣлаго моря находятся теперь преимущественно русскія деревни; но названія многихъ изъ нихъ указываютъ на ихъ финское происхожденіе. Помнятъ еще, что нѣкоторыя деревни были прежде населены Кореляками. По мнѣнію Кастрена, финское населеніе Бѣломорскаго побережья поглощено русскою народностію. Подтвержденіе этому онъ находитъ какъ въ финскомъ облигѣ русскихъ поморовъ, такъ и въ финизмахъ ихъ языка. Г. Европеусъ говоритъ, что чистые Кореляки, живущіе близъ Вялозера (по корельски озеро это Віелярви), сильно поддались вліянію русскаго элемента: языкъ ихъ чрезвычайно смѣшанъ съ русскими словами, брались они всегда по русски и говорили русскимъ языкомъ во всѣхъ болѣе торжественныхъ случаяхъ. Тоже самое замѣчено и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Корелы.

Въ древности Корелы жили вокругъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ; нынѣ въ Олонецкой губ. обитаютъ только въ Олонецкомъ, Повенѣцкомъ и Лодейно-польскомъ уѣздѣ, въ Петербургской губ. осѣдло не живутъ, а приходятъ временно изъ Финляндіи и извѣстны тамъ подъ именемъ Каряковъ. Въ Олонецкой губ. значительная часть русскаго населенія обрусѣвшіе Корелы и Чудь. (Памят. кн. Олон. ст. ком. на 1865 г. стр. 105).

По историческимъ извѣстіямъ, корельское племя было издавна дѣятельнымъ союзникомъ Новгородцевъ и отбивало нападенія своихъ соплеменниковъ Еми, а также Шведовъ на новгородскія области и это продолжалось до раздѣленія Корелы между русскими и шведами. Въ первый разъ о Кореляхъ

упоминають лѣтописи не ранѣе половины XII вѣка, по случаю ополченія ихъ за Изяслава Мстиславича. Въ 1143 г. Корела вмѣстѣ съ Новгородцами ходила на Емь, въ отмщеніе за нападеніе Еми на Ладогу. Въ 1191, 1228, 1241, 1253 г. происходила также между Корелой и Емью борьба и взаимныя вторженія въ непріятельскіе предѣлы. Но въ 1314 г. Шведы, противъ подданныхъ, которыхъ, т. е. Емь, держались до тѣхъ поръ Корелы, успѣли составить для себя партію, которая перебила русскихъ въ Корельскомъ городкѣ и передала этотъ городъ Шведамъ; впрочемъ, Корелы скоро покорились русскимъ и измѣнники были казнены. Какъ только, въ половинѣ XIV в., часть Корелы была покорена Шведами, съ тѣхъ поръ Кореляки сдѣлались орудіемъ вражды ихъ двухъ владѣтелей и должны были вести междуусобную войну. Шведы съ своею Корелою воевали Корелу Обонежскую, а новгородцы съ Обонежскою воевали Городецкую или Нѣмецкую Корелу. И послѣ этого много разъ до начала XVI ст. Корелы принуждены были участвовать въ походахъ русскихъ на шведскихъ финляндцевъ, а финляндцы нападали на Корелу и Поморье, входя туда обыкновенно рѣкою Кемью, а иногда и Ковдою (Сѣвер. рус. народопр. Т. 1 стр. 406—407 Тр. Арх. ст. ком. за 1865 г. кн. 2 стр. 67).

Если русскія лѣтописи ничего не говорятъ о національной борьбѣ Корель Архангельской губ. съ новгородцами, то о ней свидѣлствуютъ названія лѣтописей. Всѣмъ финнологамъ: Шегрену, Кастрену и Европеусу извѣстно, что по всему Поморью почти до самаго города Онеги встрѣчаются во множествѣ чисто корельскія наименованія мѣст-

ностей. Даже весь берегъ отъ угла Кандалакской губы Бѣлаго моря оконечности губы до Онежской называется нынѣ Корельскимъ, а въ старину подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ берегъ Лѣтній отъ Корельскаго, или Западнаго устья Двины, гдѣ находится Николаевскій Корельскій монастырь, по направленію къ г. Онегѣ. Въ разныхъ мѣстахъ Архангельской губ. немало названій съ именемъ Корельскій, Корелка и т. п. Такъ въ Архангельскомъ уѣз. Рикасовской волости поля на Корельскихъ, Вознесенской волости въ дер. Федоровской рѣка Корелка, Холмогорскаго уѣз. на Налѣ-островѣ ельникъ Корельской, пожня Корелки, Онежскаго уѣз. Наволоцкой волости при рѣкѣ Онегѣ островъ Кореловской, Кокоринской волости поле Старокорельско; гора Корельска, перелѣсокъ Корельскій, Кемскаго уѣзда Кестенской волости озеро Корельско. Изъ деревень съ именемъ Корельское намъ извѣстны: въ Арх. уѣз. двѣ: одна близъ устья рѣки Двины, другая на лѣвой сторонѣ р. Уймы, въ Онежскомъ уѣз. въ Наволоцкой и Кокоринской вол. при р. Онегѣ, даже въ Пинежскомъ уѣз. въ Юрольской волости одинъ изъ поселковъ деревни Вотчины—Монастыря называется Корела, или Корельская гора. По спискамъ насел. мѣстъ Арх. губ. Корелы донинѣ живутъ отдѣльно въ Архангельскомъ уѣз. по берегамъ озера Холмскаго, въ 16 вер. отъ губернскаго города, въ деревняхъ: Захарова гора, Ребальская гора, Средняя гора и Первая гора, а въ Онежскомъ уѣз. въ смѣси съ новгородцами у Онежской губы по рр. Тамицѣ и Кяндѣ, въ селеніяхъ: Покровскомъ, Тамицкомъ, Кяндѣ и Нижмозерскомъ; въ этомъ же уѣз. указано село Кореловъ совершенно обрусѣвшее: Пурнима при р. Пурнемѣ (стр. XVI—XVII).

Но всё эти, повидимому прочные факты, не дают основанія заключать о сплошномъ населеніи корельскомъ, или собственно финскомъ, въ Заволочьи, какъ прежде думали всѣ ученые, въ томъ числѣ и г. Европеусъ. Списки названій мѣстностей и карты Архангельской губ., доставленные г. Европеусу, дали возможность прійти къ такому прочному заключенію, что въ старину на востокъ отъ рѣки Онеги не было никакого сплошнаго корельскаго или собственно-финскаго населенія, кромѣ небольшой колоніи корельской около устья Двины, гдѣ находятся три или четыре деревни съ названіемъ корельская, а есть еще Каукола и Ластола чисто корельскія названія, въ русскомъ переводѣ: Дальнина и Щепкина. Даже при р. Онегѣ были только отдѣльные поселенія, которыя тамъ лучше всего означаются именемъ: Корельскія. Деревни съ этимъ названіемъ встрѣчаются при сказанной рѣкѣ не только въ предѣлахъ Архангельской но и Олонецкой губерніи. Самое вѣрное чисто финское названіе на востокъ отъ р. Онеги это названіе Соегра, озера и деревни на южномъ берегу онаго, на самой срединѣ пути между Каргополомъ и Шенкурскомъ. Русскіе придали этому округу, при которомъ въ древнія времена существовала корельская колонія, названіе: Мошинское, отъ мохъ, мшистое или болотистое озеро. Но корельски Соегра значитъ болото-озеро, отъ слова суо-болото, которое встрѣчается только въ финскомъ языкѣ, а егра—озеро, старинная форма слова *jaŋvi* отъ *jaŋgi*, которое по звуковымъ законамъ финскаго языка произошло отъ *jaŋgi*. Между Мошинскимъ озеромъ и р. Онегою, всѣ старинныя названія, а также къ востоку на Шенкурской сторонѣ югорскаго про-

исхожденія; этимъ явно доказывается отдѣльность мошинской финской колоніи.

Если выводъ г. Европеуса на счетъ незначительности корельскихъ колоній въ Заволочьи вѣренъ, въ чемъ трудно сомнѣваться, то большая часть названій финскихъ урочищъ и пр., а также фамилій крестьянскихъ: Корельскій не надобно объяснять туземнымъ ихъ происхожденіемъ, какъ это часто и теперь дѣлается. До сихъ поръ народъ выводитъ лицъ, носящихъ фамилію Корельскихъ, изъ Корелы, т. е. считаетъ ихъ пришельцами отсюда; а названія нѣкоторыхъ мѣстностей данными отъ этихъ выходцевъ. Такъ напр. въ с. Курьи, въ 9 верстахъ отъ Холмогоръ, есть крестьяне Корельскіе. По преданію, они вышли изъ Корельскихъ помѣстій Соловецкаго монастыря и водворены были въ старину при существовавшемъ нѣкогда въ Курьѣ Соловецкомъ подворьи, въ качествѣ служителей. По закрытіи же подворья эти поморяне-Кореляки остались здѣсь на монастырской землѣ, принявъ прозвище Корельскихъ (Рук. оп. прихода свящ. Таратина). Корельскій берегъ, или нынѣшній Лѣтній, получилъ свое названіе, по словамъ Молчанова, отъ того, что на немъ селились жители выѣзжіе изъ Корелии (Опис. Арх. губ. стр. 108).

На этомъ же самомъ берегу лежатъ тѣ деревни Архан. и Онежскаго уѣз., о которыхъ въ „Спискахъ насел. мѣстъ“ сказано, будто въ нихъ живутъ Корелы, сохранившіе еще національныя особенности. Смѣло можемъ сказать на это, что въ упомянутыхъ уѣздахъ нѣтъ ни одного туземнаго Корела, сохранившаго свою народность. Напротивъ, тамошнее населеніе ни въ

чемъ не отличается отъ жителей другихъ мѣстностей Архангельской губ. Мы не знаемъ, дѣйстви-тельно ли было когда либо во всѣхъ упомянутыхъ селахъ корельское населеніе, но что оно когда-то существовало въ Нижмозерскомъ селеніи, это намъ извѣстно; и вотъ какъ оно попало туда. Сначала, говорить народное преданіе, въ Нижмозерѣ жила Чудь. Старожилы и теперь показыва-ютъ мѣста, которыя она занимала, именно на по-ляхъ за церквами, въ южную сторону, мѣстность подъ названіемъ дворище и около Унскаго озера. Впослѣдствіи стали приходить изъ Новгорода и изъ Корелы поселенцы и селились тутъ же. Та-кимъ образомъ нынѣшніе Нижмозеряне производятъ себя отъ трехъ племенъ: Чуди, Новгородцевъ и Кореляковъ (Рукоп. опис. прих. священника Дьячкова.)

Вѣроятно такимъ же образомъ можно было бы, послѣ тщательныхъ розысканій народныхъ преда-ній, объяснить названія и многихъ другихъ мѣст-ностей, съ которыми память народная соединяетъ имя Корель.

Изъ переданнаго преданія видно и то, что рус-скій народъ, какъ и Лопари, совершенно отлича-ютъ Корель отъ Чуди. Тоже самое подтвержда-ютъ и разныя названія мѣстностей, напр. суще-ствованіе противъ г. Холмогоръ на Нальѣ остро-въ, рядомъ озера и пожни Корелки, озера же Чю-динска и пожни Чюдинихи.

О первобытной родинѣ финновъ вопросъ поло-жительно не разрѣшенъ. Кастрентъ, внимательно слѣдившій за ихъ переселеніями, находилъ, что крайніе слѣды ихъ теряются въ Саянскихъ и Алтайскихъ горахъ. „Еще понынѣ, писалъ онъ,

здѣсь Татары рассказываютъ о свѣтло-окомъ племени Аккаракъ, которое искони жило въ этихъ странахъ и вѣроятно воздвигло могильный насыпи, повсюду встрѣчаемыя въ здѣшнихъ степяхъ. Согласно съ этимъ преданіемъ и китайская исторія повѣствуетъ, что какой-то свѣтловолосый народъ некогда жилъ къ сѣверу отъ горы Тангу-Олы (къ югу отъ Енисея близъ Саянскихъ горъ), тогда какъ къ югу отъ нея будто-бы жили Тураны. Подъ именемъ свѣтловолосаго народа надобно, по всей вѣроятности, разумѣть финновъ. Замѣчательно тоже, что въ побережьи Иртыша есть мѣсто, называемое Суми,—имя чрезвычайно сходное съ названіемъ Финляндіи на туземномъ языкѣ: Суоми. Кромѣ того въ означенномъ краѣ попадаются и другія мѣстные названія, которые встрѣчаются и въ Финляндіи, и именно въ финскомъ языкѣ находятъ себѣ объясненіе. Рѣку Енисей Татары зовутъ Кемь, а этимъ самымъ именемъ называются многія рѣки какъ въ Финляндіи, такъ и въ русской Карелии. Слово это въ нашихъ нарѣчіяхъ является въ различной формѣ: Кемь, Кеми, Кюми, и означаетъ по фински: большую рѣку или мать рѣку. Къ системѣ Енисея принадлежатъ побочныя рѣки: Симъ, Ія, Юсь—названія удивительно сходныя съ именами финляндскихъ рѣкъ: Симо и Йоки, встрѣчающимися тоже въ странѣ, гдѣ протекаетъ Кеми, въ сѣверной Остроботніи. Въ числѣ другихъ притоковъ Енисея заслуживаютъ вниманія Оя, имя, на финскомъ языкѣ означающее ручей; Яга, сходное съ финскимъ Йоки и шведскимъ йога (рѣка), Колва, названіе, встрѣчающееся также въ Финляндіи, въ Пермской и Архангельской губ. и значащее по фински: рыбистая вода. При истокахъ Ени-

сея возвышаются одна надъ другой двѣ горныя вершины. Высшую вершину татары зовутъ Кюрку, а низшую Аля,—названія, невольно напоминающія финскія слова: коркіа, высокій, и аля низкій. Если которое вѣбудь изъ этихъ названій и можетъ быть выводимо изъ татарскихъ языковъ, то во всякомъ случаѣ существованіе однозвучныхъ словъ въ Финляндіи и на Алтаѣ доказываетъ, что между языками финскими и алтайскими есть родство и что слѣдовательно финны на занимаемыхъ ими нынѣ жилища пришли съ Алтайскаго хребта. Оставляя въ сторонѣ разныя другія доказательства, которыя можно бы привести въ подкрѣпленіе моего мнѣнія о выходѣ финновъ изъ Алтайскаго края, упомяну только одно важное обстоятельство: отдѣльныя отрасли финскаго племени можно еще и нынѣ найти въ близи первобытныхъ его жилищъ. Ихъ обыкновенно означаютъ именами Остяковъ и Вогуловъ, но иногда даютъ и общее названіе Угровъ или Югровъ. Въ настоящее время эти народы занимаютъ все низовье рѣкъ Оби и Иртыша, но еще и въ верховьяхъ Иртыша встрѣчаются явные слѣды ихъ. Самое названіе Угровъ, или Югровъ они получили, вѣроятно, во время жительства по верхнему теченію Иртыша. Здѣсь изстари обиталъ турецкій народъ, называвшійся Огуръ, или Йогуръ, и близость финскаго племени, вѣроятно, была причиною, что иноземцы стали смѣшиваться съ турецкими Уграми. Впрочемъ, не одни Остяки и Вогулы получили это названіе: имя Венгровъ (Угровъ), данное Мадіарамъ, произошло такимъ же образомъ; да и самый народъ Венгерскій долженъ ближайшими соплеменниками своими считать Остяковъ и Вогуловъ". (Ж.

М. Н. Пр. 1851 г. Май отд. VII стр. 68—69).

Какъ бы въ отвѣтъ на эти слова, г. Европеусъ говоритъ въ своей статьѣ „о народахъ въ средней и сѣверной Россіи до Славянъ“ что во всемъ приалтайскомъ краѣ, по самымъ подробнымъ картамъ, нѣтъ никакихъ собственно венгерскихъ, ни другаго рода финско-венгерскихъ названій мѣстностей (стр. 57).

Есть еще мнѣніе о первоначальномъ пребываніи нѣкоторыхъ финновъ, именно Лопарей, въ западной Европѣ. По разнымъ вещественнымъ памятникамъ быта, ученые открыли между первобытными народами племя весьма приближающееся своими антропологическими особенностями къ Лопарямъ. Это племя, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, кочевало по западной Европѣ, со своими стадами оленей. Но мнѣніе о финскомъ происхожденіи упомянутаго племени раздѣляется не всеми учеными, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Самое достовѣрное мнѣніе о Лопаряхъ и финно-венгерцахъ то, которое составлено на основаніи названій мѣстностей и по которому мѣстопробываніе Лопарей и другихъ финновъ опредѣляется только въ предѣлахъ Сѣверной Европы. Оно указываетъ положительно только на пребываніе Лопи несравненно южнѣе теперешнихъ мѣстъ жительства ея: по всей Финляндіи, возлѣ Онежскаго и Ладожскаго озеръ, на движеніе ея къ сѣверу, во время переселенія финновъ а на встрѣчу послѣднимъ остатковъ древнѣйшихъ обитателей Сѣвера Югры.

Посмотримъ же, что говорятъ названія мѣстностей о географическомъ распредѣленіи и о движеніяхъ Югры, по изслѣдованіямъ г. Европеуса и другихъ ученыхъ.

Самый конечный предѣлъ Архангельской губ. служить первымъ указателемъ пребыванія тамъ Югры. Мы говоримъ о Югорскомъ ширѣ, нынѣ главнымъ пунктъ мѣновой торговли русскихъ съ отдаленными Самоѣдами. Между мѣстными жителями Запечорскаго края существуетъ преданіе, что названіе свое этотъ проливъ получили именно отъ народа Югры, обитавшаго близъ береговъ его до переселенія Самоѣдовъ изъ за Урала въ Большеземельскую тундру (Арх. губ. вѣд. 1867 № 78). Въ грамотахъ XVII ст. мы находимъ названіе югорскихъ Самоѣдовъ. Конечно, это имя дано отъ кочеванія у Югорскаго шара, можетъ быть, послѣ Югры. Часть южнаго берега Карскаго моря, противъ Югорскаго шара, носитъ тоже названіе Югорскаго, равно какъ и вся сѣверная часть Уральскаго хребта, извѣстна и по нынѣ подъ именемъ Югорскихъ горъ (Арх. губ. вѣдомости 1849 года № 3, 7).

Какъ самоѣдскія тундры, такъ и весь вообще Мезенскій уѣздъ изобилуетъ названіями мѣстностей югорской Чуди. Уже Кастренъ пришелъ къ убѣжденію, что многія изъ названій этого уѣзда не самоѣдскаго происхожденія, а заимствованы изъ языка древней Чуди, хотя онъ подъ Чудью разумѣлъ не Югру, а другой народъ, какъ видѣли выше. Многія изъ тамошнихъ мѣстностей имѣютъ по два имени: самоѣдское и чудское. Такъ Канинская и Тиманская тундра, названія чисто чудскія (по фински тунтури) у Самоѣдовъ извѣстны подъ именемъ *Salje*, т. е. носъ, и *Iude-ja*, т. е. средняя земля. Большая земля по самоѣдски *Agka-ja* (буквальный переводъ), а по фински будетъ *Isomaä*, которое сохранилось въ названіи рѣки Ижма: какъ

въ словѣ Ижма, такъ и въ названіи Тимань, послѣдній слогъ есть не иное что, какъ чудское моа, земля (Арх. Г. В. 1853 г. № 21).

О югорскомъ происхожденіи имени рѣки Печоры, мы уже говорили. Другія рѣки, несущія воды свои въ океанъ, въ Мезенскомъ уѣздѣ также получили имя свое отъ югорскаго народа, а не отъ Самоѣдовъ. Такъ названіе рѣки Коротайки или Коротанки должно быть югорское. Это мы основываемъ на мнѣніи г. Европеуса, который такія названія рѣкъ, какъ Кузбойка, Кузнобойка и пр. встрѣчающіяся въ Новгородской губ., объясняетъ югорскимъ происхожденіемъ, производя окончаніе ихъ йка отъ венгерскихъ folyo (фольо) и foini—что значить рѣка, отъ глагола folyn—течь. (64 стр). По самоѣдски Коротайка называется Ёдей-яга, или Недей-яга. Рѣка Индига, впадающая въ Чешскую губу, чисто древнее чудское названіе; у Самоѣдовъ она извѣстна подъ именемъ: Цай-яга, т. е. камень-рѣка. Въ Мезенскомъ уѣздѣ на Зимнемъ берегу близъ деревни Майды имя народа, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, сохранилось въ названіи ручья; тамъ есть Югрянъ ручей.

Древнее Заволочье, т. е. нынѣшніе Пинежскій, Архангельскій, Холмогорскій и Шенкурскій уѣз. особенно изобилуютъ югорскими названіями мѣстъ. Такъ имена рѣкъ въ этихъ уѣздахъ: Кершеньга, Мехреньга, Ваенга, Шилинга, Пукшеньга и т. п. несомнѣнно югорскія. Окончаніе этихъ названій еньга, или енга происходитъ отъ югорскаго слова йенкъ—вода. Здѣсь же множество рѣкъ съ окончаніемъ уга, юга, ега и т. п. напр. Вавчуга, Чуга, Мудьюга, Пинегга, Онега и пр.; въ остяцкомъ же языкѣ рѣка называется сага, юга, въ вогуль-

скомъ въ усѣченной формѣ ie, ia, встарину iega, iaga, въ зырянскомъ iу, въ лопарскомъ ioga, въ финскомъ йоки. Есть еще рѣчки съ окончаніемъ егда, напр. Рочегда въ Усть-важской волости, Шенкурского уѣз. Окончаніе егда производится г. Европеусомъ отъ древне-югорскаго шагетъ, сагетъ и шагешъ, рукавъ и притокъ рѣки. Самая Двина, или Випа, какъ пишутъ норманскіе мореходцы, получила свое названіе отъ Чуди: по фински она Wiënap-joki.

Но не однимъ рѣкамъ Чудь дала свои имена; названія деревень и погостовъ, мысовъ, утесовъ, заливовъ и т. п. также обязаны ей своимъ происхожденіемъ. Наричательное имя мыса по чудски niemi; это слово иногда прикладывается къ именамъ деревень, для означенія, что онѣ стоятъ на мысу, на пр. Рагонима; но чаще оно выговаривается нынѣ мина, и только въ древнихъ памятникахъ можно найти его съ первоначальнымъ выговоромъ. Въ доказательство приведемъ дер. Хечемина, Хечема, или Хечемская, которая въ древности, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи (подъ 1419 г.), называлась Хеченима; точно также Чигломина, по лѣтописи Чиглонимъ; по древнефински tschiglanieni значитъ крыла невода; нынѣ въ финскомъ языкѣ кѣкры ло невода называется не Fschigla, а Siula. Пертомина вѣроятно въ началѣ было Пертиніемъ—изба-мысь, отъ перти-изба; можетъ быть и Чухчерма первоначально Чухченима. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ словахъ мина должно оставаться неизмѣннымъ, потому что мена въ остяцкомъ языкѣ означаетъ изгибъ.

Названія небольшихъ морскихъ заливовъ у насъ часто оканчиваются на лахта, иногда они просто

называются лахтами; напр. близъ с. Куи въ Арх. уѣздѣ есть Еловая Лахта и Ушменская Лахта. По словамъ г. Европеуса, по остячки нынѣ заливъ лохъ, по фински лахти, по корельски лакши, лопарски луокте. Въ прежнее время слово лахта существовало и въ югорскомъ языкѣ, какъ онъ убѣдился изслѣдованіями въ Бѣлозерскомъ уѣз., Новгородской губ.

Въ мѣстностяхъ занимавшихся древнимъ Заволочьемъ имя народа Югры удержалось въ нѣкоторыхъ названіяхъ, такъ же, какъ и въ Самоѣдскихъ тундрахъ. Въ Архангельскомъ уѣз. Вознесенской волости, деревни Чевакинской 1-й находимъ поле Заюгорье, а въ Шенкурскомъ уѣздѣ есть деревня Югорская.

Въ поименованныхъ выше четырехъ уѣз. Арх. губ., какъ видно изъ названій мѣстностей, жило сплошное чудско-югорское населеніе, за исключеніемъ, о чемъ сказано было прежде, Корельской колоніи въ Архангельскомъ уѣз. Впрочемъ, тамъ не мало названій, повидимому, сходныхъ съ чисто финскими. Названія, похожія на собственно финскія на Архангельской сторонѣ, теперь объясняются тѣмъ, по словамъ г. Европеуса, что въ языкѣ сѣверныхъ Югровъ вѣроятно вошло множество чисто финскихъ словъ отъ долговременнаго соприкосновенія этихъ народовъ и сохранились слова первоначально общія, которыя въ послѣдующія времена въ нынѣ существующихъ югорскихъ нарѣчіяхъ, кажется, потеряны.

Въ Онежскомъ уѣз. югорскія имена господствуютъ на востокъ отъ р. Онеги и частію по самой р. Онегѣ. На западъ отъ этой рѣки они смѣшаны

съ корельскими, что показываетъ позднѣйшее появленіе тамъ Корель.

Здѣсь хотати объяснить значеніе названія Вычегды, небольшого ручейка, впадающаго въ рѣчку Вычуру, въ Онежскомъ уѣздѣ, близко восточной его границы, къ юго-востоку отъ г. Онеги. Имя Вычегда есть сложное: вичь-сагеть и означаетъ луговой притокъ, отъ словъ югорскихъ: вичья—лугъ и сагеть—притокъ. Зырянское названіе рѣки Вычегды Эжва, т. е. луговая вода, слѣдовательно, чистый переводъ югорскаго. Названіе Вычура, т. е. Вычь-сура, значитъ луговая рѣка, отъ древнеюгорскихъ вичь-лугъ и сара-рѣка. Сходство такихъ словъ, какъ югорское вичь, напр. въ словѣ Индовичья, и зырянскіе видзь, визь, веж., югорское сура, или сара и зырянское шоръ показываетъ, что въ древнеюгорскомъ языкѣ были слова общія даже съ зырянскими. Эта общность тоже можетъ быть объяснена долгимъ сожительствомъ бокъ о бокъ упомянутыхъ народовъ и глубокою древностію югорскаго языка.

Сѣверо-Западная часть нашей губерніи, т. е. Кемскій уѣздъ, также полна югорскихъ названій, хотя есть много корельскихъ и лопарскихъ, тамъ, гдѣ нынѣ населеніе чисто русское. Для примѣра указываемъ нѣсколько чисто югорскихъ именъ рѣкъ и озеръ: Печенга, Пененга (Pieningi), Кестенга (Kiestingi), Лендера (Lentiega) и т. п.

Изъ числа упомянутыхъ рѣкъ, рѣка Печенга, протекающая на границѣ съ Норвегіей и давшая имя бывшему нѣкогда тамъ Печенгскому монастырю, получила свое названіе отъ извѣстныхъ уже намъ словъ: пече-сосна и йенкъ-вода; слѣдовательно, означаетъ сосновую воду; по фински и по

норвежски ея имя произносится pitsinki, Г. Европеусу извѣстно еще 10 рѣкъ и рѣчекъ Печенгъ, кромѣ Архангельской, въ другихъ губерніяхъ сѣверной Россіи: въ Вологодской, Костромской и Новгородской, а въ сѣверной Финляндіи ручей Pitsinki. Такъ какъ сосна самый обыкновенный видъ деревъ въ сѣверной Россіи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что первобытный народъ такъ часто называлъ по этому дереву различныя мѣстности (62 стр.)

Что касается до общаго характера здѣшняго югорскаго нарѣчія, на сколько онъ опредѣляется изъ названій мѣстностей, то онъ болѣе подходит къ свойствамъ языка древнихъ обитателей Бѣлозера, т. е. Веси, какъ увѣряетъ г. Европеусъ. Онъ писалъ изъ Бѣлозерска, въ прошломъ году, что „здѣшнія названія мѣстностей не только одного югорскаго языка, но и почти одного нарѣчія съ Архангельскими.“

Нѣкоторые изслѣдователи хотѣли видѣть въ мѣстныхъ названіяхъ даже мордовскій элементъ и потому признавали несомнѣннымъ пребываніе въ здѣшней губерніи Морды. Такъ, напр. г. Богославскій въ статьѣ своей Памятники Мордовской и Финской старины въ Архангельской губ. (Арх. Губ. Вѣд. 1853 г. № 4—6) дѣлаетъ, между прочимъ, указанія на остатки названій мѣстностей будто бы оставленныхъ Мордовою, которая, по его мнѣнію, была привлекаема на сѣверъ торговлею, и имѣя по этому постоянныя дѣла и сношенія съ туземцами финнами, по необходимости обживалась съ ними, и, наконецъ, дѣлалась осѣдлой. Рѣка Сѣверная Двина съ своими притоками Вычегдой, Лузой и Югомъ, были, повидимому, главными и

удобнѣйшими путями, по которымъ Мордва двигалась на Сѣверъ,—взглядъ на карту представляетъ сходства названій: деревень, рѣкъ и урочищъ, расположенныхъ по системѣ этихъ водъ, даже до предѣловъ Нижегородской губерніи, въ которой, къ границамъ Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерній, и до сихъ поръ еще живутъ остатки этого племени (стр. 51). Названія мѣстностей объясняемыя авторомъ изъ мордовскаго языка въ Архангельской губерніи слѣдующія: рѣчки Вель, Коча, или Кича, Кершеньга, Нерзиньга, Кудьма, Лая, Пошева, Ура, Шелекса и погостъ Перяма.

Зная новѣйшія изслѣдованія специалистовъ по этой части, нельзя придавать никакого научнаго значенія мнѣнію о пребываніи Мордвы въ Архангельской губерніи, а тѣ названія мѣстностей, которыя привели г. Бсгославскаго къ подобному мнѣнію, должны быть производимы изъ древне югорскаго языка, въ которомъ могли сохраниться самыя первобытныя и слѣдовательно общія слова съ другими финскими языками.

Мы указали на множество названій мѣстностей, объясняемыхъ изъ югорскаго языка и даже на мѣстности съ именемъ Югры; но до сихъ поръ ничего не сказали о происхожденіи самаго слова Югра. Объясняя его, мы выскажемъ собственное мнѣніе, ибо намъ неизвѣстно на этотъ счетъ мнѣніе специалистовъ. Кастренъ высказываетъ только предположеніе, что югорскія племена Остяки, Вогулы и Венгры получили названіе Югры, или Угры во время жительства въ Сибири, по верхнему теченію Иртыша и что иноземцы смѣшивали имя финскихъ Югровъ съ именемъ одного народа турецкаго племени, обитавшаго тамъ же изстари: Огуръ, или Йогуръ.

По русски слово Югра, или Угра не имѣтъ никакого значенія, слѣдовательно, это имя взято изъ какого нибудь финскаго языка. Мы знаемъ, что Зыряне именемъ Егра называютъ Остяковъ. Слово егра во всѣхъ почти финскихъ языкахъ употребляется съ различными отгвнами въ выговорѣ и означаетъ озеро. Вотъ какъ оно измѣняется у различныхъ финскихъ племенъ, по словамъ г. Европеуса. Егра въ финскомъ языкѣ (припомните производство слова Соегра) старинная форма новѣйшаго слова *jaŋvi* отъ *jaugi*, которое по звуковымъ законамъ финскаго языка произошло отъ *jaŋgi*. Въ лопарскомъ языкѣ это слово въ настоящее время *jaunge*, но въ старинныхъ книгахъ и другихъ древнихъ источникахъ встрѣчается въ лопарскихъ названіяхъ озеръ еще въ формѣ *jaŋge* (*jager*). По черемисски это слово *jaŋ*, а по мордовски *jaŋke* отъ *jaŋke*. Это латинское *asquog*, старинное скандинавское *oegir*, англосаксонское *igeg* и славянское озеро, по звуковымъ законамъ славянскаго языка отъ егера, раньше *aigaga* (айгара) и первоначально *igaga*, какъ учатъ главные филологи индоевропейскіе. Названіе озеръ въ области Югры въ сѣверной и средней Россіи доказываютъ, что и въ югорскомъ языкѣ въ старину существовало слово огра, егра, игерь—озеро. Таковы названія: Оногра, Селигеръ и т. п. Въ югорскихъ названіяхъ озеръ Архангельской губ.: Амбурга (собачье озеро), Ярурго (иское), Янгорко (роговое озеро) окончаніе урга произошло изъ югорскаго угра и огра, или огер.

Намъ уже извѣстно, что всѣ почти финскія племена получили свои названія отъ какихъ либо предметовъ или положенія своей страны, и при

томъ такъ, что слово, означающее наименованіе предмета, употребляется почти неизмѣнно для обозначенія и страны и обитателей ея, иногда только прибавляется къ нему другое слово для обозначенія страны или народа. Напр. Лопъ, (народъ и страна) по фински Lappu, или Loppu, значитъ конецъ; Сумъ (финляндцы) Suomalaiset, отъ Suo — болото и laiset (слово употребляемое для обозначенія народа); Водъ отъ Waddja, или Wodaja, т. е. болотистая земля; Зыряна (народъ и страна) отъ Sugiä — край, конецъ. Даже самое слово Финнъ есть древне-германское слово, означающее жителя болотъ и происходящее отъ Finn, болото.

Такимъ же образомъ Югра, или Угра, зырянское Егра, есть названіе народа и страны и озера. Какъ другія собственно финскія племена получили свое названіе отъ множества болотъ въ ихъ странѣ, такъ и Югрѣ дано настоящее имя отъ изобилія въ ея странѣ озеръ и означаетъ озерныхъ жителей.

Приведемъ теперь общее заключеніе, сдѣланное г. Европеусомъ на счетъ распространенія и движеній всѣхъ вообще финновъ на Сѣверѣ и во внутреннихъ частяхъ Россіи. Мы заимствуемъ его выводы изъ указанной прежде статьи этого ученаго, помѣщенной въ Ж-лѣ М. Н. Пр., и отчасти изъ его корреспонденціи.

Финскія въ тѣсномъ смыслѣ названія мѣстностей, встрѣчающіяся на востокъ отъ Нарвы, простираются на югъ не дальше какъ верстъ тридцать ниже Финскаго залива и его притока изъ Ладожскаго озера. По Волхову доходятъ они нѣсколько южнѣе, именно до широты моста Николаевской дороги, откуда южная граница финскихъ названій

мѣстностей можетъ быть проведена черезъ г. Тихвинъ почти до Бѣлоозера и далѣе чрезъ г. Каргополь до р. Онеги. Впрочемъ, на востокъ отъ р. Онеги было только нѣсколько колоній финско корельскихъ. Въ окрестностяхъ Онежскаго озера, до Ладожскаго на западъ и до рѣки Онеги на востокъ, кажется, было первое обиталище финновъ, послѣ ихъ отдѣленія отъ ближайшихъ родичей Мордвы, потому что въ указанныхъ мѣстностяхъ не встрѣчается почти никакихъ до—финскихъ мѣстныхъ названій. Самое названіе Онежскаго озера чисто финское: Aaniņen или Aani-jagvi, т. е. бушующее озеро. Нарѣчіе живущей тамъ такъ называемой Обонежской Чуди оказывается во всѣхъ отношеніяхъ самымъ первобытнымъ изъ всѣхъ финскихъ нарѣчій. Корельское же нарѣчіе, первоначально образовавшееся на сѣверѣ отъ обиталищъ Обонежской Чуди, въ послѣдствіи распространилось по сѣверной и восточной Финляндіи. Емское же нарѣчіе, въ югозападной Финляндіи, образовалось непосредственно изъ чудскаго; къ нему примыкаетъ эстское и ливское. Переселеніе Еми въ Финляндію совершилось, кажется, вдоль южнаго берега Ладожскаго озера, черезъ Неву и южную часть Выборгской губ. и оттуда въ югозападную Финляндію, между тѣмъ какъ эстская отрасль этого племени продолжала свой путь по южному берегу Финскаго залива, и черезъ рѣку Нарову въ нынѣшнюю Эстляндію. При вступленіи въ Финляндію, финны вездѣ встрѣчались съ остатками дикаго югорскаго населенія, отъ котораго получили нѣсколько тысячъ югорскихъ названій мѣстностей, доказывающихъ, что Югра была первоначальное населеніе Финляндіи.

Кромѣ всей Финляндіи, югорскія названія встрѣ-

чаются въ сѣверной Швеціи, а также въ сѣверной и средней Россіи отъ Ледовитаго океана до рѣки Оки и городовъ Витебска и Полоцка. Вся западная часть Вологодской губ., въ особенности близъ р. Юга, и небольшая часть ея за Двиною образуютъ ту страну на сѣверѣ Россіи, въ которой наибольшее число югорскихъ названій мѣстностей и при томъ почти безъ примѣси названій изъ другихъ до-русскихъ языковъ, что свидѣтельству-етъ о многочисленности тамъ югорскаго населенія. Указанный участокъ сѣверной Россіи по этому заслуживаетъ болѣе другихъ изслѣдованія въ археологическомъ отношеніи т. е. относительно слѣдовъ древнихъ жилищъ, кургановъ, могилъ и пр. оставленныхъ Югрою. Отсюда то изъ окрестностей р. Юга г. Европеусъ выводитъ Ун-угуровъ, т. е. Велико-угровъ, или Венгровъ, во время ихъ путешествія въ теперешнюю Венгрію. По венгерскимъ лѣтописямъ, этотъ народъ вышелъ съ востока, изъ земли Сидитской, которая съ одной стороны граничила съ Сѣвернымъ моремъ, съ другой Уральскими горами, и прорѣзана была теченіемъ двухъ рѣкъ: Волги и Печоры. Переплывъ Волгу Венгры прошли чрезъ землю бѣлыхъ Кумановъ и Бессовъ, т. е. Веси, мимо Суздаля и потомъ мимо Кіева (по Нестору, это было при Олегѣ), гдѣ оставили названіе горы Угорское, и отправились въ Панонію, чтобы овладѣть наслѣдствомъ Атиллы, прародителя вожди Венгровъ, Альмуса. Такимъ образомъ, г. Европеусъ отвергаетъ прежнее мнѣніе, будтобы Венгры вышли изъ приалтайской области, гдѣ нѣтъ и названій финско-венгерскихъ, но признаетъ также, что раньше они, вмѣстѣ съ другими югорскими племенами, напр. Весью, были увлечены Гун-

нами, народомъ манжурскаго, или тунгускаго племени, вышедшимъ изъ верхней Азіи, въ общій потокъ движенія народовъ къ берегамъ Чернаго моря и далѣе въ Европу. Весь, жившая иѣкогда около Бѣлоозера и южнѣе до Оки также югорскаго племени, и говорила почти однимъ нарѣчіемъ съ Заволоцкою Чудью; равно Меря, жившая, по Нестору, около озера Плещеевскаго и Ростовскаго, принадлежала къ Веси, а Муромъ, однородная съ Весью, имѣла особое весьское нарѣчіе.

Если изслѣдованія лингвистовъ, преимущественно того изъ нихъ, изысканія котораго только что были изложены, дали наукѣ богатые данныя о распредѣленіи и движеніяхъ первобытныхъ обитателей отдаленнаго сѣвера Европы, то, къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о выводахъ, сдѣланныхъ археологами и антропологами на счетъ сѣверныхъ обитателей. Эти выводы далеко уступаютъ своею положительностью и достовѣрностью предъидущимъ, хотя въ другихъ странахъ подобнаго рода работы привели уже къ блистательнымъ результатамъ.

Извѣстно, что при помощи изслѣдованія земныхъ пластовъ, пещеръ, торфяныхъ болотъ, открытыхъ озеръ, древнихъ кургановъ и могильниковъ въ западной Европѣ открыто существованіе, современъ глубочайшей древности, такихъ первобытныхъ народовъ, которые вовсе невѣдомы исторіи. Расположеніе и родъ напластованій, находимые разнаго рода органическіе остатки, въ особенности человѣческіе черепа, различные роды орудій и вещей, остатки построекъ, способъ погребенія, тщательно изученные, дали возможность до значительной степени воссоздать жизнь этихъ племенъ и да-

же отчасти прослѣдить смѣну одного племени другимъ и развитіе ихъ быта. Такимъ образомъ прошедшую жизнь древнихъ обитателей Европы успѣли, по матеріалу и формѣ орудій употреблявшихся ими, раздѣлить на нѣсколько, довольно ясно выдающихся эпохъ, или вѣковъ: вѣкъ каменный, вѣкъ бронзовый, или мѣдный и вѣкъ жельзный. Даже въ самыхъ эпохахъ отыскивали нѣсколько различныхъ періодовъ. Такъ въ каменномъ вѣкѣ вѣрно опредѣлили періодъ пещернаго медвѣдя и мамонта, періодъ сѣвернаго оленя и пр. и пр. Впрочемъ, предполагаютъ появленіе человѣка въ Европѣ гораздо раньше и предвидятъ періодъ южнаго слона. За періодомъ сѣвернаго оленя слѣдуютъ періоды кухонныхъ остатковъ и гробницъ Даніи, древнѣйшихъ и новѣйшихъ озерныхъ построекъ, древнѣйшихъ дольменовъ, т. е. каменныхъ построекъ и за тѣмъ уже начинается бронзовый вѣкъ съ его успѣхами въ развитіи домашнихъ животныхъ, шлифованныхъ каменныхъ ножей, въ воздѣлываніи почвы, знакомствѣ съ металлами и пр.

Періодъ пещернаго медвѣдя и мамонта характеризуется большими, уже вымершими, хищными и толстокожими животными, нагрубо выбитымъ каменнымъ оружіемъ, грубо обработанными костями и длинною формою головы человѣка великорослаго племени. Этотъ могучій человѣкъ былъ распространенъ по всей центральной Европѣ.

Періодъ сѣвернаго оленя опредѣляется сѣвременною фауною холоднаго климата, выбитымъ молоткомъ каменнымъ оружіемъ, красиво вырѣзанными и даже искусно изрисованными костями, короткимъ черепомъ маленькаго и нѣжно-сложеннаго, но навѣрно способнаго и занимавшагося художественными про-

изведеніями племени, которое населяло южную и среднюю Францію, равно какъ и Бельгію, жило въ пещерахъ и часто даже на недоступныхъ скалахъ.

Нѣкоторые изъ французскихъ ученыхъ, основываясь на присутствіи сѣвернаго оленя, въ южной Франціи, высказали гипотезу, что сѣверные народы, Лопари или Финны предпринимали туда путешествія, вмѣстѣ съ ихъ оленями, что, конечно, произошло въ весьма отдаленныя времена, такъ какъ во время грековъ и римлянъ небыло слѣдовъ этого переселенія. Другія ученые хотятъ видѣть въ указанномъ народѣ предковъ нынѣшнихъ финно-чудскихъ племенъ, находя подобное же образованіе черепа у Лапландцевъ, Самоѣдовъ и пр. Въ этомъ отношеніи они сравниваютъ древнихъ обитателей Франціи также съ аборигенами южной Скандинавіи, признавая и послѣднихъ за финновъ. Послѣдніе, по словамъ Нильсона, имѣютъ черепа короткіе, широкіе и съ плоскимъ затылкомъ. Скандинавскіе аборигены, по его изслѣдованіямъ, жили на полуостровѣ въ ту эпоху, когда пещерный медвѣдь и первобытный волъ еще существовали тамъ; имъ принадлежатъ вещи, состоящія изъ рыболовныхъ снастей и охотничьихъ орудій, сдѣланныхъ изъ костей и камней, находимыхъ не только по торфянымъ болотамъ, но и въ древнѣйшихъ насыпяхъ и курганахъ, сложенныхъ изъ огромныхъ неотесанныхъ камней, и имѣющихъ узкій, длинный ходъ, обыкновенно съ морской или южной стороны; вмѣстѣ съ скелетами этого племени попадаются иногда скелеты собакъ, служившихъ имъ несомнѣнно для пособія на охотѣ.

Но большая часть лицъ, занимающихся архео-

логическими и антропологическими изысканіями, отрицають тождество первобытнаго народа южной и средней Франціи, какъ съ аборигенами Скандинавіи, такъ и съ Лопарями и другими финнами, не признавая также и того, чтобы Лопари въ состояніи были соорудить тѣ каменные постройки, о которыхъ сказано выше.

Карль Фохтъ и другіе отвергаютъ возможность странствованія Лопарей и другихъ финновъ во Францію съ ихъ оленями, на томъ основаніи, что сѣверный олень не могъ быть домашнимъ животнымъ у указаннаго народа, жившаго во Франціи безъ собаки, которая необходима для охраненія стадъ и всегда является спутникомъ человѣка, занимающагося оленеводствомъ, а также противъ этого говорятъ самые черепа Лопарей и Скандинавско-датскихъ обитателей. Правда, они имѣютъ съ черепами изъ каменнаго періода обитателей Франціи общую короткоголовость, между тѣмъ отличаются отъ нихъ во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ. Кромѣ того человѣкъ датскихъ кухонныхъ остатковъ жилъ въ низменностяхъ, гдѣ онъ себя устраивалъ жилища на болотѣ и рѣкѣ, напротивъ человѣкъ средней и южной Франціи, какъ уже сказано, въ пещерахъ и даже на недоступныхъ скалахъ.

Догадка же, что каменные памятники, встрѣчаемые въ южной Скандинавіи и подобные имъ въ западной Европѣ, принадлежатъ древнѣйшему финно-чудскому населенію Европы отвергается тѣмъ, что повсемѣстное распространеніе финновъ-лапландцевъ по Европѣ не встрѣчаетъ никакого подтвержденія со стороны историческихъ свидѣтельствъ, тогда, какъ главная масса обитателей каменнаго

вѣка, судя по количеству каменныхъ памятниковъ, сосредоточивалась на западѣ, а финны сидѣли на востокѣ. Въ подтвержденіе не финскаго происхожденія древнѣйшихъ обитателей Европы приводятъ тотъ важный фактъ, что во всей Норвегіи и Сѣверной Швеціи, гдѣ обитали финны, за исключеніемъ южной Швеціи, не встрѣчается ни каменныхъ построекъ, ни каменныхъ могилъ. Приписать Лапландцамъ каменные постройки, говорятъ, нельзя и потому еще, что народъ періода каменныхъ построекъ не былъ въ строгомъ смыслѣ кочующимъ номадомъ: номады не создаютъ подобныхъ прочныхъ каменныхъ сооружений и безслѣдно исчезаютъ изъ страны, если она не можетъ дать прочной и постоянной поддержки ихъ существованію; финны-Лапландцы же и теперь не имѣютъ прочной осѣлости и еще менѣе должны были имѣть ее въ эпоху отдаленнѣйшей древности. Трудно также, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, допустить мысль, что Лапландцы изъ первобытной осѣлости обратились къ кочевью, вслѣдствіе прилива индоевропейскихъ колонистовъ: это значило бы отрицать идею историческаго развитія. Пр томъ же каменные орудія, встрѣчающіяся и въ сѣверной Скандинавіи, гдѣ обитали Лапландцы, во многомъ не походятъ на орудія южной Скандинавіи и юго-восточной Европы; они выдѣланы изъ иного камня, не такъ художественно обработаны и вообще обнаруживаютъ низшую степень культуры противъ той, какую можно усмотрѣть изъ орудій, такъ называемыхъ первобытныхъ обитателей Европы. (Первобытныя времена человечества Карла Фохта стр. 10. Исслѣдованія Нильсона о первобыт. обитателяхъ Скандинавіи. Ж. М. Н. Пр. 1850 Октябрь

отд. VII, стр. 18—19. Металлы и ихъ обработка въ доистор. вр. Котляревскаго. Труды Моск. археолог. общ. 1865 г. т. 1. вып. 1. стр. 53).

Кажется, остатки человѣческихъ жилищъ и орудія, находимыя въ странахъ безъ сомнѣнія населенныхъ нѣкогда и отчасти въ настоящее время финскими племенами слѣдовало бы безспорно приписать финнамъ. Но и тутъ мы встрѣчаемъ несогласія и противурѣчивыя мнѣнія.

По словамъ г. Европеуса, хотя Лопари жили по всей Финляндіи, но они не оставили послѣ себя прочныхъ слѣдовъ; жилища ихъ состояли, какъ и теперь, изъ однихъ ничтожныхъ чумовъ, или вежъ съ очагами, обложенными камнями; овальные круги, сдѣланные изъ наложенныхъ камней, только одни нынѣ свидѣтельствуютъ о пребываніи Лопарей. Подъ полярнымъ же кругомъ осенью прошлаго года открыты были остатки жилищъ совсѣмъ другаго рода. Тамъ найдена каменная груда, на мѣстѣ которой первоначально была вырыта земля съ $1\frac{1}{2}$ аршина глубины и на срединѣ стояла настоящая печка, длиною съ 4 аршина и шириною $1\frac{1}{2}$ аршина, на днѣ груды оказались кости и зубы, которые, по увѣренію разсматривавшаго ихъ академика Брандта, принадлежали оленю чрезвычайно великой, нынѣ уже несуществующей породы; остатковъ же человѣка тамъ не нашли. Эти слѣды жилья г. Европеусъ приписываетъ Югорской Чуди. Впрочемъ, говоритъ онъ, во всей Финляндіи до сихъ поръ ничего не знаютъ, о могилахъ древненародныхъ, и поэтому нельзя сказать, могутъ ли и въ ней найти черепа и скелеты древнѣйшихъ ея обитателей—Югровъ, или нѣтъ. Впрочемъ, каменные орудія находятъ и въ

Финлядiи. Финляндскiя каменныя орудiя, по многимъ между ними встрѣчающимся формамъ, имѣють связь съ находимыми въ смежной, Олонецкой губ. предметами того же рода. Сходство болѣе всего поразительно въ боевыхъ молотахъ, которые въ обѣихъ странахъ часто по бокамъ имѣють выступы. Кромѣ Финляндiи и Олонецкой губ. кажется, пока не находили этой формы орудiй. Древности Тр. Моск. археол. общ. 1867 г. № 1 и 2-й стр. 31—32).

Въ Олонецкой губ. каменныя орудiя нашли себѣ усерднаго собирателя и изслѣдователя въ лицѣ г. Бутенева, автора статьи: „Нѣкоторыя соображенiя о первобытныхъ жителяхъ сѣверной Россiи по найденнымъ остаткамъ ихъ быта“, помѣщенной въ запискахъ Географ. Общества за 1864 г. № 4. Г. Бутеневъ собралъ до 240 каменныхъ орудiй, изъ числа которыхъ болѣе 200 отыскано въ Петрозаводскомъ уѣздѣ. Они находились частно на самой поверхности земли или мало прикрыты ею, какъ-то въ пахатномъ слоѣ полей, частью прирыты каналъ (одно при копанiи земли для могилы на глубинѣ до 5 футовъ), нѣкоторыя же попадались въ озерахъ, при добыванiи желѣзной руды. Кромѣ того, эти каменныя орудiя находились всегда по одиночкѣ, а другихъ памятниковъ, которые могли бы относиться къ тому же періоду быта, какъ-то глиняныхъ сосудовъ и орудiй костяныхъ, не было открыто въ олонецкомъ краѣ. Наконецъ тамъ пока не встрѣчались никакія надгробныя насыпи или сооруженiя изъ камней. (*) Въ Олонецкой губ.

*) Объ этого рода памятникахъ, ниже сего сообщается другое.

каменные орудія крестьянскимъ населеніемъ признаются за „громовыя стрѣлы“ и употребляются какъ лечебное средство; изъ нихъ большія орудія, какъ-то кирки, молота, топоры, тесла, долота, противъ усова (колотья или воспаления плевры, под-реберной плевры), мелкія же, какъ-то ножи, наконечники стрѣлъ и копій, противъ различныхъ внутреннихъ болѣзней. Въ первомъ случаѣ процессъ лѣченія состоитъ въ томъ, что, нагрѣвъ каменное орудіе, и обвернувъ въ тряпку, прикладываютъ его къ страдающимъ частямъ груди и боковъ, что составляетъ, по видимому, родъ сухой припарки, и этотъ процессъ сопровождается нашептываніемъ заклинаній. Во второмъ случаѣ кладутъ громовую стрѣлу въ воду, которую даютъ пить больному, въ особенности ребятамъ и малюткамъ. Кромѣ того эти громовыя стрѣлы употребляются на свадьбахъ противъ порчи.

На вопросъ какому народу слѣдуетъ приписать каменные орудія Олонецкой губ., г. Бутеневъ отвѣчаетъ: первобытнымъ обитателямъ сѣверной Россіи, жившимъ въ ней до времени Чуди; чудскому же, т. е. финскому племени, къ которому относятся другіе, онъ не рѣшается ихъ приписать, по тому что финскія племена еще на Алтаѣ были знакомы съ обработкою металловъ. „Допустить это, по его мнѣнію, значило бы придти къ заключенію, что этотъ народъ, уже на Алтаѣ умѣвшій обрабатывать металлы, значительно усовершенствовавшійся въ искусствѣ, въ пребываніе на Уралѣ, дойдя до береговъ Онежскаго озера, забылъ свои народныя преданія, пересталъ устраивать могильные курганы, разрабатывать руду, бросилъ свои металлическія орудія, промѣнявъ ихъ на каменные, однимъ сло-

номъ, возвратился въ состояніе первобытной дикости. Противъ этого возражаютъ, что такое положеніе справедливо, если возможно доказать, что памятники алтайской и уральской бронзовой или мѣдной старины принадлежать финскому народу и что въ то же время, кромѣ того, къ которому относится эта старина, небыло другихъ финскихъ племенъ на западѣ, въ бассейнахъ балтійскомъ и бѣломорскомъ. Вообще первобытное пребываніе финновъ на Алтаѣ не болѣе какъ гипотеза, требующая еще положительнаго подтвержденія.

Кромѣ того Чудъ, по словамъ Бутенева, нигдѣ не оставила такого множества разнообразныхъ каменныхъ орудій, какое безъ большихъ розысканій собрано около Онежскаго озера; отъ нея остались сотни орудій мѣдныхъ, серебряныхъ, желѣзныхъ, даже золотыхъ, а между ними едва ли можно насчитать десятковъ каменныхъ, назначавшихся для разработки рудъ, найденныхъ въ рудникахъ и ни одного предмета для потребностей домашней жизни. На этотъ отзывъ возражаютъ, что намъ извѣстно гораздо большее число каменныхъ орудій съ Урала, Алтая и изъ средней Сибири, нежели авторъ предполагаетъ на основаніи статей Эхвальда „о чудскихъ копяхъ“ и Муральта „о скифскихъ древностяхъ Эрмитажа.“ Каменные топоры, служившіе, безъ сомнѣнія, въ домашнемъ хозяйствѣ орудіями для обработки дерева, найдены въ курганахъ на Уралѣ, изъ могилы же на Уралѣ добытъ каменный молотъ; первые хранятся въ музеѣ Казанскаго университета, второй—въ этнографическомъ музеѣ Академіи Наукъ. Около Иркутска находятъ топоры, долота и стрѣлы каменные; топоры и долота изъ усада, или нефрита, нашли въ 4 в. отъ

Иркутска въ Верхоленской горѣ, въ каменоломнѣ, въ глубинѣ 5 сажень отъ верха горы. Стрѣлы изъ дымчатаго топаза или кварца и изъ глинистаго сланца, найдены были близъ Тункинской крѣпости. Замѣчательно, что между каменными орудіями до историческаго европейца встрѣчаются также орудія изъ нефрита, а между тѣмъ мѣсто рожденія этого камня лишь недавно найдено только въ Сибири; нефритъ открытъ недавно близъ Иркутска, и Чукчи еще въ прошломъ столѣтіи употребляли топоры изъ сего же камня. (Извѣст. Импер. Арх. Общ. 1866 г. Т. VI вып. 7 и 8-й. Библиогр. ст. Лерхе 155—162).

Вопросъ о мѣстѣ и времени возникновенія разработки металлическихъ орудій у Финновъ разрѣшался различно. Тѣ ученые, которые прародиной чудскихъ племенъ считали Алтайскія горы, происхождения металловъ у Чуди объясняли легко, вполне довѣрившись народнымъ преданіямъ. Уже Палласъ описалъ такъ называемыя въ Сибири чудскія копи, въ горахъ по Енисею, заключающія въ себѣ изгарины и плавильни, и сдѣлалъ выводъ, что тамошнее населеніе издавна плавило серебро и золото, дѣлая всѣ нужныя для этого орудія не изъ желѣза, а изъ мѣди (Карамз. т. III пр. 88). По словамъ Бальзера, чудскіе рудокопы по Алтайскимъ горамъ добывали больше золото, чѣмъ серебро, а глубокая древность, къ которой относятся чудскія разработки, доказывается тѣмъ, что ни въ одной изъ нихъ не найдено желѣзныхъ инструментовъ или какихъ нибудь вещей изъ этого металла. Горные инструменты Чуди ограничивались мѣдною кайлою, деревянною лопаткою, коженною сумою,

каменными клиньями и балдами. (Историч. воспомин. о Чудск. копяхъ. Библ. для Чт. 1846 г. № 4).

Нынѣ, когда гипотеза о пребываніи Чуди на Алтаѣ поколеблена, чудскія копи въ этихъ горахъ переходятъ въ руки другихъ владѣльцевъ, а вслѣдствіе этого рождаются вопросы, извѣстно ли было настоящей Чуди, жившей по ту и по сю сторону Уральскаго хребта металлическое производство или нѣтъ; если же нѣтъ, то откуда она получала свои металлическія орудія. Впрочемъ, эти вопросы ставились и раньше тѣми учеными, которые не признавали алтайскихъ копей за чудскія; а какъ они разрѣшались увидимъ ниже. Нахожденіе металлическихъ вещей у народовъ финскаго племени, жившихъ по сю сторону Урала, вещей называемыхъ чудскими, не подлежитъ сомнѣнію.

На сѣвера-востокѣ Россіи въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются городища, состоящія изъ развалившейся земляной насыпи или вала, курганы, могилы и ямы, извѣстныя подъ именемъ Чудскихъ. По близости городищъ и въ курганахъ иногда находятъ разныя желѣзныя, мѣдныя, оловячныя, серебряныя и даже позолоченныя вещи домашняго употребленія, какъ-то: топоры, блюда, чашки, ложки, запястья, серьги, и между ними серебряныя пруты почти въ палецъ толщиною и до аршина длиною, (извѣстное въ древности закамское серебро). Ямы находятся различной величины, чаще лежатъ въ твердыхъ породахъ; преданіе говоритъ, что ямы будто-бы были вырыты для розысковъ золота, мѣди и желѣза, хотя въ иныхъ мѣстахъ, судя по породѣ, предполагать этихъ металловъ невозможно (Бытъ Пермиковъ Ж. М. В. Дѣль 1858 г. № 4).

стр. 49).(*) Во всѣхъ губерніяхъ пограничныхъ съ Архангельскою губ. также открывались древнія металлическія вещи. Такъ въ Вологодской губерніи. близъ Устьсысольска, въ разрытой насыпи, или чудскомъ городкѣ, въ сопровожденіи съ Саманидскими монетами IX и X вѣковъ, вырыто нѣсколько мѣдныхъ украшеній, одна вещь изъ серебра и одна изъ желѣза (наконечникъ стрѣлы). (Тамъ же стр. 164). Въ Олонецкой губ., гдѣ есть чудскія городища, курганы, остатки древняго жилья, древнія кладбища, между прочимъ отыскивались (именно въ Лелемскомъ погостѣ, Каргопольскаго уѣз. на запустѣвшемъ старинномъ кладбищѣ) въ прежнее время небольшіе куски серебра, на которыхъ находились изображенія животныхъ, копій и другихъ знаменъ (Пам. кн. Олопец. губ. на 1867 г. Чудскіе памятн. 112 стр.). Вѣроятно это тоже самое, что находимыя, по словамъ Карамзина, въ окрестностяхъ главнаго города Камскихъ Волгарь, серебряныя монеты безъ всякой надписи, означенныя только произвольными изображеніями: точками, звѣздочками, и безъ сомнѣнія принадлежавшія безграмотному народу, можетъ быть чудскому (Т. III 125 стр.). Финляндія доставила немало бронзоваго оружія, которое отыскивалось въ мѣстностяхъ, лежащихъ близко къ берегамъ Финскаго за-

*) Ичисленіе городищъ и находимыхъ въ нихъ вещей въ древней Пермѣ заключается, между прочимъ въ статьяхъ: Извѣстіе о Великой Пермѣ и Пермскихъ въ періодъ соч. объ успѣхъ народн просвѣщ. 1813 № 36 стр. 58—61 и Дорож. записки въ Сибирь Мельникова, Огеч. Записки 1840 г. № 12.

лива и южной части Ботническаго залива; въ центръ и на сѣверѣ Финляндіи его пока не находили (Древности 1867 г. № 1 и 2 стр. 32).

На счетъ распространенности обработки металловъ у финновъ мнѣніи ученыхъ расходятся. Одни полагаютъ, что сѣверная Чудь, издавна занималась обширнымъ металлическимъ производствомъ, ибо она извѣстна, по скандинавскимъ и туземнымъ преданіямъ, за искусныхъ ковачей. При этомъ думаютъ, что Чудь выдѣлывала даже въ изобиліи желѣзо и отъ нее то заимствовали обработку этого металла сѣверныя индо-европейскія племена. Другіе сомнѣваются, чтобы слава эта была приобретена финнами за художественную обработку желѣза: раскопки финно-чудскихъ могилъ показываютъ лишь весьма слабую часть желѣзныхъ орудій сравнительно съ богатою обработкою мѣдныхъ и бронзовыхъ; тѣмъ болѣе, что Финны, какъ показъ Шегренъ, извлекали желѣзо изъ болотъ и не пользовались горными залежами, а одно изъ финскихъ словъ, обозначающее желѣзо, заимствовано изъ языковъ славянскихъ: *gauta*, т. е. руда; они полагаютъ, что обработка желѣза въ средней и сѣверной Европѣ началась подъ вліяніемъ римской культуры. (Древности 1865 г. Т. 1 в. 1 стр. 65). Есть и такое мнѣніе, что разработка и всѣхъ остальныхъ металловъ не могла самостоятельно возникнуть у Финновъ. Это мнѣніе будетъ сообщено ниже, а теперь слѣдуетъ коснуться вопроса о томъ, что даетъ собственно Архангельская губернія для археологической науки въ настоящее время. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны будемъ отчасти резюмировать то, что уже сказано нами прежде, въ особенности въ отдѣлѣ народныхъ преданій, от-

части передать новые факты, не помещенные тамъ. Мы уже знаемъ, что Заволоцкая Чудь имѣла свои города, по крайней мѣрѣ одинъ на рѣкѣ Двинѣ, служившій центромъ крайняго Сѣвера и его торговой дѣятельности, съ главнымъ и великолѣпнымъ идоломъ, стоявшимъ на кладбищѣ; она имѣла свои погосты и деревни, получавшіе имена часто отъ основателей или старшинъ—Чудиновъ. Населенныя мѣста на Сѣверѣ получили свое названіе погостовъ отъ финновъ югорскаго племени; ибо по остаткамъ деревни и село называется поготъ, въ вогульскомъ языкѣ это слово встрѣчается въ формѣ паулъ, образовавшейся изъ пагулъ, что въ свою очередь произошло отъ пагутъ; въ венгерскомъ языкѣ имѣется *faul*—деревня, отъ *faul*, въ старину *raul*. Города Заволоцкой Чуди, такъ часто упоминаемые въ лѣтописяхъ, ничто иное, какъ городища, или укрѣпленные мѣста, въ которыхъ пряталась Чудь, во время нападений на нее Новгородцевъ. Городища эти расположены по большей части на возвышенныхъ мѣстахъ, при слияніи двухъ рѣкъ, и состоятъ изъ земляныхъ валовъ. Народъ, впрочемъ, отличаетъ чудскія городища отъ Новгородскихъ городковъ, или остроговъ, и часто, гдѣ встрѣчается два городища въ недалекомъ разстояніи одно отъ другаго, онъ указываетъ которое изъ нихъ чудское, а которое новгородское. Новгородскіе городки также упоминаются въ лѣтописяхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ. Подъ 1445 г. упоминается городокъ, построенный Василиемъ Своеземцевымъ, при впаденіи Пинежки въ Вагу, взятый Чудью, а подъ 1471 г., во время взятія Двинской земли Московскими войсками, сказано, что полки великаго князя, одолѣвъ Двинянь и Заволочанъ,

дѣлѣ ихъ взята". Крестиненъ, приводя это мѣсто изъ Двинскаго лѣтописца; указываетъ на городища, къ которымъ могли бы относиться эти слова: на городище въ Холмогорахъ, въ деревнѣ Вавчугѣ, на одномъ изъ острововъ Вавчужскаго озера, и въ Орлецахъ, гдѣ до нынѣ видны слѣды старинной крѣпости (Истор. Холм. стр: 23). Исслѣдованіемъ городищъ въ нашей губерніи никто специально не занимался до настоящаго времени, и только въ прошломъ году д. членъ мѣстнаго статистическаго комитета Тышинскій сдѣлалъ 6 плановъ отъ руки чудскихъ и новгородскихъ городищъ, въ уѣз. Холмогорскомъ и Шенкурскомъ.

Остатки чудскихъ памятниковъ заключаются еще въ курганахъ, или, по мѣстному, сопкахъ, весьма въпрочемъ немногочисленныхъ въ губерніи и отличающихся небольшими размѣрами. Можно сказать, что гѣраницами нашей губерніи оканчивается та обширная; болѣе или менѣе богатая; область кургановъ, которая начинается съ береговъ Черпаго моря: Еслибы можно было собрать точныя статистическія свѣдѣнія о курганахъ здѣшней губерніи, то, по всей вѣроятности, число ихъ не превысило бы десятка-другаго: Лѣтъ десять тому назадъ мѣстный статистическій комитетъ дѣйствительно дѣлалъ попытку собранія такихъ свѣдѣній, при посредствѣ уѣздныхъ полицейскихъ властей; но она не удалась, потому что послѣднія въ одно слово отвѣчали, что въ ихъ уѣздахъ такого рода памятниковъ не находится вовсе, хотя подобные отвѣты показываютъ, что къ нашимъ уѣзднымъ полицейскимъ властямъ не слѣдовало вообще обращаться ни съ какими научными вопросами, но въ то же время они свидѣтельствуютъ и о крайней ма-

количественности кургановъ въ губерши. Если бы курганы здѣсь часто бросались въ глаза, какъ въ другихъ губерніяхъ, то и полиція не могла бы не усмотрѣть оныхъ. При этомъ надобно замѣтить, что здѣшнія сопки, по своей величинѣ и высотѣ, вовсе не то, что курганы другихъ губерній, напр. южнорусскіе. Курганы Архангельской губ.—это невысокія и малаго объема возвышенія; есть между ними и такіе, которые состоятъ изъ кучъ наброшеннаго хвороста, вѣтвей, сучьевъ и пр. иногда же изъ груды камней. Въмѣсто кургановъ, губернія наша изобилуетъ старинными кладбищами, или могильниками. Послѣдняго рода памятники также не нашли себѣ специалистовъ изслѣдователей. Только въ послѣдніе два года сдѣланы двѣ попытки разрытія и описанія могильниковъ: первая г. судебнымъ слѣдователемъ Комповскимъ въ Кемскомъ уѣз., какъ уже было сказано прежде, другая вышеупомянутымъ членомъ ст. ком. Тышинскимъ въ Холмогорскомъ уѣз.

Слѣды чудскихъ жилищъ состоятъ по большей части изъ ямъ или землянокъ, въ которыхъ иногда замѣтны остатки бревенъ, иногда же груды глины или остатки печекъ-каменокъ. Печи-каменки дѣлались Чудью для того, чтобы камнями можно было кипятить воду, въ которой приготавлилась пища. Этимъ объясняется изобиліе камней, находящихся при печахъ. До сихъ поръ каменки, или каменцы устраиваются здѣшними жителями въ баняхъ и овинахъ. Онѣ обыкновенно состоятъ изъ курильнаго горна, сдѣланнаго изъ дикаго крупнаго камня, или изъ кирпича, смазанныхъ глиною съ отверстіемъ для наложенія дровъ; а съ верху горна накладываются кучи камней. Въ овинахъ печи

помѣщаются въ ямахъ, вырытыхъ глубиною аршина въ три. Камни въ овинныхъ печкахъ служатъ для усиленія тепла, а въ бняхъ употребляютъ для кипяченія воды. Пиво на братчинахъ у насъ часто варится также разгоряченными камнями, подобно тому, какъ у Лопарей готовится ихъ напитокъ называемый Дура (Тайлоръ стр. 363). На такихъ очагахъ, какіе были у Чуди, конечно, невозможно было печь хлѣба, и его навѣрное не знала Чудь; она, какъ и теперешніе полукочевые инородцы нашей губерніи могла только печь на огнѣ хлѣбныя лепешки. Мы думаемъ, что наши шаньги, отъ которыхъ Архангельцы получили названіе шанежниковъ, ни болѣе ни менѣ, какъ чудскія лепешки. Навѣрное, наши финнологи въ самомъ названіи этихъ лепешекъ найдутъ чудское слово; ибо однозвучное ему слово шеньга, или шаньга въ имени рѣки Шенгурскаго уѣзда есть чудское.

Что касается до чудскихъ ямъ, то однѣ изъ нихъ признаются народомъ за признаки жилищъ Чуди, другія, въ особенности съ остатками бревенъ, за тѣ углубленія, надъ которыми Чудь дѣлала деревянные навѣсы и сожигала себя. Кромѣ тѣхъ свѣдѣній о древнихъ ямахъ, жилищахъ, которыя приведены нами въ началѣ статьи, мы сообщимъ здѣсь еще данныя о подобнаго же рода памятникахъ, находящихся въ Большеземельской тундрѣ, именно тамъ, гдѣ, по народнымъ преданіямъ, жила Югра. Остатки жилищъ этого племени видны въ тундрѣ и по нынѣ. Такъ у рѣки Песчанки, находящейся за Барандеемъ, сохранилось два жилища въ землѣ, — это двѣ квадратныя ямы, каждая въ 2½ печатныхъ сажени, раздѣленной между собою корридоромъ, выходящимъ на проти-

женіи 4 сажень изъ земляной насыпи. Высота какъ самыхъ этихъ избищъ, такъ и корридора выше обыкновеннаго человѣческаго роста. Изрѣдка въ этихъ избищахъ попадаются разные глинянныя и мѣдныя вещи такія, какихъ Самоѣды, кочующіе тамъ, не употребляютъ въ домашнемъ быту. Другое, почти совершенно подобное этому, жилище находится за Югорскимъ шаромъ, на Карскомъ досу. Очевидно, эти остатки жилищъ ни въ какомъ случаѣ не могли принадлежать Самоѣдамъ, которые довольствуются своимъ чумомъ, а никогда въ землѣ не роютъ себѣ помѣщеній (Арх. губ. вѣд. 1867 г., № 78).

Древнѣйшія жилища Чуди, пещеры, открыты до сихъ поръ, главнымъ образомъ въ Мезенскомъ уѣздѣ. Но многочисленность ихъ тамъ сильно преувеличена. Кажется первымъ виновникомъ преувеличенныхъ свѣдѣній о тамошнихъ пещерахъ было Путешествіе Лепехина. Въ немъ мы читаемъ: „вся самоѣдская земля въ нынѣшней Мезенской округѣ наполнена запустѣвшими жилищами нѣкоего древняго народа. Находятъ оныя на многихъ мѣстахъ, при озерахъ на тундрѣ и въ лѣсахъ при рѣчкахъ, сдѣланныя въ горахъ и холмахъ на подобіе пещеръ съ отверстіями подобными дверямъ. Въ сихъ пещерахъ обретають печи, находятъ желѣзные, мѣдные и глиняные домашнихъ вещей обломки и сверхъ того человѣческія кости (Т IV стр. 203). Этими извѣстіями воспользовались другіе ученые и на нихъ стали основывать свои научныя сужденія. Такъ напр. Лербергъ, приводя почти буквально свѣдѣнія изъ книги Лепехина, пишетъ, что рѣка Печора, страна и народъ на сей рѣкѣ названы русскими именно отъ пещеръ. Меж-

ду тѣмъ, на р. Печорѣ найдена только одна пещера, архимандритомъ Веніаминомъ, а другія во-семь указаны имъ далеко на Сѣверъ отъ Печоры, именно на р. Коротайкѣ. Да и въ самой книгѣ Лепехина указана собственно одна пещера на р. Вижаѣ; а далѣе написано, со словъ самихъ Самоѣдовъ, что ни Канинскіе, ни Тиманскіе, ни Пустозерскіе, ни Ижемскіе самоѣды пещеръ никакихъ и нигдѣ не видали (стр. 236, 242, 247). Слѣдовательно, никакъ нельзя предполагать, чтобы русскіе дали имя рѣкѣ Печорѣ и народу, обитавшему на ней отъ пещеръ; скорѣе они должны были бы этимъ именемъ называть Коротайку и народъ Югру, который жилъ гораздо сѣвернѣе.

Позднѣйшимъ изслѣдователямъ надлежитъ розыскать, имѣла ли Чудь и другіе финскіе народы свои жилища на болотахъ и озерахъ, подобно тому, какъ это открыто у озерныхъ жителей западной Европы. На возможность существованія такихъ жилищъ наводятъ самыя названія финско-венгерскихъ племенъ: Югра, или Угра и Суоми, или Сумь, т. е. озерные и болотные жители. А слѣды человѣка, открытые Паренсовымъ подъ тундрой въ долинѣ р. Онеги, еще болѣе укрѣпляютъ въ этомъ предположеніи.

Въ книгѣ Лепехина, какъ сказано выше, говорится, что въ пещерахъ Самоѣдской тундры попадаются, между прочимъ, человѣческія кости. Но, архимандритъ Веніаминъ и другія лица, сообщавшія болѣе позднія свѣдѣнія о пещерахъ Запечорскаго края ничего уже не говорятъ о нахожденіи въ нихъ человѣческихъ костей. До настоящаго времени, сколько намъ извѣстно, въ Архангельской губерніи добыто человѣческихъ черепныхъ костей

очень немного: нѣсколько череповъ извлечено изъ кладбища въ Кемскомъ уѣз. г. Комповскимъ и два черепа г. Тышинскимъ въ с. Пингишахъ Холмогорскаго уѣз, кромѣ того есть одинъ черепъ, приписываемый Чуди, въ Арх. Стат. Комитетѣ, найденный вблизи г. Архангельска. Черепа, вырытые г. Комповскимъ доставлены въ общество любителей Естествознанія, состоящее при Московскомъ Университетѣ, а г. Тышинскимъ въ Московское Археологическое Общество. (**). Но результаты антропологическихъ изслѣдованій этихъ череповъ намъ неизвѣстны. Вообще надобно сказать, что по предмету антропологическихъ изысканій органическихъ остатковъ югорскаго населенія и вообще чудскаго элемента въ здѣшнихъ обитателяхъ не сдѣлано ничего, хотя такія изысканія могли бы быть весьма интересны. Даже типическія особенности или особенности облика древнихъ обитателей не прослѣжены въ его потомкахъ, т. е. въ нынѣшнемъ русскомъ населеніи края. Такъ напр. вопросъ о цвѣтѣ лица и о цвѣтѣ волосъ югорской Чуди не раз-

**) Г. Тышинскій, какъ видно изъ отчета Секретаря Арх. Стат. Комитета за 1868 г., всѣ свои рисунки городищъ, валовъ и пр. и разнаго рода преданія о Чуди и пр. представилъ въ сѣздѣ археологовъ. Имъ собраны народныя преданія о Чуди въ деревняхъ и сѣлахъ Холмогорскаго уѣз.: Куростровѣ, Вавчугѣ, Емецѣ, Задворской, Ратовѣ-Наволоки, Бросачихѣ, Хаврогорахъ, Пингишѣ и Боровиковской; Шенкурскаго уѣз. въ Усть-Ваеньгѣ, Ваеньгѣ, Шилингѣ, Конецгорьи, Топѣ, Слудскѣ, Фадѣевой, Верхне-Борецкой, Нижне, Борецкой, Шабановской, Мартушевой, Заостровской, Усть-Вагѣ, Шенкурскѣ, Усть-Наденьгѣ и Махановскѣ.

рѣшенъ окончательно. По народнымъ преданіямъ, записаннымъ г. Тышинскимъ въ Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣз., Чудь имѣла темный цвѣтъ кожи и черные волосы и глаза; тогда какъ собственно финны отличаются свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ. Такимъ образомъ эпитетъ „бѣлоглазая“ ни коимъ образомъ не можетъ быть отнесенъ къ здѣшней югорской Чуди, а только къ Обонезской и собственно финской Чуди. Если же въ приведенныхъ нами народныхъ преданіяхъ Чудь нѣсколько разъ названа бѣлоглазою, то это мы считаемъ неподлиннымъ народнымъ выраженіемъ, а эпитетомъ, приданнымъ ей лицами передававшими рассказы, какъ то гг. Максимовымъ и Паренсовымъ, наслышавшимися о бѣлоглазой Чуди, въ другихъ мѣстностяхъ. Если судить по Остякамъ, и Вогуламъ, то Югра была народомъ темноволосымъ. Правда, академикъ Палласъ изображаетъ Остяковъ такъ: „Остяки большею частью роста средняго и малаго, слабосильны и особенно тонки и сухощавы въ ногахъ, лица почти безъ исключенія непріятны, блѣдны, ровные, ниспадающіе какъ попало красноватые и бѣлые волосы, еще болѣе ихъ обезображиваютъ.“ Но Кастрень противъ этого возражаетъ, что большею частью Остяки имѣютъ темный цвѣтъ лица и черные, какъ смоль, волосы, подобно Самоѣдамъ. Блѣднолицыхъ и бѣлокурыхъ между ними онъ считаетъ за потомковъ Зырянъ, удалившихся въ Сибирь при крещеніи ихъ св. Стефаномъ. (Ж. М. В. Д. 1853 г. № 5 стр. 272).

О Вогулахъ Лепехинъ пишетъ, что они небольшого роста, скулисты, одутловаты и нѣсколько къ кадыкамъ подхожи, черны, но только не такъ

какъ послѣдніе (Ч. III стр. 28). Если читатели припомнятъ, между Пермскими Пермской губ. явственно различаются два типа: одинъ типъ характеризуется свѣтлорусыми или рыжеватыми волосами, красноватою или желтоватою кожею, сѣрыми глазами и пр., другой-темнорусыми, почти черными волосами, смуглою кожею, карими и темнокарими глазами,—и этотъ послѣдній типъ сами Пермцы производятъ отъ Чуды. (Тамъ же 1858 г. № 4 стр. 67). Сколько намъ лично приходилось наблюдать крестьянскіе типы въ г. Холмогорахъ, то здѣсь намъ въ особенности бросалась въ глаза многочисленность рыжеволосыхъ, при томъ такъ, что рыжеватость переходитъ въ красный отливъ волосъ, и сравнительно меньше число темноволосыхъ. Но послѣдній типъ рѣзко отличается отъ перваго: глаза темнокаріе, волосы черные, иногда, какъ смоль, смуглый цвѣтъ лица, и при томъ обыкновенно низкій ростъ. Это типъ, безъ сомнѣнія, потомковъ Югры. Но откуда взялся первый, мы объяснить не можемъ, хотя можемъ прибавить, что простолюдины въ Бѣлозерскомъ, Череповецкомъ и Кирилловскомъ у. Новгородской губ., по словамъ Европеуса, болѣею частью бѣлокурые, имѣютъ финскія или лучше сказать, корельскія лица; хотя и въ тѣхъ мѣстахъ, какъ извѣстно, обитала югорская Чудь.

Сопутники первобытнаго человѣка, мамонты существовали и на нашемъ Сѣверѣ, это доказываютъ мамонтовья кости, находимыя въ Архангельской губ., хотя слѣдовъ человѣка при нихъ доселѣ не открыто. Мамонтовья кости особенно часто попадаютъ въ Запечерскомъ краѣ, гдѣ ихъ находятъ Самоѣды на своихъ пастбищахъ близъ береговъ или въ самыхъ берегахъ. Число костяковъ

примѣтно увеличивается по мѣрѣ приближенія къ Уральскому хребту; главное же ихъ скопленіе у Вайгаческаго пролива. Впрочемъ, въ 1841 г. докторъ Рупрехтъ нашелъ челюсть молодаго мамонта по сю сторону рѣки Печоры, близъ озера Урдіуга; а въ Музеѣ Арх. Статистическаго Комитета хранятся языкъ и часть челюсти мамонта, найденныя въ Шенкурскомъ уѣзд. въ берегахъ Двины. (Арх. Губ. Вѣд. 1868 г. № 95). Весьма можетъ быть, что кости мамонта были въ употребленіи у финскихъ обитателей Сѣвера, ибо, по словамъ Тацита, финны, по недостатку желѣза, стрѣлы свои заостряли костями. Если бы произвести систематическое изысканіе всякаго рода остатковъ ископаемыхъ животныхъ и слѣдовъ человѣка на Сѣверѣ, то навѣрное въ безконечныхъ лѣсахъ Архангельской губ. открылось бы великое множество исполинскихъ животныхъ древняго времени, а можетъ быть и груды ихъ костей внутри или около жилищъ древнихъ жителей югорскаго племени.

Къ сожалѣнію, такія изысканія до сихъ поръ не были дѣлаемы, и что можетъ дать Архангельская губернія по этой части положительно неизвѣстно.

Каменные и металлическія орудія также не имѣли у насъ ревностныхъ собирателей, а если подобные предметы были находимы у насъ, то совершенно случайно. Вотъ извѣстныя мнѣ находки каменныхъ орудій и оружій: 1) Согласно заявленію Архангельскаго Статистическаго комитета, помѣщенному въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, о доставленіи въ Комитетъ орудій изъ камня и кости, дѣйствительный членъ Комитета священникъ лопарскаго Нотозерскаго прихода Терентіевъ представилъ въ Комитетъ

топоръ изъ камня, съ объясненіемъ, что орудіе это найдено въ давнее время, въ Кольской губѣ въ осыпавшемся песчанномъ пригоркѣ, называемомъ „Лопскимъ“, немного ниже впаденія въ губу р. Колы. Это орудіе вначалѣ было съ острымъ лезвіемъ, но за употребленіемъ его вмѣсто бруса для точенія ножей и другихъ вещей, измѣнило частію первоначальный свой видъ и довольно стерлось. Должно предполагать, что то мѣсто, гдѣ найдено орудіе, служило въ давнее время чѣмъ либо жильемъ-притономъ Нормановъ или кочевьемъ Лопарей, такъ какъ находилось при самой водѣ, между высокими горами, при сліяніи двухъ рѣкъ Туломы и Колы; самое мѣсто низменное, ровное, въ настоящее время немного смыто теченіемъ р. Колы, которая теперь измѣнила свое направленіе отъ западной стороны на восточную, гдѣ существовать притонъ или кочевье (Арх. Губ. Вѣд. 1866 г. № 26). 2) Въ числѣ каменныхъ орудій, собранныхъ г. Бутеневымъ въ Олонецкой губ., есть одно, доставленное изъ Онежскаго уѣз. Арх. губ. 3) Дѣйствительный членъ Архангельскаго Статистическаго Комитета Тышинскій нашелъ, при разрытіи чудскаго кладбища въ Пингишенскомъ селѣ, Холмогорскаго уѣз., вмѣстѣ съ человѣческими остовами, нѣсколько стрѣлъ сдѣланныхъ изъ камня, изъ которыхъ одна совершенно походить на ту, изображеніе косой представлено въ статьѣ г. Бутенева подъ № 2-мъ. 4) Священникъ Дьячковъ представилъ въ мѣстный Статистическій Комитетъ громовую стрѣлу изъ с. Лямпы, Онежскаго уѣз. 5) Каменная стрѣла, подъ названіемъ „громовой“ имѣется у холмогорской мѣщанки Марфы Сорокиной, и служить лечебнымъ средствомъ противъ болѣзней. 6) Каменные топоры

и стрѣлы, по словамъ крестьянъ, находятъ близъ Устьицльмы и приписываются Чудн. 7) Громовыя стрѣлы находятъ и въ Онежскомъ уѣз., чаще всего въ камняхъ, при берегахъ рѣкъ и при расчепнутыхъ молніей деревьяхъ и пр. Это камешки, на подобіе стрѣлы и въ видѣ грифелей, употребляемыхъ для писанія на аспидныхъ доскахъ (Сообщилъ П. Ивановъ).

О громовыхъ стрѣлахъ народъ въ Архангельской губ. думаетъ, что онѣ спадаютъ съ неба во время грозы, какъ оружіе Божье, направляемья противъ діавола, и снова улетаютъ на небо, при появленіи другихъ грозъ. По другому вѣрованію, молніеносныя каменныя стрѣлы притягиваетъ съ земли на небо радуга, съ тѣмъ, чтобы они снова были употреблены въ дѣло. Громовымъ стрѣламъ придаютъ здѣсь не только лечебную силу, въ случаѣ нѣкоторыхъ болѣзней, для чего скоблятъ ихъ въ воду и пьютъ эту воду, но ихъ стараются имѣть у себя въ другихъ важныхъ случаяхъ, напримѣръ, во время грозы, чтобы избавиться отъ удара молніи, въ другое время для того, чтобы не испортилъ черноокнижникъ, а также при свадьбахъ, отъ порчи. Изъ формъ и мѣстонахожденія отыскиваемыхъ здѣсь громовыхъ стрѣлъ нетрудно убѣдиться, что подъ этимъ именемъ народъ разумѣетъ не однѣ действительныя каменныя стрѣлы, но также ископаемые белемниты и камни фульгурины, образующіеся отъ удара молніи въ песокъ. Тѣ стекловидныя глазки, т. е. глызки, или кусочки, которые, по рассказамъ Ладожанъ, записаннымъ лѣтописцемъ подъ 1114 годомъ, падали съ неба изъ тучъ, также, по всей вѣроятности, принадлежали къ послѣднимъ двумъ

категоріямъ естественно — историческихъ предметовъ.

Въ отдѣлѣ народныхъ преданій мы сообщали, что въ Пинежскомъ уѣздѣ, у древняго чудскаго могильника, рядомъ съ Шардонемскимъ селеніемъ, крестьяне находятъ обломки стрѣлъ, копій и другія вещи. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно куда отнести ихъ: къ каменнымъ ли орудіямъ и предметамъ, или къ металлическимъ.

О металлическихъ вещахъ, приписываемыхъ Чуди, извѣстно пока очень мало. Перечислимъ указанія на мѣста находокъ этихъ вещей. Въ пещерахъ на р. Песчанкѣ отыскиваютъ мѣдные вещи, вмѣстѣ съ глиняною посудою. Въ с. Ижмѣ находятъ желѣзные орудія: заступы, топоры, копачи, копы и пр. формы отмѣнной отъ нынѣшнихъ. Въ с. Устьцыльмѣ находится желѣзный топоръ, отличающійся необыкновенною твердостью. Вообще въ Запечорскомъ краѣ и Мезенскомъ уѣз. наиболѣе всего бываетъ находокъ древнихъ вещей, относимыхъ народомъ ко временамъ Чуди; по р. Мезени даже кольца, монеты и серебрянныя серьги извѣстны съ общимъ названіемъ чудскихъ. О находкахъ въ другихъ частяхъ губерніи ничего не обнародовано. Изъ письменныхъ памятниковъ извѣстно только то, что югорская Чудь Архангельской губ. въ концѣ XI ст. владѣла уже желѣзнымъ орудіемъ: топорами, ножами и пр., которое промѣнивала народамъ, обитавшимъ за Уральскими горами на мѣхъ; а въ концѣ XII вѣка копила уже серебро и платила имъ дань Новгородцамъ.

Что деньги были извѣстны Чуди, можно предполагать на основаніи сказаній норвежскихъ о чашѣ съ золотыми монетами, которая стояла на ко-

леняхъ у идола Юмаллы. Впрочемъ, можетъ быть это были монеты норвежскія или англосакскія. Но съ другой стороны, если признавать, что Югра платила дань Новгородцамъ серебромъ, то нѣтъ никакого основанія отвергать, чтобы она не придавала какой нибудь формы кускамъ этого серебра и не клала бы на нихъ своихъ знаковъ, подобно тѣмъ изображеніямъ, какія встрѣчаются на серебряныхъ кускахъ въ Олонецкой губ. и на мѣстѣ развалинъ древняго Болгарскаго города.

Количество серебра на нашемъ Сѣверѣ было всегда огромное. Извѣстно, что всѣ поборы, налагаемые Великими князьями на Новгородъ главнымъ образомъ падали на здѣшній край; такъ называемыя печорскія даны переходили часто въ руки князей. Когда при Дмитріѣ Васильевичѣ Новгородцы должны были заплатить окupu 8 тысячъ руб., то они со всѣхъ своихъ волостей и съ самаго Новгорода собрали только 3 тысячи, а Заволочье дало 5 тысячъ.

Откуда же печорская Югра и всѣ вообще Заволочане брали то серебро, которымъ должны были платить дань Новгороду, а чрезъ послѣдній и великому князю? Карамзинъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, что оно шло чрезъ Югру изъ Сибиря; но что въ европейской Россіи оно не добывалось. Основаніемъ утверждать такъ, для него служить названіе въ лѣтописяхъ серебра за-Камскимъ; напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ Новгородской лѣтописи: Великій князь Иванъ приде изъ Орды (въ 1232 г.) и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра за Камскаго (Т. IV, кр. 291 Т. V стр. 233). Между тѣмъ самъ же Карамзинъ, приводитъ слова венеціанскаго путешественника Марко Паоло

(1270 г.), что русскіе богаты собственными серебрянными рудниками; но что страна ихъ весьма холодна, потому что распространяется до ледовитаго моря (Т. V. пр. 419)

Не отвергая того, что часть серебра и другихъ металловъ шла въ Югру и Заволочье изъ Сибири, кажется нельзя положительно отрицать и того, чтобы то и другое не добывались на нашемъ Сѣверѣ. Вѣдь было же находимо въ нашей губерніи серебро, мѣдь и даже золото и разрабатывались же эти металлы, съ значительною прибылью, въ прошломъ столѣтіи, въ разныхъ мѣстахъ Мезенскаго и Кемскаго уѣздовъ; трудно же предполагать, чтобы Югра не отыскивала и не разрабатывала ихъ; въ особенности противъ этого не могутъ возражать тѣ, которые допускаютъ, что старинныя копи на Алтаѣ принадлежатъ Чуди. Если она могла найти и разрабатывать металлы тамъ, то почему не могла дѣлать того же самаго здѣсь? Правда, русскія лѣтописи не указываютъ на разработку металловъ у насъ ранѣе 1492 г., когда на р. Цыльму былъ посланъ грекъ Мануиль „съ мастерами съ фрязы серебра дѣлать и мѣди“; но не могли же его послать вдругъ ни съ того ни съ сего; по всей вѣроятности, знали, что тамъ и раньше добывались металлы, по крайней мѣрѣ существовало о томъ преданіе, какъ и теперь существуютъ между народомъ древнія преданія будто бы на Новой Землѣ добывалось серебро Новгородцами.

Что касается до желѣза, то оно до прошлаго десятилѣтія настоящаго столѣтія добывалось изъ болотъ въ Шенкурскомъ и Кемскомъ уѣздахъ, гдѣ встрѣчается богатая желѣзная руда, и только вы-

сокая пошлина на дрова, необходимыя при выдѣлкѣ этого металла заставила ихъ бросить разработку. (*) Въ Шенкурскомъ уѣздѣ желѣзная руда находится въ лѣсныхъ болотахъ, смѣжныхъ съ Ровдинскою волостью; этой руды тамъ, кажется, въ недавнее время не разрабатывали, и въ Суландской волости, жители которой прежде 1858 г. выдѣлывали въ годъ желѣза до 200 пудовъ и болѣе. Въ половинѣ же XVII столѣтія при Шалашѣ, выше г. Шенкурска, существовалъ даже желѣзноплавильный заводъ, гдѣ даже сверлили пушки (Арх. Губ. Вѣд. 1858 г. № 3). Въ Кемскомъ уѣзд. проплавляли желѣзную руду въ большомъ количествѣ кореллы, живущіе въ деревняхъ Жерецкой, Мало-оерской и Кобятозерской (тамъ же). И въ концѣ XVI вѣка желѣзо добывалось въ Корельской землѣ, а также близъ Каргополя (Карамз. Т. X. стр. 145). Судя по названію волости Ровдогоры, на островѣ и горѣ того же имени, противъ г. Холмогоръ (по фински *ganta*, или ровдо—желѣзо) нѣкоторые предполагаютъ присутствіе и тамъ, какъ въ Ровдинской волости Шенкурскаго уѣзд., желѣза, тѣмъ болѣе, что на Ровдинской горѣ есть сѣрные колодцы, а сѣра спутникъ желѣза. (Арх. Губ. Вѣд. 1853 г. № 6).

Имя Ровды, одного изъ чудскихъ старшинъ, продаваго свои земли въ Шенкурскомъ уѣзд. Свое-

*) Подробныя свѣдѣнія о металлахъ, разрабатывавшихся въ Арх. губ. можно найти въ Арх. Губ. Вѣд. 1845 г. стр. 276, 1847 г. № 1. 1858 г. №№ 3, 4, 5 и т. д. Отчетъ Запечорской Экспедиціи. Гидрографія Штуккенберга т. II стр. 28.

земцевымъ въ 1315 г., говорить объ извѣстности Чуди этого металла въ началѣ XIV вѣка.

Основываясь на сходствѣ названій мѣстностей, оставленныхъ конечно Чудью, съ Чудскимъ названіемъ желѣза, можно было бы утверждать, что желѣзо было самостоятельно разрабатываемо Чудью, также какъ и другіе металлы, если бы не существовало мнѣнія финнолога Шегрена, что слово *ganta* — руда заимствовано изъ языковъ славянскихъ, потому что въ языкахъ индоевропейскихъ (латинское *gudis*, литовск. *guda*, *gauda* — красная краска, *gidas* — темнокрасный, русск. руда въ смыслѣ крови, рудый — красно-желтый) это слово имѣетъ свой корень и смыслъ, въ финскомъ же представляется безъ особеннаго знаменованія, хотя и получило весьма широкое распространеніе и даже перешло въ мѣстные названія (Древности Т. 1. в. 1. 1865 г. стр. 65). Впрочемъ, это еще неокончательно установившееся въ наукѣ мнѣніе, а составляетъ вопросъ, подлежащій дальнѣйшей провѣркѣ и разработкѣ, какъ видно изъ того, что въ числѣ вопросовъ бывшаго въ Москвѣ археологическаго съѣзда, выставлены были и эти: подтверждается ли новѣйшими лингвистическими изслѣдованіями указанное впервые покойнымъ Шегреномъ различіе въ названіяхъ металловъ, въ особенности золота, серебра и желѣза, у западныхъ финскихъ племенъ отъ таковыхъ же названій у восточныхъ финновъ (чудско-угорскихъ племенъ)? и заимствованы ли названія упомянутыхъ металловъ западно-финскими племенами изъ языковъ славянскихъ и нѣмецкихъ, а восточными финнами изъ языка одного изъ народовъ иранскаго племени?

Если такіе общіе вопросы, какъ приведенные выше, не разрѣшены еще окончательно, то никакъ нельзя требовать, чтобы указаны были какіе либо опредѣленные результаты на счетъ археологическихъ и антропологическихъ вопросовъ нашего края. Всѣ факты, которые только что приведены были нами, добыты случайно безъ специальныхъ изслѣдованій; поэтому они ничего положительнаго не даютъ, кромѣ доказательствъ того, что, при тщательныхъ изысканіяхъ, нашъ край представилъ бы множество разнообразныхъ предметовъ для изслѣдованія быта древнихъ народовъ Сѣвера. Эти городища, могильники, курганы, пещеры, торфяныя кучи, кости мамонтовъ, человѣческія кости, мѣдныя и металлическія орудія зовутъ къ себѣ ученыхъ изслѣдователей, обѣщая дать богатые результаты для науки.

Намъ кажется, что изслѣдованія сѣверныхъ древностей отдаленной старины въ связи съ антропологическими изысканіями въ состояніи были бы разрѣшить множество чрезвычайно важныхъ вопросовъ по доисторическомъ періодѣ жизни финскихъ и др. племенъ Сѣвера. Серьезныя и систематическія научныя изслѣдованія могли бы отвѣтить, или по крайней мѣрѣ, дать изобильные матеріалы для разрѣшенія слѣдующихъ вопросовъ: 1) Принадлежитъ ли Югра къ самымъ древнѣйшимъ обитателямъ крайняго Сѣвера, или до него былъ тамъ еще болѣе древній народъ. 2) Югорское населеніе появилось ли здѣсь въ ледяной періодъ, т. е. послѣ того переворота на сѣверѣ, слѣды котораго до сихъ поръ остались въ валунахъ, чертахъ проведенныхъ на скалахъ и въ безчисленныхъ болотахъ, или до того времени. 3) Если до появленія

Югры и вообще финских племенъ, въ два упомянутые періода, существовали здѣсь иные народы, болѣе древніе, то чѣмъ эти первобытные обитатели Сѣвера отличались въ своемъ бытѣ и въ своихъ антропологическихъ особенностяхъ отъ финскихъ народовъ. Разрѣшеніе этого вопроса способствовало бы разрѣшенію частнаго: 4) тождественны ли предки нынѣшнихъ Лопарей и Самоѣдовъ съ тѣми обитателями западной Европы древнѣйшаго періода каменнаго вѣка, которыхъ нѣкоторые ученые признаютъ за предковъ Лопарей. 5) Какъ смѣнялись здѣсь одни финскія племена другими, или точнѣе: дѣйствительно ли появленіе Югры предшествовало здѣсь появленію собственно Финновъ, Лопарей, Зырянъ и Самоѣдовъ. 6) Какіе слѣды и памятники существованія оставлены у насъ тѣмъ или другимъ финскимъ народомъ и чѣмъ они разнятся между собою. 7) Замѣтна ли преемственность формъ въ находимыхъ здѣсь орудіяхъ каменныхъ и металлическихъ. 8) Прошла ли Югра или другія финскія племена самостоятельно черезъ всѣ три періода развитія, т. е. чрезъ каменный, бронзовый и желѣзный вѣка, разработывая собственные металлы, или же она получила металлическія орудія отъ другихъ народовъ, съ которыми находилась издавна въ торговыхъ сношеніяхъ.

Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ возможно только послѣ систематическаго приведенія въ извѣстность археологическихъ памятниковъ Архангельской губ. и при помощи антропологическихъ и лингвистическихъ изысканій. Какимъ же образомъ достигнуть послѣдней цѣли? Въ отвѣтъ на это, мы позволяемъ себѣ повторить почти тоже самое, что

сказано было нами въ статьѣ „По поводу готовящагося археологическаго съѣзда. (Арх. Губ. Вѣд. 1869 г. № 19 и 20), Вообще надобно сказать, что въ нашемъ краѣ замѣчается полное равнодушіе къ изысканію и сохраненію древностей. Мы не имѣемъ ни одного общественнаго или частнаго хранилища древностей губерніи, ни одного спеціальнаго изслѣдованія въ археологическомъ отношеніи не только цѣлой губерніи, но даже частей ея; у насъ не произведено ни одной раскопки строго научнымъ образомъ; мы не имѣемъ ни одного специалиста и даже любителя по части общей или мѣстной археологіи.

Между тѣмъ, памятники старины истребляются безпощадно рукою человѣка и стихіями. Изъ приведенныхъ въ началѣ статьи свѣдѣній, мы видѣли, что народъ разрываетъ старинныя чудснія городища, кладбища и курганы, въ надеждѣ отыскать сокровища, и такимъ образомъ навсегда разрушаетъ монументальныя памятники старины. Самые вещи, находимыя крестьянами, разумѣется, погибаютъ въ ихъ рукахъ безслѣдно для науки. Еще болѣе памятниковъ уничтожено водой. Значительная часть городищъ и могильниковъ здѣшняго края расположена на возвышенныхъ берегахъ рѣкъ и ручьевъ. Рѣки же Сѣвера, по причинѣ кратковременной весны и быстрого таянія изобильныхъ снѣговъ, отличаются необыкновенною быстротою; воды ихъ съ большою силой бьютъ о берега и постоянно сносятъ береговую землю, разрушая возвышенности; рѣки часто даже измѣняютъ свое направленіе и образуютъ новыя русла; очевидно, что и памятники, расположенные на берегахъ и зак-

лючающіеся въ нихъ остатки человѣка разрушаются или уносятся водами.

Все сказанное выше убѣждаетъ съ одной стороны въ необходимости скорѣйшаго изслѣдованія нашего края, съ другой стороны въ томъ, что на мѣстную интеллигенцію въ этомъ случаѣ разсчитывать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, если бы можно было отъ нея ожидать чего либо на пользу науки, то, конечно, она уже успѣла бы проявить свою дѣятельность. Да и какая тутъ интеллигенція? Нѣсколько чиновниковъ, которые прибыли сюда для собственнаго пропитанія и для которыхъ исполненіе служебныхъ обязанностей составляетъ все. При томъ же, если бы они при своемъ неумѣніи взялись за археологическія и др. научныя изслѣдованія, то это могло бы принести больше вреда, нежели пользы; всякому извѣстно, что тѣ археологическія и антропологическія розысканія, которыя дѣлались лицами безъ надлежащей подготовки, только уничтожали слѣды древностей, а если и сохранялись они, то по нимъ нельзя было прийти ни къ какимъ научнымъ выводамъ, потому что розыскатели не обращали вниманія на мелочи и на мелочныя, по видимому, обстоятельства, которыя въ такихъ изслѣдованіяхъ значать многое.

Ученыя изслѣдованія Архангельской губ. въ другихъ отношеніяхъ производимы были чрезъ снаряженныя разными учеными обществами и учрежденіями экспедиціи специалистовъ. Такъ сюда являлись по порученію обществъ, извѣстные въ ученомъ мірѣ лингвисты, натуралисты: геологи, ботаники, зоологи, также изслѣдователи промысловъ и пр. Поэтому, и для археологическихъ изысканій необходимо экспедиція ученыхъ. Экспедиція изъ

археолога, антрополога и лингвиста, отправленная на Сѣверъ, сдѣлала бы много драгоценныхъ открытій для науки. Желательно, чтобы наши спеціальныя общества хотя на будущемъ археологическомъ съѣздѣ подняли вопросъ объ изученіи сѣверныхъ древностей и о снаряженіи на Сѣверъ экспедиціи.

Въ самомъ дѣлѣ не странно ли, что до сихъ поръ только югъ Россіи съ его классическими и скифскими древностями привлекаетъ взоры ученыхъ и манить къ себѣ специалистовъ-исслѣдователей, а сѣверъ не удостоивается ихъ вниманія, остается въ забвеніи. тогда какъ сѣверныя чудскія племена играли болѣе значительную роль въ судьбахъ нашего отечества, нежели напримѣръ Скифы и даже Греки. Если отъ послѣднихъ мы приняли многія хорошія и дурныя духовныя начала, то первые передали намъ плоть и кровь свою, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не вліять на духовную сторону и гражданскую жизнь, въ особенности въ первое время, когда они участвовали въ созданіи и утвержденіи государственнаго начала въ нашемъ отечествѣ. (*)

И. Ефименко.

Г. Холмогоровы.

*) Попытка указать вліяніе чудскаго элемента на мѣстное населеніе въ сферѣ обычнаго права сдѣлана нами въ книгѣ «Оборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губ.» 1868 г. Ч. 1 стр. 15, 16, 240, 243, 246, 276.

(Изъ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей),